

М. З. Закиев

История татарского народа

Этнические корни,
формирование
и развитие

И Н С А Н
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РЕГИОНЫ ОБИТАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

1. Турецкие тюрки	15. Карачайские тюрки
2. Балканские тюрки	16. Балкарские тюрки
3. Казахские тюрки	17. Ногайские тюрки
4. Узбекские тюрки	18. Якутские тюрки
5. Кыргызские тюрки	19. Алтайские тюрки
6. Туркменские тюрки	20. Хакассские тюрки
7. Каракалпакские тюрки	21. Тувинские тюрки
8. Уйгурские тюрки	22. Сибирские тюрки
9. Татарские тюрки	23. Иракские туркмены
10. Чувашские тюрки	24. Сирийские туркмены
11. Башкирские тюрки	25. Кипрские тюрки
12. Азербайджанские тюрки	26. Кашгайские тюрки
13. Дагестанские тюрки	27. Хамсинские туркмены
14. Кумыкские тюрки	

УДК 93/99+39
ББК 63,5+63,3 (2Р-6Т)
3 18

Научные редакторы:

доктор исторических наук, профессор *Я.Ш.Шарапов*,
доктор исторических наук, профессор *А.Г.Мухаммадиев*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Ю.К.Бегунов*,
доктор исторических наук, профессор *Д.К.Сабирова*,
доктор философских наук, профессор *Р.Х.Бариев*

Закиев М.З.

3 18 История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие).
/ Закиев М.З. — М.: ИНСАН, 2008. — 560 с.

ISBN 978-5-85840-013-4

В книге излагается история татарского народа с древнейших времен до наших дней. Она состоит из глав, посвященных истории вопроса, определению этнических корней тюрков — как предков татар, так и самих татар, исследованию путей формирования татарского народа, изложению проблем его возрождения и развития.

В книге речь идет не о всех татарах, а в основном о болгаро-татарах, сформировавшихся как этнос в результате консолидации древних местных тюркских племен, получивших в период Булгарского государства общее название *болгары* и затем под влиянием татарского государства Золотой Орды сменивших свой общий этноним *болгары* на наименование *татары*. Затрагиваются и некоторые аспекты этногенеза первоначальных татар, *та-та/да-да* (северных соседей Китая), древних татар, монголо-татар, тартар, татар-нерусских, ордынских татар, тюрко-татар, крымских и добруджинских татар.

Для научных работников, студентов и аспирантов, а также широкого круга читателей, интересующихся этнографией и историей тюркских народов.

УДК 93/99+39
ББК 63,5+63,3 (2Р-6Т)

ISBN 978-5-85840-013-4

© Закиев М.З., 2008
© Оформление «ИНСАН», 2008
© Artwork by Angus Mc Bride.
Osprey Publishing, 2000

ОТ АВТОРА

В 1998—2002 годах мною была написана книга «Происхождение тюрков и татар», которая в 2003 г. опубликована в московском издательстве «Инсан» (494 с.). В международной, центральной и местной печати она получила положительную оценку. Имея в виду ее значение для тюркской истории в целом, в Турции эту книгу перевели на турецкий язык и издали ее под названием «Türklerin ve Tatarların kökeni» (Стамбул, изд-во «Селенга», 2006, 512 с.). В этом труде, исходя из анализа всех имеющихся первоисточников, я доказываю, что современные татары имеют очень глубокие, древние местные этнические корни, что их предки не были пришельцами или завоевателями Урало-Поволжья.

В последние годы появились работы, в которых, исходя из установок европоцентризма, делается попытка полного отрицания наличия древних местных этнических корней татарского народа. Оказывается, предки татарского народа на территории Урало-Поволжья, которая первоначально принадлежала якобы только индоевропейцам, являются сравнительно поздними пришельцами из различных регионов.

Попытка не только изложения, но и развития европоцентристской точки зрения на историю татар (следовательно, и на историю тюрков в целом), предпринятая в подобных работах, побудила меня к подготовке дополненного издания книги «Происхождение тюрков и татар». При этом было решено сосредоточить внимание на изложении истории татарского народа, а именно на раскрытие его местных этнических корней, на определение путей его формирования и развития. И история древних тюркских племен освещалась в порядке установления тюркских этнических корней современного татарского народа.

Дополнительные и более глубокие исследования этнических корней татар дали возможность внести в книгу существенные коррективы историко-лингвистического характера. В итоге получилась другая книга, написанная на основе изучения новых источников с использованием идей, изложенных в моих прежних исторических трудах. Поэтому книгу я решил назвать как «История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие)». Если книгу назвать «История татар», то она должна включать в себя историю всех так называемых татар: первоначальных татар, та-та, древних татар, татар-нерусских, тартар, ордынских татар, тюрков-татар, крымских татар, добруджинских татар. Рассмотрение истории в таком широком плане может стать предметом для других исследований.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. **Общие сведения.** Каждый этнос (род, племя, нация) имеет свои, присущие только ему этнические особенности, т.е. характеризуется своими антропологическими признаками, особым языком, своим укладом повседневной жизни (бытом), своими нравами-обрядами, своей культурой, которые передаются последующим поколениям. Проведя основательное сравнительное изучение этнических особенностей современного татарского народа и народов Казанского ханства, Золотой Орды, Булгарского государства, Биармии и древних тюркских государственных образований, мы установили, какие прежние этносы принимали активное участие в формировании этнических особенностей татарского народа, т.е. какие этносы можно считать его этническими корнями, а какие этносы, внося в него лишь некоторые вкрапления, не оказали существенного влияния и не могут считаться его этническими корнями.

Историки, специально не занимавшиеся историей современного татарского народа, в конце XIX и начале XX вв., а также в советский период, при написании истории соседних народов — русских, чувашей, мордвы, удмуртов, марийцев, иногда даже башкир, основным этническим корнем татар считали монголо-татарских завоевателей края, представляя татар не местными, а пришлыми на территории Урало-Поволжья и Западной Сибири. Но русские и татарские историки, специально занимаясь этнической историей татар, приходили к твердому убеждению, что татары имеют мощные местные этнические корни в лице местных тюркоязычных и тюркизированных племен, получивших в период булгарского государства общее название *булгар*, которые затем под влиянием Золотой Орды начали применять этноним *татар*, ставший самоназванием лишь в конце XIX и начале XX века.

В 90-х годах XX в. среди татарских историков появились некоторые «специалисты», которые начали пропагандировать «величие» татарского народа, считая татар потомками «великих» чингизидов, а именно монголо-татарских завоевателей.

Тем самым они продолжали традиции неспециалистов по татарской истории (и специалистов по истории соседних народов), идентифицирующих татар с монголо-татарскими завоевателями. Свою татаро-татарскую концепцию эти «специалисты» пытались укреплять своей непримиримой борьбой против советской власти и коммунистов, пытавшихся якобы утверждать, что татары являются местными по происхождению. Между тем, именно в советское время, именно при коммунистах, официальные историки идентифицировали татар с монголо-татарскими завоевателями.

В этой книге «История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие)» на основе анализа археологических, мифологических, искусствоведческих, фольклорных, письменных и особенно лингвистических данных доказывается неадекватность исторической идентификации современных татар с монголо-татарскими завоевателями края, обосновывается положение, по которому современные татары имеют мощные местные этнические корни. Самыми близкими, неглубокими этническими корнями татар, как было уже сказано, выступают многочисленные местные тюркские племена, консолидировавшиеся в период Булгарского государства в булгарский народ. Какие же это были тюркские племена, т.е. из каких этнических корней вырос булгарский народ, это до сих пор специально не изучено. Имеется только общее определение, что этническими корнями булгар являются тюрки. Если «копать» историю еще глубже, то окажется, что не раскрыты этнические корни и самих тюрков.

Таким образом, при изучении этнических корней современных татар мы должны разобраться в их не очень глубоких этнических корнях (булгарах), а также — в более глубоких этнических корнях (тюрках) и далее в этнических корнях самих тюрков.

Необходимо предупредить читателя и о том, что автор этой книги не отрицает наличие в составе татар и монголо-татарских этнических вкраплений, которые, будучи незначительными, относительно быстро растворились среди местных тюркоязычных племен, не оставив при этом заметных языковых и антропологических следов. Точно так же они растворились и среди предков казахов, узбеков, башкир, каракалпаков и др.

Исходя из изложенного, автор книги при исследовании этнических корней, проблем формирования и развития совре-

менного татарского народа ясно различает татарский, болгарский, тюркский, даже дотюркский периоды истории. Дотюркским мы называем период истории тюркоязычных племен, проживавших под многочисленными этнонимами до появления и распространения в I—VII вв. н.э. этнонима *тюрк*.

§ 2. **Кого называли и называют татарами?** Прежде чем приступить к изложению проблем истории татар, необходимо разобраться в том, о каких татарах ведется здесь речь. Часто *тата́рами* называли и называют разные народы, порою этнически не связанные друг с другом. Многие историки и этнологи в XIX—XX вв., следуя за казанскими миссионерами, этнонимом *татар* (без определений) обозначают народы, которые в прошлом кем-то назывались татарами, например, и древних татар, и монголо-татар, и ордынских татар и современных болгаро-татар — всех называют просто татарами. В результате эти этнически не связанные или только частично связанные татары идентифицировались одинаково. Эту идентификацию мы находим в монографиях по истории татар, в «татарских» разделах школьных и вузовских учебников, написанных некоторыми русскими и иногда зарубежными авторами.

Одним из основных направлений исследований ведущих болгаро-татарских историков еще тогда была их борьба против идентификации современных болгаро-татар с древними татарами, монголо-тата́рами, ордынскими татарами.

В середине 90-х годов, как ни странно, и среди татарских историков появились люди, идентифицирующие современных болгаро-татар с монголо-тата́рами. Эти так называемые *тата́ро-тата́ристы* вместо концепции тюрко-болгарского происхождения современных татар восстанавливают устаревшую миссионерскую концепцию монголо-татарского или ордынского-татарского их происхождения. В результате, татарские татара-тата́ристы и некоторые русские историки объединяют всех татар в одно целое и показывают современных болгаро-татар непосредственными потомками монголо-тата́р, ордынских татар, даже «тартар».

Учитывая все это, нам вначале необходимо разобраться в семантике этнонима *тата́ры*. Кого же называли и сейчас называют татарами?

1. Насколько позволяют судить исторические источники, этноним *тата́р* еще задолго до н.э. был самоназванием довольно

развитого, известного тогда племенного союза или народа, являвшегося северным соседом и соперником Китая. Известно, что китайцы еще тогда относились к ним настороженно и враждебно, поэтому их этноним *татар* (по-китайски: *та-та: р* не произносится) постепенно приобрел значения 'неряшливый', 'грязный', 'варвар'. Они, по-видимому, говорили на тюркском языке, ибо этноним *татар* состоит из тюркских корней: *ар/ур* 'мужчины', 'люди', *тат* 'чужие' или 'приятные'. *Татар* в целом означает 'чужие люди' или 'приятные люди', Хронологически эти татары — **первые** нам известные **татары**.

2. Этнонимом *та-та* или *да-да* китайцы называли всех своих северных соседей: монголов, маньчжуров и тюрков. Даже великую китайскую стену они начали возводить, защищаясь от татар, т.е. от всех своих северных близких и дальних соседей [Митфорд В., 1838, т. IV, 189]¹. Чтобы отличить от других, этих татар можно назвать на китайский манер просто *та-та*.

3. Позже этноним *татар* мы находим и в письменных источниках. Например, этноним *отуз татар* 'тридцать татар' зафиксирован в руническом памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII в. н.э.), этноним *токуз татар* 'девять татар' — в руническом «Памятнике Моюн-чуру» (VIII в. н.э.). Были ли эти этнонимы самоназваниями (эндоэтнонимами) или названиями этих племен со стороны других (экзоэтнонимами) пока неизвестно, но зафиксированный в рунической письменности этноним *татар* говорит о том, что тогда в Центральной Азии жили племена, называемые татарами.

В том же VIII в. племена под названием *татар* фиксированы в составе Кимакского государства, которое функционировало в VIII—XI вв. в Западной Сибири между Иртышом и Уральскими горами, в Казахстане и Средней Азии. Это государство играло значительную роль в складывании народности казахов и сибирских тюрков (татар). Последние тогда именовали себя по названиям местностей, лишь в XIX—XX вв. приняли этноним *татары*.

Во II половине XI в. Махмуд Кашгарлы в своем энциклопедическом труде «Дивану лугат ит-тюрк», перечисляя тюрк-

¹ В квадратных скобках указываются краткое название источника и страницы. Полные названия использованных источников даны в разделе «Библиография» в конце книги.

ские народы, место *татар* указывает рядом с киргизами. Он пишет, что самые близкие к Византии тюрки — это *печенеги*, далее расположены: *кыпчаки*, *огузы*, *йемеки*, *башкирты*, *басмылы*, *каи*, *йабаку*, *татары*, *киргизы*; киргизы — самые близкие соседи Китая [Кашгарлы М., 1992, т. I, 28]. По этому сообщению становится понятно, что татары расположились где-то в Центральной Азии.

Все эти татары, называемые обычно *древними татарами*, не стали прямыми предками современных булгаро-татар, ибо они в массовом порядке не переселялись на территории образования Волжско-Булгарского государства. Если незначительная часть и просочилась на эту территорию, то она в составе Булгарского государства приняла общий этноним *булгар*. Древние татары в процессе распространения общего этнонима *тюрк* постепенно потеряли свой этноним.

4. Центральноазиатской части древних *татар* среди монголоязычных и маньчжуроязычных народов удалось занять господствующее положение и передать последним этноним *татар* как общее название. Именно в борьбе с этими татарами Тимучину — Чингиз-хану удалось создать могучее государство и под общим названием *татар* организовать сильную армию, имеющую систему четкой субординации. Эту армию обычно называют *монголо-татарами*. В ходе завоевательных походов чингизидов в состав этой армии вливались представители других побежденных народов: тюрков, китайцев, персов, арабов, кавказцев, славян, финно-угров и т.д. Эти многоязычные монголо-татары оседали по всей Монгольской феодальной империи, которая включала Монголию, большую часть Сибири, Северный Китай, Корею, Центральную и Среднюю Азию, Афганистан, Иран, Закавказье, Северный Кавказ, Волжскую Булгарию, значительную часть русских земель. Завоевательные армии чингизидов назывались *татарскими* и после распада Монгольской феодальной империи, в период функционирования и расширения самостоятельных монгольских государств Батыя (Улуса Джучи), Хулагу (завоевавшего еще и Двуречье, Арабский халифат, Сирию), Чагатая и Хубилая (покорившего Северный Китай и другие страны и назвавшего свою империю *Юань*). Но сами монголо-татары во всех монгольских государствах составляли незначительную часть населения и очень быстро ассимилировались среди местных тюр-

ков, китайцев, персов, арабов, кавказцев, славян, а также тюркоязычных народов. Монголо-татарами или просто татарами долгое время назывались чингизиды, занимавшие в этих государствах господствующее положение.

Монголо-татары, некоторыми историками хотя и считаются предками современных татар, на самом деле они не имеют близкого этнического отношения к татарам, их нельзя считать предками ни булгаро-татар, ни узбеков, ни афганцев, ни китайцев, ни персов и т.д.

5. Ученые Западной Европы еще в XIV в. считали татарами, по их выражению **тартарами** (выходцами из Ада), население всех монгольских государств чингизидов. Согласно такому пониманию семантики этнонима *татар* западноевропейские ученые на первых европейских географических картах размещали так называемую Тартарию в пределах территорий, подчиненных чингизидам. Они же начали писать труды о тартарах. Увидев такие карты и первые труды о тартарах, некоторые татарские историки выражали искреннее удивление величию своих «предков», вот, мол, тартары — наши предки, занимали какие обширные регионы Евразии. На самом деле всем понятно, что потомками тартар, т.е. населения Монгольской феодальной империи и всех четырех улусов чингизидов, являются не одни татары, а прежде всего — монголы, тюрки, маньчжуры, китайцы, иранцы, арабы, кавказцы, русские, финно-угры и т.д.

6. Русские ученые и приглашенные ими западноевропейские ученые называли все население Джучиева Улуса (Золотой Орды) татарами. Этих татар, т.е. население Золотой Орды, для точности называют **ордынскими татарами**.

7. Позже, изучая Восток до Тихого океана, русские ученые все нерусское население до океана считали татарами. Даже палеоазиатских орочей, живущих напротив Сахалина, русские исследователи называли татарами, отсюда и пролив был именован Татарским. Такое значение этнонима *татары* можно было бы именовать словом **татары-нерусские**.

8. По мере изучения восточных народов русские ученые поняли, что ордынские татары состоят из многих этносов со своими этнонимами, но не отказались и от общего их названия *татары*, начали применять его с определениями, состоящими из самоназваний или названий мест обитания этих народов: *абаканские татары (хакасы)*, *азербайджанские та-*

тары, барабинские татары, башкирские татары, болгарские татары, буджакские татары, вогульские татары (манси), джагатайские татары, енисейские татары, закавказские татары, казахские татары (азербайджанцы), киргизские татары (казахи и киргизы), кумыкские татары, татаритаранчи, туркменские татары, узбекские татары, хакасские татары, черкесские татары и т.д. В ходе колонизации Востока участники научных экспедиций выявили, что восточные народы состоят из финно-угров, тюрков, палеоазиатов и т.д. Но тюрков, особенно их мусульманскую часть, продолжали называть татарами, распространяя это название и на других внеордынских тюрков. Позже для отличия тюрков от других татар русские ученые начали применять сложный этноним *турсецко-татарские народы* или *тюрко-татары*. Лишь в 1923 году они решились на применение общего этнонима *тюрки* или *тюркские*, а для анатолийских тюрков оставили этноним *турки*.

9. После распада Золотой Орды вышли на самостоятельный путь развития те же народы, которые начали формироваться еще до монголо-татарских завоеваний: болгары, русские, узбеки, казахи, башкиры, карачай-балкарцы, кумыки, ногайцы, чувашаи и т.д. Болгары, в состав которых вошли биары (бияры), бардымцы, косаны (казаны), суары, суасы, буртасы, русскими назывались татарами, и в конце XIX в. этот этноним сами болгары начали применять в качестве самоназвания. Таким образом болгары Урало-Поволжья переименовались татарами. Их в отличие от других татар называют **булгаро-татарами**. В этой книге речь идет об истории только вот этих татар, т.е. булгаро-татар.

10. Крымские тюрки в составе Золотой Орды начали называть себя татарами. Но с целью отличия их от других татар, называют их **крымскими татарами**.

11. Тюрки Северного Причерноморья под влиянием татарского государства Золотой Орды постепенно приняли этноним *татары*, но для отличия их от других татар в конце XIX и начале XX вв. они называли себя **буджакскими татарами**, с середины XX в. чаще применяется название **добруджинские татары**.

В порядке обобщения изложенного приведем следующую таблицу, показывающую значения этнонима *татары*.

№	Татары	
	кого называют татарами	конкретизированный этноним
1	Еще задолго до н.э. непосредственные северные соседи Китая	первые татары
2	Исходя из этнонима своих непосредственных соседей — татар, китайцы называли татарами всех своих северных соседей: монголов, маньчжуров и тюрков	та-та
3	Часть орхоно-енисейских тюрков, монголов, кимаков, соседей киргизов называлась татарами	древние татары
4	Армия чингизидов (завоевательная и карательная), состоящая сначала из монголов и древних татар, затем из представителей всех завоеванных народов, называлась татарами	татары
5	Все население монгольских государств чингизидов в Западной Европе называлось тартарами (людьми ада)	тартары
6	Все население Джучиева Улуса (Золотой Орды), т.е. предков узбеков, казахов, болгаро-татар, крымских татар, башкир, ногайцев, каракалпаков, финно-угров русские называли татарами	ордынские татары
7	В процессе изучения и освоения Востока русские все восточные нерусские народы называли татарами	татары-нерусские
8	Позже всех тюрков, в основном мусульман-тюрков, русские называли татарами	тюрко-татары
9	Потомков тюркоязычного населения домонгольского Волжско-Булгарского государства и тех территорий, которые испытывали Булгарскую гегемонию, русские называли татарами	булгаро-татары
10	Тюркское население Крымского ханства также принимает этноним татар	крымские татары
11	Тюрки Северного Причерноморья также начали называть себя татарами	добруджинские татары

§ 3. Об этнониме *булгар* и его значениях. *Булгары* — это русское произношение этнонима *болгáр*. Такое название принято для обозначения волжских булгар. Но для более древнего периода ученые применяют и форму *болгары*, которая закреплена как название других болгар: кавказских, северочерноморских, дунайских и более древних среднеазиатских.

В этой работе как общее название принято применять слово *болгары*, а для обозначения волжских болгар — слово *булгары*.

По этимологии этнонима *булгар/болгар* ученые не пришли еще к единому мнению. А мнений очень много. Их собрал и систематизировал дунайско-болгарский ученый Христо Тодоров-Бемберски в своей обстоятельной статье «Опыт тематической систематизации существующих этимологий этнонима Болгар(ин)» [Тодоров-Бемберски Х., 1988, 175—219].

Система образования тюркских этнонимов подсказывает, что в слове *болгар* конечный *ар* — это первичный тюркский этноним со значением ‘мужчины, люди’, его определением выступает слово *болак* ‘река’ или *балыг* ‘город’. *Болгар* в целом означает ‘речные люди’ или ‘городские люди’. Если учесть то, что булгары везде жили рядом с суарами, то семантика слова *булгар* как ‘речные люди’ более убедительная, ибо *суар* имеет такую же семантику.

Что касается связи этого этнонима с гидронимом *Волга*, то можно с уверенностью сказать, что не слово *болгар* происходит от *Волга*, а наоборот, гидроним *Волга* (прежнее название *Болга*) происходит от этнонима *болгар*: русские представляли, что слово *болгар* обозначает жителей, расположенных по реке *Болга/Волга*.

Этноним *булгар/болгары* также многозначен. В Средней Азии он упоминается еще задолго до н.э., им называют среднеазиатских или **хиндукушских болгар**.

В регионе Северного Причерноморья болгары зафиксированы под названием своих предков — *оногур/хуногур* в VII в. до н.э. Построенный ими населенный пункт назывался *хоногур/фанагор*, в VII в. до н.э. колонизаторы-греки превратили его в большой город, через 1000 лет он под названием *Фанагория* стал столицей Великой Болгарии — государства Кубрата. В составе этого государства и другие тюркоязычные племена принимают общий этноним *болгар*. Таким образом, болгарями

называют еще северочерноморских болгар. Хиндукушские болгары и северочерноморские болгары, естественно, связаны между собой этнически, но пока не выяснен вопрос, где они раньше жили, откуда, куда и когда переселились.

После распада государства Кубрата, образовались три народности под этим этнонимом: 1) на Дунае Аспарухова Болгария, где государствообразующие болгары через несколько поколений ославились, в результате здесь образовался славяноязычный болгарский народ; 2) на Северном Кавказе часть тюркоязычных болгар сохранилась, и на ее основе образовалась балкарская народность; 3) на Средней Волге было создано Болгарское государство, в составе которого все местные тюркские племена получили общее название *булгар/болгар*. Для отличия этих болгар друг от друга этноним *болгар* применяют с определениями: *дунайские болгары*, *кавказские болгары* (позже — другой фонетический вариант: *балкары*), *волжские болгары* (затем принят фонетический вариант: *булгары*).

В употреблении этнонима *булгары/болгары* нет такой неразберихи, какая наблюдается при применении этнонима *татар*. Здесь нет противников применения этнонима *булгары/болгары* с конкретизирующими определяющими словами. Имеются лишь случаи неразличения болгар в узком смысле и болгар в широком смысле: а) болгары в узком смысле — это собственно болгары, которые создали Волжско-Булгарское государство; б) болгары в широком смысле — это население Волжско-Булгарского государства, куда входили собственно болгары и все тюркоязычные и тюркизированные местные племена, которые позже получили общий этноним *булгар*. Неразличение этих двух значений часто приводит ученых к ошибочным рассуждениям о предках волжских татар. Понимая этноним *булгар* только в узком смысле, некоторые историки утверждают, что признание болгар предками татар сужает прежний состав волжских татар, поэтому происхождение татар якобы выгоднее связать с монголо-татарами. Сторонники такой точки зрения просто не учитывают того, что предками волжских татар являются болгары в широком смысле этого слова.

§ 4. Названия *татар* и *булгар* как внутренние и внешние этнонимы. При изучении этногенеза народов ученые ста-

раются различать **эндоэтнонимы** (внутренние этнонимы) и **эктоэтнонимы** (внешние этнонимы), а также их внутреннее и внешнее применение.

В историческом плане эндоэтноним — это самоназвание народа, а эктоэтноним — его чуженазвание. Например, **этноним татар** для части древних татар был, безусловно, самоназванием, а для другой их части — предков монголов и маньчжуров — применялся как чуженазвание, т.е. их только китайцы называли татарами, разумеется, отождествляя их с тюркоязычными татарами. Для монголо-татар, ордынских татар этноним *татар* являлся только частично самоназванием, для большей их части он был чуженазванием. Это значит, что лишь правящий клан называл себя словом *татар*, отсюда и название государства — татарское. Среди монголо-татар, особенно среди монголо-татарских войск ни турки, ни китайцы, ни корейцы, ни афганцы, ни персы, ни арабы, ни финно-угры, ни болгары, ни башкиры, ни русские не называли себя татарами. Для них этноним *татар* был только чуженазванием.

В соответствующей обстановке чуженазвание применялось и представителями самого этого народа для представления себя чужим народам. Например, представители аборигенных тюркских племен из Урало-Поволжья, Крыма, Северного Причерноморья, по просьбе Витаутаса переселившись в конце XIV — начале XV вв. в Литву для ведения вооруженной борьбы против немецких рыцарей, представляли себя местному населению *татарами*. Это означало, что они приехали из татарского государства Джучиева Улуса (Золотой Орды), хотя раньше на родине имели самоназвания: *болгары, ногаи, тавры, кыпчаки* и т.д. Со временем внешний этноним *татары* у них стал самоназванием, но при внешнем применении обязательно с определением *литва (литва татарлары* 'литовские татары').

Что касается этнонима *тартар*, т.е. западноевропейского названия этих народов, оказавшихся в составе татарских государств Хубилая, Чагатая, Хулагу и Джучи, то он никогда не был для них самоназванием, т.е. эндоэтнонимом, а применялся лишь как эктоэтноним.

Когда русские и монголо-татар, и ордынских татар, и всех восточных нерусских, и всех прежних тюрков-мусульман на-

зывали и сейчас в научных исследованиях называют *татарами*, то и в этом случае слово *татары* было и остается лишь эктоэтнонимом. Именно поэтому все народы, предки которых жили на территории Золотой Орды и имели чуженазвание *татары*, впоследствии отказались от принятия этого этнонима в качестве самоназвания. Исключение составляли лишь болгары, крымские ногаи и добруджинские турки. Для этих турков этноним *татар* стал самоназванием и внутренним этнонимом лишь в конце XIX и начале XX вв.

На процессе и причинах принятия этнонима *татар* в качестве самоназвания болгаро-татарами мы еще остановимся ниже, здесь скажем несколько слов о принятии этого этнонима крымскими и добруджинскими турками.

До получения этнонима *татар* население всей степной части Крыма и прилегающих материковых районов, а также Керченского полуострова, называлось *крымскими ногайцами* или просто *ногайцами* (*ногъай*, *ногъайлы*). Часть населения степного Крыма называла себя *кыпчаками* (*къыпцакъ*). Население предгорного, горного Крыма и Южного берега именовалось среди ногайцев этнонимом *тат* (*татлар*). Но в процессе образования Крымского ханства во второй половине XV в. и в течение XVI в. с надеждой восстановления распавшегося татарского государства Джучиева Улуса населению Крыма навязывается этноним *татар*. «Коренное тюркское население Крыма долгое время отвергало этническое имя *татар*. Поэты XVII в. называют себя и свой народ *кыпчаками*. Даже в наше время многие выходцы из Крыма — старшее поколение — утверждают, что они не *татары*, а *кыпчаки*, *ногайцы*, *крымские турки*, *крымчаки*» [Изидинова С.Р., 1997, 299]. В настоящее время для крымских татар этноним *татар* является самоназванием, т.е. внутренним этнонимом.

Балканские турки, проживающие в Добруджинском Причерноморье, которое сейчас находится на территории Румынии и Болгарии, прежний эктоэтноним *татар* начали превращать в эндоэтноним, ибо среди этих турков большинство составляют переселенцы в основном из Крыма (середина XIX в.). Их язык в настоящее время подвергается сильному влиянию со стороны соседних турецких говоров [Покровская Л.А., 1997, 197]. Поскольку идет процесс туркизации, постольку здесь нет спора относительно этнонима *татар*.

Этноним *булгар/болгáр* применялся также не всегда как только самоназвание. Он был самоназванием для собственно булгар, которым удалось создать несколько государств. Но для других народов, составлявших население этих государств, этот этноним сначала применялся как чуженазвание, лишь со временем становясь самоназванием. Например, для славян, подчиненных дунайским болгарам, этноним *болгары* постепенно стал самоназванием. Для *башкир* в составе Волжско-Булгарского государства этноним *булгар* служил чуженазванием.

Этноним *булгар* как чуженазвание дошел до западносибирских тюрков, но они не успели усвоить его в качестве самоназвания, точно так же как этноним *татар* они до сих пор не считают своим собственным эндоэтнонимом. Название *булгар* не успело закрепиться и у предков астраханских татар. Оно было самоназванием у предков татар Среднего Поволжья и Урала, т.е. у тех наших предков, которые долго жили в составе Волжско-Булгарского государства.

В связи с вышеизложенным сейчас необходимо сказать несколько слов о внутреннем и внешнем применении этнонимов *татар* и *булгар*.

Так, у себя и крымские, и добруджинские, и поволжские татары называют свой народ словом *татар*, ибо при внутреннем его применении всем ясно, о каких татарах идет речь. При внешнем и первоначальном применении (т.е. не среди этих татар), если сказать только *татары*, без определения, то его семантика становится совершенно непонятной собеседнику-читателю, поэтому слово *татары* должно быть применено обязательно с определяющим, конкретизирующим словом, как например, *крымские татары*, *добруджинские татары*, *поволжские татары*, *сибирские татары*, *булгаро-татары* и т.д.

Точно так же при первоначальном и внешнем применении этноним *булгар* обязательно просит к себе соответствующее определение: *волжские болгары (булгары)*, *дунайские болгары (болгары)*, *кавказские болгары (балкары)*, *причерноморские болгары* и т.д.

Когда мы говорим о разных татарах в историческом плане, применяем этноним *татар* также обязательно с соответствующим

щим определением: *древние татары, монголо-татары, ордынские татары, чагатайские татары, булгаро-татары* и т.д.

§ 5. Об этнониме *булгаро-татары* и его семантике. Мы убедились, что этнонимом *татар* в диахронном и синхронном планах называют различные, порою этнически не связанные друг с другом народы. Поэтому первоначальное и внешнее применение этнонима *татар* без определений приводит к недоразумениям и серьезным путаницам в изучении этногенеза так называемых татарских народов.

Учитывая это обстоятельство, при первоначальном и внешнем применении этноним *татар* употребляют обязательно с соответствующими определениями.

Для обозначения современных татар применяются три сложных этнонима: *крымские татары, добруджинские татары и булгаро-татары*.

Крымскими и добруджинскими названы татары по месту их обитания. А *булгаро-татарами* именованы татары, происхождение которых связано с булгарами. Некоторые ученые вместо названия *булгаро-татары* попытались рекомендовать другие этнонимы, отражающие регионы их расселения: *казанские татары, татары Поволжья и Урала, волжские татары* и т.д. Но ни один из них не в состоянии охватить всех булгаро-татар, оставляя в стороне западносибирских татар, литовских татар и т.д. Учитывая все это, еще в XIX веке ученые нашли весьма удачный этноним *булгаро-татары*. А идея применения этого сложного этнонима была подсказана еще в XVII в. немецким ученым Адамом Олеарием. Посетив Поволжье, он местный тюркский народ называет не просто *татарами*, а *булгарскими татарами*, т.е. *булгаро-татарами* [Олеарий А., 1905, 408]. Применение этого этнонима активизировалось после выхода в 1877 году книги С.М.Шпилевского «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии».

Относительно применения этнонимов *крымские татары, добруджинские татары* нет особых дискуссий. Вокруг сложного этнонима *булгаро-татары* постоянно возникают споры. Одни говорят, что достаточно применять этноним *татар* без определений, что это якобы дает представление о едином большом татарском народе. Этот ребяческий подход у нас про-

пагандируется несколькими не очень молодыми историками. Естественно, существование трех разных народов, называемых татарами — общепризнанный факт [Рорлих А., 1993, 157—165], поэтому для того, чтобы знать о каких татарах идет речь, мы вынуждены применять этноним *татар* с определениями.

Некоторые опасаются того, что если наш народ назвать этнонимом *булгаро-татары*, то со временем это может привести к тому, что термин *татары* отпадет, и в качестве названия народа закрепится прежний этноним *булгары*, следовательно, тогда мы потеряем, мол, этноним *татары*, который также важен для показа бывшего величия народа. Сторонникам такого опасения надо сказать, что крымские татары в результате применения этого сложного этнонима не потеряли слово *татары* и не восстановили прежние собственные этнонимы *крымчак* или *ногай*.

Если бы была опасность отпадения слова *татар* от сложного этнонима *булгаро-татары*, то мы его давно бы потеряли, ибо этноним *булгаро-татары* так или иначе применяется с XVII в. Таким образом, опасаться применения конкретного этнонима *булгаро-татары* нет оснований.

Булгаро-татарами называются астраханские, казанские, касимовские, нижегородские, сибирские, литовские, оренбургские татары, ибо все они являются потомками аборигенных тюркских племен, которые, находясь в составе Булгарского государства, или испытывая его гегемонию, назывались общим этнонимом *булгары*. Лишь в конце XVIII и начале XIX в. они начали применять этноним *татар*. Поэтому называть булгаро-татар только *татарами* можно лишь с конца XVIII в. и начала XIX в., до этого они — *булгары*, а для всего периода — *булгаро-татары*.

Такая последовательность развития булгаро-татар блестяще была доказана Ш.Марджани. Следуя его учению, все ведущие татарские историки и политики Г.Ахмеров, Риза Фахрединов, Дж.Валиди, Г.Сагди, Г.Губайдуллин, Ю.Акчура, С.Максуди, Г.Исхаки, М.Худяков, Х.Атласи, Х.Гимади, Г.Юсупов, М.Сафаргалиев, Т.Давлетшин, Я.Абдуллин, А.Халиков, А.Каримуллин, Р.Нафигов, И.Тагиров, С.Алишев и многие другие свободно применяют этноним *булгаро-татары*.

Правда, в 17—20 годы XX в. употребляли еще этноним *тюрко-татары*, но прежние русские ученые этим термином называли всех тюрков, а сейчас в его семантику включаются не только болгаро-татары, но и крымские, а также добруджинские татары. Именно поэтому этноним *тюрко-татары* для обозначения болгаро-татар сейчас не применяется.

Этноним *болгаро-татары* отмежевывает современных татар от древних татар, монголо-татар, тартар, ордынских татар. Монголо-татары при помощи сильной армии, организованной из представителей местных завоеванных народов, создали четыре империи: Улус Чагатая, Улус Джучи, Улус Хубилая и Улус Хулагу (Ильханов), население которых европейцы и персы называли *тартарами*.

Лишь незначительная часть монголо-татар закрепились на территории Улуса Джучи и очень быстро ассимилировалась среди местных тюрков, в том числе и среди болгар, принимая этноним *болгар*. Но поскольку государство именовалось татарским, постольку и его население другими народами называлось *татарами*, что повлияло и на часть населения, позже принявшую этноним *татар*.

Необходимо сказать еще и о том, что в семантику этнонима *болгаро-татары* мы включаем и наших добулгарских предков, носивших этнонимы: *сувар, биар (бияр/бигер), кашан (касан), ас, касар (хазар), алан, акацир, мажгар, парды, кангар* и др.

Таким образом, этноним *болгаро-татар* объединяет в одну нацию современных волго-уральских, западносибирских и литовских татар и отмежовывает этих татар от древних татар, монголо-татар, ордынских татар, тартар, крымских и добруджинских татар.

§ 6. Состав болгаро-татар и их численность. Булгаро-татары классифицируются по современным и историческим регионам расселения, по языковым особенностям, по конфессиональной принадлежности, по признаку аборигенности и неаборигенности и т.д. Для того, чтобы ясно представить эту классификацию, достаточно внимательно изучить приведенную здесь схему (см. след. стр.).

По схеме видно, что болгаро-татары состоят из волжских татар, сибирских татар и литовских татар.

Волжские татары по-другому называются еще и татарами Урало-Поволжья, иногда татарами Поволжья и Урала. Здесь живут носители основных (среднего и западного) диалектов татарского языка.

Сибирские (чаще: западносибирские) татары относятся к болгаро-татарам и в историческом аспекте: они вместе с башкирами еще до монголо-татарских завоеваний находились под экономическим, политическим и культурным влиянием болгар. По-видимому, этот исторический факт также имел значение в консолидации сибирских татар с волжскими. Сибирские татары являются носителями третьего — восточного диалекта татарского языка. По языковым признакам диалектологи делят западносибирских татар на тобольско-иртышских, барабинских и томских.

Литовские татары после распада Литвы оказались на территории Польши, Белоруссии, Прибалтики, поэтому они иногда называются польскими, белорусскими и прибалтийскими татарами. Потеряв свой болгарский язык, свой собственный этноним *булгар*, они сохранили внешний этноним *татар* и исламскую религию.

По историческим регионам болгаро-татар обычно делят на: 1) касимовских и нижегородских, 2) тамбовских и пензенских, 3) пермских, 4) казанских, 5) бассейна Белой (башкирских), 6) астраханских, 7) оренбургских.

По конфессиональной принадлежности болгаро-татары — это татары-мусульмане и татары-крещеные (православные-кряшены).

По современному расселению татары различаются на аборигенные и неаборигенные (диаспора).

К татарам-аборигенам относятся татары татарстанские, башкортостанские, саратовские, самарские, нижегородские, Кировской области, чувашстанские, пензенские, рязанские, западносибирские и другие, которые живут сейчас в своих исторических регионах.

К татарской диаспоре относятся татары узбекистанские, казахстанские, туркменистанские, азербайджанские, украинские (шахтинские), московские, санкт-петербургские, челябинские, а также татары дальнего зарубежья: американские, турецкие, финляндские, австралийские и т.д.

Что касается **численности** болгаро-татар, то мы исходим из итогов переписей населения, проведенных в 1979 и в 1989 годах и попытаемся определить тенденцию роста их численности.

В 1979 году татар насчитывалось 6 млн. 185 тыс., в 1989 году их стало — 6 млн. 645 тыс. За 10 лет прирост составил 7,4 процента, по СССР прирост населения — 9 процентов. По темпам роста численности, болгаро-татары от прироста населения СССР отстают на 1,6 процента.

Перепись 2002 года проводилась по Российской Федерации, поэтому для определения прироста численности татар берем прежние цифры по РСФСР.

Так, по РСФСР татар было
в 1959 г. — 4 074 700 чел.
в 1979 г. — 5 005 757 чел.

За 20 лет численность татар увеличилась на 22,8 процента, при этом ежегодный прирост составил 1,14 процента.

По итогам переписи 1989 года по РСФСР было 5 519 605 татар. Прирост численности за 10 лет составил 11,03 процента, ежегодный прирост = 1,1 процента.

По итогам переписи населения 2002 г. по РФ татар было 5 594 601 (включая крещеных татар, астраханских, сибирских татар). За 13 лет прирост численности равнялся 1,3%, ежегодный процент увеличения = 0,1%. Как видим, ежегодный прирост численности уменьшился в 10 раз.

Объективных причин этому отрицательному для татар явлению много. Не останавливаясь на них, не могу не сказать об одной искусственной причине резкого уменьшения прироста численности татар. В ходе подготовки к переписи 2002 года Институт истории АН РТ с целью увеличения количества татар решил распространить среди татар ложную идею идентификации современных татар с «великими» (по их мнению) монголо-татарскими завоевателями. Чем же ответил татарский народ «этой» заботе новоявленных татаро-татаристов? В виде протеста против такой постановки серьезного вопроса многие татары, особенно татарская молодежь, не желая быть потомками монголо-татарских завоевателей, при переписи записывались русскими или булгарами, только не татарами.

Таким образом, число татар в настоящее время идет на убыль. Этому способствует еще и то, что современные объективные и субъективные причины способствуют отчуждению татар от своего родного языка? В 1979 году 85,9% всех татар считали своим родным языком татарский язык, в 1989 году этот показатель снизился до 83,2 процента. За 10 лет доля болгаро-татар, отчужденных от родного языка, достигла 1 млн. 116 тыс. (в 1979 году их было 872 тыс.). Таким образом, общий прирост количества татар за 10 лет составил 7,4%, а прирост отчужденных от своего родного языка — почти 28%. По итогам переписи 2002 года татарским языком владели всего 4 488 330 татар, что составляет 80,2 процента. Если учесть то, что в 1989 году татарским языком владели 83,2 процента всех татар, то мы вынуждены признать, что за 13 лет количество владеющих родным языком сократилось еще на 3 процента. Если бы не была развернута борьба за функциональное развитие родного языка, то этот показатель был бы еще хуже. Отрадно то, что в результате обучения татарскому языку в школах Татарстана татарским языком владеют 136 617 русских, 68 624 чуваша, 26 242 удмурта, 3 688 украинцев и т.д. Людей других национальностей, владеющих татарским языком, стало всего 859 376 чел.

Необходимо отметить высокий процент знания татарами русского языка. Так, по итогам переписи 2002 года в Татарстане владеют русским языком 92,9% татар, в других регионах этот показатель достигает 99 процентов.

Необходимо отметить и то, что доля татар в общем составе населения Татарстана в 1979 году составляла 47,8%, в 1989 г. — 48,5%, в 2000 г. — 51% (неофициально было объявлено), в 2002 г. — 53,4% (по итогам переписи); доля русских была в 1979 г. — 44,1%, а в 1989 г. — 43,3%.

Нас беспокоит то, что из года в год замедляется воспроизводство татарского населения. В связи с этим остро встал вопрос о принятии срочных действенных мер по возрождению и развитию нашего народа. К настоящему времени такие меры в общем плане определены. К ним относятся:

- сохранение и укрепление национальной государственности Республики Татарстан;
- создание единой культурно-национальной автономии татар, которые дисперсно расселены по многим регионам;

— сохранение и улучшение социально-экономической среды обитания всех татар, что обеспечит интенсивное воспроизводство татарского населения;

— сохранение и улучшение: а) природной, б) культурной, в) конфессиональной, г) языковой, д) педагогической и воспитательной сред обитания народа;

— решение проблем обеспечения прав наций на уровне обеспечения прав человека;

— решение проблем возрождения и развития своей нации, не задевая интересы других (в условиях дружбы народов);

— сохранение и развитие сельских населенных пунктов и культуры труда и быта сельчан.

Успешное решение проблем возрождения и развития наций во многом зависит и от правильного, адекватного воссоздания национальной истории народа.

§ 7. Фонетические варианты и семантика этнонима *тюрк*. Глубокими этническими корнями татар были древние тюрки, даже те, которые до появления этнонима *тюрк* и распространения его в качестве общего названия, жили в различных регионах Евразии. Для понимания книги об этнических корнях татар очень важно знать фонетические варианты и семантику этнонима *тюрк*.

Восточные, южные и юго-западные тюрки этот этноним применяют в форме *тюрк* (*türk*) и в качестве прилагательного — в форме *тюрки* (*türki*). Урало-поволжские тюрки, т.е. татары и башкиры, произносят его как *төрк* (*törk*), прилагательное от него — как *төрки* (*törki*).

В русском языке, по-видимому, под влиянием татарского языка, сначала фиксируется фонетический вариант *торк*, а прилагательное от него применяется в форме *торческий*. Но после монголо-татарских завоеваний в русских источниках как название тюркских народов (иногда и всех восточных народов) встречается слово *татары* и прилагательное от него — *татарский*. В XIX веке тюркские народы начинают обозначаться словами *турко-татары*, *турецко-татарские*. В начале XX в. по мере закрепления этнонима *татары* за прежними поволжскими булгарами и крымскими тюрками (*таврами*, т.е. *тауэрами*) для обозначения тюркских народов в русском языке активизируются слова *турок* и *турецкий*. Лишь в 1923 году А.Н.Самойлович предлагает имя существительное *турок*

и прилагательное *тюрецкий* применять по отношению к туркам, а слова *тюрк* и *тюркский* — по отношению ко всем тюркским народам [Кононов А.Н., 1982, 17].

В этой книге этноним *тюрк* мы применяем в самом широком смысле. Общим этнонимом *тюрк* (рус. *тюрки*) называются несколько разновидностей тюркоязычных народов.

Первую разновидность составляют так называемые собственно тюрки, действительно носившие этот этноним в качестве самоназвания, создавшие в VI—VII вв. н.э. Первый и Второй тюркские каганаты, и тем самым способствовавшие распространению их самоназвания *тюрк* в качестве общего этнонима среди всех жителей этих каганатов.

Вторая разновидность тюрков — это все современные тюркоязычные народы, многие из которых этноним *тюрк* в качестве самоназвания никогда не применяли. Это — башкиры, татары (булгаро-татары, крымские татары, добруджинские татары), нагайбаки, казахи, каракалпаки, ногайцы, караимы, карачай-балкары, кумыки, крымчаки, алтайцы, азербайджанцы, каджары, шахсаваны, карадаги, карапахаи, кашкайцы, афшары, халаджи, гагаузы, урумчи, тувинцы, тофалары, шорцы, хакасы, чулымские татары, узбеки, уйгуры, салары, сары уйгуры, чувашаи, якуты (саха), долганы и т.д.

Третью разновидность тюрков составляют те тюркоязычные племена и народы, которых в своем труде «Дивану лугатит-тюрк» (XI в.) Махмут Кашгарлы считает тюрками. Перечислим их и здесь: афшар, арамут, аргу, ава (ава), басмыл, башгирт, аят, баюндар, беченек, булак, булгар, бюдгюз, чаруклуг, чигил, чомал, чивалдар, эймюр, халач, хозар, хытай, ыграк, карлук, кар йагма, кай, кайыг, кенчек, кыфчак, кынык, кыргыз, кючет, ограк, огуз (угуз), салгур, согдак, сувар, тат, татар, тавгач, тенгют, тохси, тутырка, тюгер, тюрк, тюркмен, уграк, уйгур, урегир, йабаку, йагма, йасмыл, йава, йава, йазгыр, йемек, йыва, йурегир. Из перечисленных тюркских племен некоторые сохранили свой собственный этноним, некоторые потеряли его и вошли в состав других тюркских племен и народов.

В четвертую разновидность тюрков входят известные в истории тюркоязычные племена и народы, которых нет в списке тюрков Махмуда Кашгарлы, но жившие после распада тюркских каганатов, поэтому так или иначе они вошли в историю,

РЕГИОНЫ ОБИТАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

1. Турецкие тюрки	15. Карачайские тюрки
2. Балканские тюрки	16. Балкарские тюрки
3. Казахские тюрки	17. Ногайские тюрки
4. Узбекские тюрки	18. Якутские тюрки
5. Кыргызские тюрки	19. Алтайские тюрки
6. Туркменские тюрки	20. Хакасские тюрки
7. Каракалпакские тюрки	21. Тувинские тюрки
8. Уйгурские тюрки	22. Сибирские тюрки
9. Татарские тюрки	23. Иракские туркмены
10. Чувашские тюрки	24. Сирийские туркмены
11. Башкирские тюрки	25. Кипрские тюрки
12. Азербайджанские тюрки	26. Кашгайские тюрки
13. Дагестанские тюрки	27. Хамсинские туркмены
14. Кумыкские тюрки	

но не сохранились до наших дней как самостоятельные народности под тем же названием. К ним относятся: алтай кижы, аз киши, аккоюнлы, барабалы, байлар, билэр, бигер, барсил, басмыл, берендей, беренджер, берсулы, буртас, буджакские татары, гаджалы, гяйня, читак, иштяк, кавар, кайсак, карагас, карадаглы, каракоюнлы, кара кыргыз, караман, кара татар, кара ногай, кара хазар, кимэк, ковуи, койбалы, котригур, кёмеш болгар, куирк, кубанды, курук, кутригур, китай, лугар, маджар (машар, мажгар), майма кижы, мангот, огхондор, оногур, остяк, отуз татар, сабакуль, сарагур, саралымин, сарацин, сарлы, сарман, сарт, сарысөн, сэлжүк, суас, суасламари, тарылы, таулас, тогуз татар, туба кижы, тюргеши, ун-нугундур, халадж, читак, чуй кижы, шор кижы, юрматы, язгыр, язок, ясыр и др.

Пятую разновидность тюрков составляют те тюркоязычные племена и народы, которые жили задолго до распространения этнонима *тюрк* и носили различные названия, в том числе и некоторые фонетические варианты слова *тюрк*. Это говорит о том, что этноним *тюрк* образовался и применялся задолго до VI в. н.э., когда он начал распространяться как общий этноним многих тюркоязычных народов. К **дотюркским** тюркоязычным племенам и народам относятся абдалы (эфталиты — белые хунны), авары (аорсы), агадиры (агафирсы) / акациры (акациры, агач эри), аргиппей, асы (аз/яс/аш/иш/уз), аланы, алваны, ангарейоны (кангары), апасиакы, апахтаркы, аримаспы, асана, барды (парды > парфы), би/пы/пей/бей/бек, бунтурк, гелон (йылан), гунны (хуны), дагарма (дагар, тагар), дай, жужан (сусюн), иирк (ийи эркек > ийи эрк), ишгуза, кангарас, кангюй, каспы, катиар, кусан/кушан/касан/казан, кюше, киммер, коман, куирк, кунаксалан, куу кижы, куэрик, массагет, мэн (мин), оногур, паралат, роксолан, са, сармат, сага, сагадар, сагай, сак (сака), саха, сакалиба (саклаб), сяньби (сюньби), синды, скиде (рус. скиф, турец. искиит, западн. скит), сколот, согды (сугдак, согдак), суар, сумер, сэ, табгач, тавр (тохар, тагар, дагар, дагарма), тиссагет, тохри, трак (рус. фракиец), траспы, троя, турсака, уд (ас), уну, усунь, фиссагет, хангар, хартеш, хварас (хуарас/хорасм), хорасан (хуар-асюн), хунугур (хоногур/оногур), зорпата, этруск и др.

Пятая разновидность тюрков, а именно те из них, которые до сих пор не признаны тюркоязычными, ошибочно и тен-

денциозно отнесена к носителям индоевропейских, особенно индоиранских языков. Во второй части книги на основе изучения так называемых «дотюркских» тюрков мы попытались по-новому описать древние этнические корни булгаро-татар.

§ 8. Регионы обитания, разновидности и численность современных тюрков. В глубокой древности, еще задолго до н.э. тюрки обитали во многих регионах Евразии. Их древняя территория обитания была намного обширнее, чем их современные земли. Современные территории на карте определены Турецким институтом изучения тюркской культуры следующим образом (см. карту на 26, 27 стр. и на первом форзаце).

Этнический состав тюрков изучен лингвистами, и по их данным, проведены генеалогическая и территориальная классификации тюрков.

По генеалогической классификации различаются четыре основные группы тюркских языков: кыпчакская, огузская, чувашская и якутская. Некоторые тюркологи выделяют еще и карлукскую группу, но по своим особенностям ее в качестве подгруппы можно отнести к кыпчакской группе. Данная классификация приведена ниже в следующей таблице, где указана их численность по данным специальных исследований.

№	Основные группы, народы (самоназвания)	Страна	Численность
1	2	3	4
КЫПЧАКСКАЯ ГРУППА			
1	Башкиры	СНГ (СССР)	1449157
2	Татары (булгаро-татары)	СНГ	6648760
		Китай	(4873)
		Турция	(10000)
		США	1000
		Финляндия	900
		В других странах	800
3	Казахи	СНГ	8135813
		Китай	1111718
		Афганистан	5000
		Монголия	73000
4	Каракалпаки	СНГ	423520
		Афганистан	4000

1	2	3	4
5	Ногайцы	СНГ	75181
6	Караимы (карай)	СНГ	2608
7	Карачайцы	СНГ	155936
8	Балкарцы	СНГ	85126
	Карачай-балкарцы вместе: (говорят на одном языке)	СНГ	241062
9	Крымские татары	СНГ	271715
		Турция	(4000000)
10	Кумыки	СНГ	281933
11	Крымчаки	СНГ	1400
12	Кыргызы	СНГ	2528945
		Китай	141549
		Афганистан	46000
13	Алтайцы (алтай-кижи)	СНГ	70777
14	Тувинцы (туба-тува)	СНГ	206629
15	Тофы (тофа)	СНГ	731
16	Хакасы (хаас)	СНГ	80321
17	Урянхайцы	Монголия	30000
18	Шоры	СНГ	16652
19	Хотонцы	Монголия	4000
20	Чулымские татары (чулым, позднее их назвали «чулым- ские турки»)	СНГ	?
Карлукская подгруппа			
21	Узбеки	СНГ	16697815
		Китай	14502
		Афганистан	1390000
22	Уйгуры	Китай	7214331
		СНГ	262643
23	Салары	Китай	87697
24	Сары уйгуры	Китай	12298

1	2	3	4
ОГУЗСКАЯ ГРУППА			
25	Турки (тюрк)	Турция	55000000
		Германия	1500000
		Болгария	1200000
		СНГ	207512
		Кипр	150000
		Югославия	120000
		Румыния	50000
26	Крымские татары в Румынии	Румыния	50000
27	Азербайджанцы (азери)	СНГ	6770403
		Иран	7000000
28	Каджарцы	Иран	37000
29	Кашгайцы (относятся к азербайджанцам)	Иран	600000
30	Шахсаванцы	Иран	300000
31	Туркмены (тюркмен-тюркпен)	СНГ	2728965
		Иран	590000
		Афганистан	330330
		В арабских странах	243000
32	Карадаги	Иран	25000
33	Карапахаи	Турция, Иран	100000
34	Кашкайцы	Иран	720000
35	Бахарцы, эйнанцы, нафары, хорасаны, пичагчи, теймурташцы, гоударцы, карайцы, карагозлийцы, кангурлийцы и др.	Южный и Восточный Иран	380000
36	Афшары (прежние туркмены)	Иран, Афганистан	700000
37	Халаджцы	Иран	25000
38	Гагаузы	СНГ	197768
39	Урумы (на севере Азовского моря)	СНГ	?

1	2	3	4
ЧУВАШСКАЯ ГРУППА			
40	Чуваши (сильное монгольское и финно-угорское влияние отдалило этот язык от обычнотюркского)	СНГ	1842346
ЯКУТСКАЯ ГРУППА			
41	Долганы	СНГ	8000
42	Якуты (саха-сака). Сильное влияние эвенкийского языка несколько отдалило от обычнотюркского	СНГ	381922
Итого			132804576

Таким образом, тюрков всего 132804576 человек, среди них огузы 79024978, кыпчаки 25868044, карлуки 25679286, чувашаи 1842346, долганы и якуты 389922.

По территориальной классификации тюрки делятся на четыре группы: юго-западные, северо-западные, северо-восточные и юго-восточные.

К **юго-западной** группе относятся все огузские языки (турки, азербайджанцы, румынские татары, кадждарцы, кашгайцы, шахсаванцы, туркмены, карадаги, карапахаи, бахарцы и их соседи, афшарцы, халаджцы, гагаузы, урумы), общая численность этой группы 79024978; к **северо-западной** группе относятся башкиры, татары, крымские татары, ногайцы, караймы, карачайцы, балкарцы, кумыки, крымчаки, чувашаи, общая численность этой группы 14817390; к **северо-восточной** группе относятся казахи, кыргызы, каракалпаки, алтайцы, тувинцы, тофы, хакасы, урянхайцы, шоры, хотонцы, западно-сибирские татары, чулымские татары, долганы, якуты, общая численность этой группы 13282922; к **юго-восточной** группе относятся карлуки, т.е. узбеки, уйгуры, салары, сары уйгуры, общая численность этой группы 25679286.

В таблице численность тюркских народов прежнего СССР дана по итогам переписи населения 1989 года, а численность тюрков других регионов — по результатам исследований Надира Давлета [Давлет Н., 1989; 1992] и Хасана Эрена [Эрен Х., 1995], который в свою очередь пользовался данными Георгия Хазая, опубликованными в Британской энциклопедии. По численности населения некоторых народов данные Надира

Давлета и Хасана Эрена не совпадают, в таких случаях данные последнего указываются в скобках.

К настоящему времени установить точные сведения по численности тюрков невозможно, ибо приведенные данные относятся к разным временам. Кроме того, в тех странах и регионах, где турки составляют меньшинство населения, их численность при переписи обычно искажается, ибо в целях увеличения численности основного народа численность тюрков сознательно несколько уменьшается. Очень часты и такие случаи, когда некоторые представители тюрков, надеясь на улучшение условий жизни, при переписи населения записываются представителями титульной нации.

Как видно из приведенной таблицы, численность всех тюрков в 1989—1990 годах составляла около 132 миллионов 805 тысяч человек. По данным статистики, численность тюрков за год увеличивается на один процент. Если так, то через 10 лет, т.е. в 2000 году, общая численность тюрков должна была составить около 146 миллионов 700 тысяч человек.

Имеются и другие цифры.

Надир Давлет численность тюрков по странам на 1990 год определяет следующим образом:

1. Турция (1990)	56570000	8. Сирия	500000
2. Турки вне Турции	2377871	9. Кипр	200000
3. СССР (1989)	49523215	10. Болгария	2000000
4. Китай (1990)	9456184	11. Румыния	140000
5. Афганистан	2500000	12. Греция	120000
6. Иран	22000000	13. Югославия	150000
7. Ирак	2000000	14. В других странах	450000
Итого			147987270

По подсчетам Надира Давлета, турки мира в 1990 году составляли 147 987 270 человек. Если численность тюрков за год увеличивается на один процент, то за 10 лет, т.е. в 2000 году, их число должно было достигнуть 163 470 тысяч человек.

Исходя из данных 1992 года, опубликованных Георгием Хазаем в Британской энциклопедии, Хасан Эрен предполагал, что численность тюрков в 1995 году достигнет 125 000 тысяч,

а в 2000 г., при ежегодном однопроцентном росте — 131 376 тысяч человек.

Таким образом, численность тюркских народов мира в 2000 году должна была составить, по подсчетам Георгия Хазая и Хасана Эрена, 131 376 тысяч, а по подсчетам Надира Давлета — 163 470 тысяч человек.

§ 9. О месте тюрков среди других народов мира и их тюркских этнических корнях. В мире насчитывается примерно 5000—6000 народов и, следовательно, — языков. Генеалогическая и этническая классификация проводится по родственным связям их языков на лексическом, фонетическом, грамматическом уровнях.

В настоящее время ученые определили наличие в мире около 30 родственных семей языков, следовательно, столько же этнических групп народов. Перечислим наиболее известные и имеющие какое-либо отношение к тюркам семьи:

1) индоевропейская семья. К ней относятся индийская, иранская, славянская, балтийская, германская, кельтская, романская, греческая и др. группы, армянский и албанский языки;

2) урало-алтайская семья, к которой относятся из уральских: финно-угорская, самодийская группы, из алтайских: тюркская, монгольская, тунгусо-маньчжурская группы, корейский и японский языки;

3) семито-хамитская (по новой терминологии, афроазиатская, т.е. афроазиатская) семья, к которой относится очень много языков; к тюркским языкам прямое отношение имели арабский язык и иврит;

4) китайско-тибетская семья, к которой относятся тибето-бирманская и таи-китайская группы. Последняя группа очень тесно соприкасалась с древнетюркским (хуннским) языком;

5) палеоазиатская семья, к которой относятся чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская, енисейская, юкагиро-чуванская группы и нивхский язык;

6) кавказская (иберийско-кавказская) семья, к которой относятся абхазско-адыгская, картвельская, нахско-дагестанская группы;

7) дравидийская семья, к которой относятся языки и народы Южноазиатского субконтинента;

8) индейская семья, т.е. семья языков индейцев Америки. Языки этой семьи исторически восходят к языкам населения, мигрировавшего 20—30 тыс. лет назад из Азии через зону Берингова пролива. В некоторых группах этой семьи имеются четкие следы и тюркских языков.

Исходя из точки зрения, по которой все языки мира исторически восходят к единому праязыку, ученые долго занимались выяснением, какие семьи языков наиболее близки между собой. На этом пути зародилась и развивалась теория о родстве индоевропейских, урало-алтайских, афразийских, дравидийских и некоторых кавказских языков. Эта макросемья языков получила название **ностратическая** (лат. *nostra* 'наша').

Тюркские этнические корни углубляются далее в следующем ретроспективном направлении: тюркские языки и народы < алтайские языки и народы < урало-алтайские языки и народы < ностратические языки и народы.

Родство алтайских языков. Первым, кто неопровержимо доказал родство тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, кто уверенно включил в алтайскую группу корейский и японский языки, был Е.Д.Поливанов [Поливанов Е.Д., 1927]. К сожалению, далее ни один ученый не смог заниматься развитием этой теории. Мало того, в 30—40-х годах теория о родстве алтайских языков объявляется реакционной, неразоблаченной традицией буржуазной лингвистики. Лишь после известной лингвистической дискуссии 1950 года стало возможным легально заниматься проблемами родства алтайских языков. В результате научных исследований по этим проблемам сформировалось самостоятельное лингвистическое и этногенетическое направление — **алтаистика** [Суник О.П., 1971; Киекбаев Дж.Г., 1972]. Поучителен тот факт, что ученые, занимавшиеся конкретными языковедческими проблемами, безоговорочно признают родство алтайских языков, а ученые, не вошедшие в эти проблемы, априорно считают родство алтайских языков спорным.

По мнению некоторых ученых, алтайский праязык начал распадаться на разные ветви 10—6 тысяч лет назад [Киекбаев Дж., 1972, 20—24]. В.М.Иллич-Свитыч полагает, что алтайский праязык начал распадаться на разные ветви намного

раньше, чем индоевропейский праязык [Иллич-Свитыч В.М., 1971, 69].

Родство урало-алтайских языков. Направление о родстве урало-алтайских языков и народов (уралоалтаистика) является более спорным, чем алтаистика. Оно обычно отвергается учеными, которые никогда не занимались проблемами языков, входящих в урало-алтайскую семью, а признается в основном теми, кто является представителем этих народов и занимается лингвистическими проблемами уралоалтаистики [Киекбаев Дж.Г., 1972; Иллич-Свитыч В.М., 1971, 38—43; Фокош-Фукс, 1962; Рясянен М., 1969; Закиев М.З., 1974 и др.].

Родство ностратических языков. Эта теория одновременно доказывает и родство урало-алтайских и алтайских языков.

Ученые еще в XIX в. обратили внимание на наличие языковых соответствий, доказывающих родственные отношения между индоевропейскими и уральскими, алтайскими и дравидийскими, дравидийскими и индоевропейскими, семитскими и индоевропейскими языками.

В результате сравнительного изучения различных семей языков и обобщения выводов, в 60-х годах XX в. В.М.Иллич-Свитыч уверенно выдвинул идею родства индоевропейских, афроазийских, урало-алтайских, дравидийских и кавказских языков. По его мнению, многие сходства между этими языками — не результат взаимовлияния, а следствие их генетического родства. Например, мы давно наблюдали спор между учеными о том, какому языку принадлежит корень татарского *бору*, *бораулау* и русского *бурить*, кто у кого заимствовал. В.М.Иллич-Свитыч корень этого слова обнаружил во всех ностратических языках: в русском *бурить*, *бурение*, в семито-хамитских языках: *b(w)r* 'сверлить, копать, проделать отверстие', в кавказских: *br(u)* 'вертеть', в индоевропейских: *bher* 'сверлить, рыть, колоть', в уральских: *pura* 'орудие для сверления, сверлить, долбить, копать', в дравидийских: *por* 'отверстие', в алтайских: *bura* 'вертеть, сверлить'; он установил фонетические закономерности изменений таких общих корней в ностратических языках [Иллич-Свитыч В.М., 1971, 186].

По результатам генеалогической классификации, невозможно делать какие-либо выводы о древности, историчности

одних, о неисторичности, молодости других семей языков. Если согласиться с теорией об историческом восхождении всех языков к единому праязыку, то бессмысленно ставить вопрос о древности или молодости тех или иных языков и народов. Разумнее искать ответ на другой вопрос — какие языки способны больше сохранять древние, праязыковые формы. Здесь нам в какой-то степени поможет типологическая классификация. Так, по ее результатам, мы знаем о наличии флективных и агглютинативных языков. Во флективных языках корень слова не имеет стандартной формы, он изменчив. Так, в русском языке в словах *ходить* и *хождение* один и тот же корень имеет две формы *ход* и *хож*. Поэтому слова во флективных языках с течением времени претерпевают значительные фонетические изменения. Кроме того, в этих языках некоторые грамматические явления до конца не стандартизованы, имеют исключения из общего правила в виде неправильных склонений и неполных спряжений. Поэтому в этих языках мало сохраняются древние формы без изменений.

В агглютинативных языках корни слов, а также формы склонений и спряжений настолько стандартизованы, что они не имеют исключений. Поэтому агглютинативные языки больше сохраняют древние, праязыковые черты.

Тюркские языки относятся к агглютинативным языкам, в них можно обнаружить праязыковые формы, поэтому их нельзя отнести к неисторическим, молодым языкам. Таковых вообще нет.

Таким образом, дотюркские этнические корни тюрков мы обнаруживаем в генетической общности алтайских, урало-алтайских и ностратических языков.

При определении этнических корней татар, болгар и тюрков приходится спуститься до их дотюркских этнических корней.

ствовал и биологическому их выживанию. Где-то тюрков ассимилировали другие племена, и там образовались нетюркоязычные регионы; где-то тюрки ассимилировали других, в результате там образовались тюркские регионы, где в течение многих веков состав тюркских племен оставался неизменным, менялись лишь их общие наименования от того, что одно племя брало перевес над другим, например, скифы, сарматы, аланы, гунны, хазары, куманы, болгары, татары — суть общие имена, которые следовали одно за другим [Сум П.Ф., 1886, «О хазарах». 15].

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА ТАТАР

§ 20. Первые попытки изучения этногенеза татар в целом и болгаро-татар в частности. Первую попытку изучения татар и их этногенеза сделал тюрк по происхождению Махмуд Кашгарлы в своем энциклопедическом труде «Дивану лугат ит-тюрк» (Сборник тюркских наречий). Этот труд был написан на арабском языке под влиянием арабской культуры для обучения арабов тюркскому языку в 466 году по мусульманскому летосчислению (хиджри), который соответствует 1072—73 году по христианскому летосчислению (милады). Как и другие достижения арабско-тюркской культуры, «Дивану» М.Кашгарлы был утерян, его обнаружили лишь в начале XX в., и он постепенно вошел в научный оборот. Тем не менее мы считаем его первой попыткой определения этноса татар.

М.Кашгарлы считает, что татары — это тюркское племя; об их географическом расположении он сообщает следующее: «Самым близкорасположенным к Византии тюркским племенем являются печенеги, далее к востоку идут племена *кыфчак/кипчак, огуз, йемек, башкирт, басмыл, кай, йабаку, татар, кыргыз*. Кыргызы — самые близкие к китайцам» [Кашгарлы М., 1992, т. I, 28]. Далее он, говоря о татарах и других тюркских племенах, продолжает, что племена *кай, йабаку, татар, басмыл* имеют свои особые языки, вместе с тем они хорошо говорят и по-тюркски; *кыргызы, кыфчаки, огузы...* имеют особые тюркские языки, к ним близки языки йемеков и башкиртов [там же, 30].

Из этого сообщения следует, что древние татары жили где-то рядом с кыргызами, по-видимому, в Центральной Азии, может быть, в Монголии, их язык не был похож на язык башкиртов и йемеков. Следовательно, он сильно отличался и от современного болгаро-татарского языка, очень близкого к башкирскому. Кстати, следы йемеков сохранились на территории современного Татарстана рядом с башкирами в виде топонима *Жәмәк/Ямак/Чамяк/Шемяк/Семяк*. Этот факт говорит о том, что башкирский и йемекский языки принимали участие в формировании языка болгар, а тогдашний татарский язык был далек от этих говоров.

Представляют большой этногенетический интерес сообщения М.Кашгарлы и о булгарах. Булгары и сувары живут рядом с печенегами, расположенными рядом с Византией, — замечает он, — языки их тюркские, но с сокращенными окончаниями [Кашгарлы М., 1992, т. I, 30]. Если М.Кашгарлы сравнивает эти языки с огузскими, то в болгарском и суварском окончания действительно усеченные: огуз. *biliyorum*, *biliyoruz*, а булг. *bilem* (беләм), *bilebiz* (беләбез). Далее он сообщает, что булгары, сувары, йемеки, кыфчаки звуки [д], [й] превращают в [з]: одни тюрки говорят *адак* ‘ноги’, другие — *айак*, а булгары, сувары, йемеки — *азак* [там же, 32]. Из этого сообщения становится ясно, что мнение современных языковедов о ротацизме (т.е. о превращении звука [з] в [р]) в древнем болгарском языке не соответствует действительности. Если бы болгарский язык характеризовался ротацизмом, то тюркское слово *азак* (*айак*) произносилось бы как *арак* (чув. *ура* ‘нога’).

Первые попытки определения этнических корней татар делались и в тюркских шеджере (родословное древо тюрков). Такое шеджере под названием «Джами’ ат-таварих» (Сборник летописей или сборник историй) было составлено крупнейшим персидским историком XIV в. Рашид-ад-дином. Он считает, что тюркские народы, основную часть которых называют монголами, происходят от отдельных людей, являвшихся сынами, внуками, правнуками или праправнуками пророка Ноя. Одной из ветвей тюрков были татары. По мнению Рашид-ад-дина, в древности татары жили вблизи границ Китая. «Большую часть времени они были народом, повинующимся и платящим дань Хитайским императорам» [Рашид-ад-дин, 1952,

101]. Затем основным местом их обитания стала местность, называемая Буир-науром.

Татарам позже из-за интенсивного развития удалось взять верх над другими; «и из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при [всем] различии их разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами ... в настоящее время, вследствие благоденствия Чингизхана и его рода, поскольку они суть монголы, — [разные] тюркские племена ... — все они из-за самовосхваления называют себя монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» [там же].

К этому разряду источников можно отнести «Шеджера тюркия» («Родословное древо тюрков»), написанные Хивинским ханом Абуль-Гази Багадурханом в 1663 году. Он полагает, что от пророка Ноя происходит Аланча-хан, у которого было два сына-близнеца: Татар и Монгол. От Татара происходят татары [Абуль-Гази, 1906, 33]. Татары раньше жили близ Китая, повиновались китайским императорам, затем были втянуты в военные походы Чингиз-хана и жили в его империи.

Традиция составления шеджера продолжается, оно становится любимым занятием грамотных людей. Авторы этих шеджере выводят свой народ из племен, появившихся от потомков пророков, личностей-ханов, главным образом чингизидов, происхождение которых связывается обязательно с пророком Ноем. Каждый человек, имеющий возможности составления своего шеджере, старался доводить свой род до чингизидов и до пророка, что давало ему реальную возможность занимать высокое положение в обществе.

В плане реальности труд Махмуда Кашгарлы выгодно отличается от шеджере.

§ 21. История изучения этногенеза татар монгольских государств чингизидов. Этноним *татары* в Европе и Передней Азии становится известным в связи с монголо-татарскими завоевательными походами. Чингиз-хан и его сыновья, наступая на другие страны, «повсюду посылали вперед татар, — отметил Гильом (Виллем) Рубрук, — и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары» [Карпини Дж., 1957, 116].

Известный персидский историк XIV в. Рашид-ад-дин, описывая реалии своего времени, отметил, что тюрки всех завое-

ванных чингизидами стран называются *татарами*. Так, он пишет: «...в областях Хитая, Хинда и Синда, в Чине и Мачине, в стране киргизов, келаров и башкир, в Деште-Кипчаке ... у арабских племен в Сирии, Египте и Марокко [Магрибе] все тюркские племена называются татарами» [Рашид-ад-дин, 1952, 103]. В данной части своей летописи Рашид-ад-дин, рассказывая о тюрках, утверждает, что в вышеназванных странах **тюрков** называют *татарами*. Из других источников мы знаем, татарами называли не только тюрков, но и все население монгольских государств, созданных армией чингизидов, называемой татарской.

Далее Рашид-ад-дин описывает этнические корни монголо-татар в духе других родословных книг, т.е. этнические корни татар он связывает с пророками.

В Европе и завоевания чингизидов, и созданные ими государства также становятся известны как татарские. Здесь вместо этнонима *татар* начинают применять слово *тартар* 'люди ада'. Французскому королю Людовику IX приписывают изречение: «Если татары придут, мы их прогоним в Тартар [Бартольд В.В., 1977, т. IX, 271]. Действительно, в Западной Европе татар часто называли тартарами, т.е. выходцами из Тартара — Ада [Матузова В.И., 1979, 164].

К тартарам здесь относили все народы тех территорий, которые были завоеваны монголо-татарами, а именно народы всех монгольских государств чингизидов, а именно Монгольской феодальной империи и созданных после ее развала четырех империй чингизидов: Хубилая (Китай и др. страны), Чагатая (Средняя Азия, Афганистан и др.), Хулагу (Иран, арабские страны и др.), Джучи (Россия, Волжская Булгария, Казахстан и др.). Например, в сборниках Софийской библиотеки под номерами 1464 и 1465 находится статья, датируемая первой третью XVI в., начинающаяся словами «Татарским землям имена». Вот ее текст. «Татарским землям имена: Самарханд, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китаи, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахии, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзистани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирькабы, рекше Железная врата, Орда большая, Крым, Васьторокань, Сарай, Азов, Калмакы, Ногаи, Шибаны, Казань» [Казаков Н.А., 1979, 253]. Автор исследования Н.А.Казаков искаженным названиям дает следующие

объяснения: Орначь — Ургенч, Сизь — Сиз в Килийской Армении, Савас — Севастия, Арзуноум — Эрзерум, Телфизи — Тбилиси, Обези — Абхазия, Шибаны — земля шибанских татар (узбеков) [Казаков Н.А., 1979, 154].

В XV—XVI вв. первые более или менее подробные карты располагают «Тартарию» в Восточной Европе, в Сибири, на Кавказе, Передней, Средней и Центральной Азии. Такая традиция продолжается очень долго. Так, В.В.Бартольд по этому поводу отмечает, что «Тартария» в европейской литературе употребляется с такой же неопределенностью, как и в греческой — слово «Скифия». «Термин „Высокая Тартария” для обозначения Центральной части Азии только недавно вытеснен из географической терминологии» [Бартольд В.В., соч., т. IX, 1977, 271]. На это обращает внимание и В.Н.Татищев: «Европейские писатели... всю восточно-западную Азию „Великая Тартария” именуют ... но ни один народ, за Яиком обитающие, (слово *татар*) не употребляют» [Татищев В.Н., 1962, 233].

Позже западноевропейские ученые, ознакомившись на местах с самими народами, начинают различать этих татар по самоназваниям. Так, немецкий ученый и путешественник XVII в. Адам Олеарий, посетивший Поволжье, называет народ булгарскими татарами [Олеарий А., 1905, 408].

Таким образом, и в Западной Европе первоначальное изучение этногенеза ограничивается стремлением определить народы, называвшиеся тогда со стороны европейцев татарами. Они представляют «тартар» остатками монголо-татарских завоевателей. Лишь некоторые, посетившие Восточную Европу или Азию, начинают понимать, что среди этих татар имеются и местные народы.

В России первыми этногенетическими исследованиями нерусских народов занимаются также иностранцы, приглашенные сначала Петром I, затем и русской Академией наук. В течение XVIII в. Академия снарядила ряд экспедиций в Поволжье, Сибирь и Кавказ по изучению нерусских народов. Этими экспедициями — благодаря усилиям стоявших во главе натуралистов (Г.Шобер, Д.Г.Миссершмидт, Г.Ф.Миллер, И.Э.Фишер, П.С.Паллас, И.И.Лепехин, С.Г.Гмелин, И.А.Гильденштедт, И.П.Фальк, И.Г.Георги) и научно-организационной деятельности «просвещенных администраторов» (В.Н.Татищев, П.И.Рычков) — был собран и частично обработан боль-

шой лингвистический, этнографический, топонимический, исторический и географический материал, относящийся к различным народам и народностям, населявшим восточные окраины тогдашней России, в том числе и, пожалуй, в подавляющем количестве — материалы по тюркским народам, языкам, истории и фольклору [Жононов А.Н., 1982, 58].

Эти иностранные специалисты, воспитанные в Западной Европе, этноним *тартары* применяли для обозначения жителей всех четырех империй чингизидов, но поскольку они получили задание изучить нерусские народы России, постольку **татарами называли все восточные нерусские народы России**, а их земли, по традиции западноевропейских ученых, продолжали именовать **Великой Тартарией**. Но изучая на месте местные языки, эти иностранцы пришли к выводу, что под этнонимом *татары* могут подразумеваться различные народы. Так, Ф.И.Страленберг (1676—1747) — пленный капитан шведской армии Карла XII, сосланный в 1711 году в числе других пленных шведов на поселение в Тобольск — оставил заметный след в истории комплексного изучения татар Сибири, и ему одному из первых удалось на основе достоверных фактов сгруппировать языки, на которых говорили татары Великой Тартарии и Сибири. В своих трудах «Новое географическое описание Великой Татарии...» и «Северная и Восточная части Европы...» [Страленберг, 1730] он приходит к выводу, что татары этих названных регионов говорят на 32 языках.

Можно было бы подробно говорить и о трудах других иностранцев, которые изучали татар Великой Татарии и Сибири, но в данном случае в этом нет необходимости. Все нерусские восточные народы России они называли татарами, но в то же время отмечали, что эти татары состоят из разноязычных народов. К сожалению, этническая история этих народов для ученых не стала предметом глубокого изучения.

§ 22. История изучения этногенеза татар и болгар русскими учеными. Как было сказано выше, западноевропейские ученые и «русские» западноевропейцы, занимаясь комплексным изучением татар Великой Тартарии, представляя этих татар населением татарских империй чингизидов, не обращали внимания на их более глубокие этнические корни.

В XVIII в. в России и русские ученые начали изучать труды, созданные древнегреческими писателями. Их особенно

привлекала «История», написанная Геродотом в V в. до н.э., которая тесно связана с народами древнейшего периода России и которую можно было использовать для воссоздания отечественной истории.

Первым серьезным трудом, подвергающим исследованию данные Геродота по проблемам скифов, была «Скифская история», написанная Андреем Лызловым в 1692 году. До 1776 года она существовала лишь в рукописных списках, в 1776 г. — частично, а в 1787 году — была опубликована полностью. В этой книге автор представляет скифов предками татар и турок, доказывает свои выводы с разных сторон, используя массу литературы. Ему хорошо были известны летописи — Никоновская, Львовская, так называемый «Засекин Летописец» (не дошедший до нашего времени) и др. Использовал он и Степенную книгу, пользовался хронографами разных редакций, многочисленными повестями («Повесть о турках», «Повесть о Махмете», «Повесть о Царьграде» из хронографической редакции Нестора-Искандера, «Повесть о взятии Казани»), большей частью заимствованными им из летописной традиции [Нейхардт А.А., 1982, 8]. Хорошо знал А.Лызлов западные труды и труды античных авторов. Поэтому мы можем с уверенностью сказать, что выводы А.Лызлова о том, что татары и турки являются потомками скифов, достаточно убедительны.

Проблемами происхождения татар, тюрков и болгар в начале XVIII в. скрупулезно занимался известный русский историк Василий Никитич Татищев. В своих трудах, впоследствии выпущенных как «История Российская», он выделяет специальные главы: «Остатки скиф, турки и татара», «Татара от скиф за Имаем», «О болгарях и хвалисах, у древних аргипей и исседони», «Болгары и хвалисы».

В.Н.Татищев полагает, что раньше скифами назывались славяне, сарматы, турки, монголы, персы, китайцы и даже немцы. Когда ученые разобрались в народах, каждого из них начали обозначать своими именами. В результате в X в. общее название *скифы* перестало употребляться. Грекам стали известны названия *сарацени* и *турки*, а в Западной Европе с XIII в. «Имя *татар* прославилось, и оные оба вместо *скиф* стали употреблять, мешая в оба разные обладанные ими народы» [Татищев В.Н., 1962, т. I, 232—233].

В.Н.Татищев дает сведения и о том, что в России *татарами* называли всех магометан [Татищев В.Н., 1962, т. I, 239], но сами народы, которые со стороны европейцев и русских называются татарами, себя этим этнонимом не называют, даже не ведают, что обозначает это слово *татар* [там же, 233].

В.Н.Татищев подробно изучил и народ болгар/булгар. Как он полагает, болгары жили по Волге, Каме, Свияге, они имели великие города Болгар, Биляр, Ашлы, Ташлы и др. Болгары вошли в тесные торговые отношения с Персией, Индией, с арабскими странами, Новгородом, Швецией, Голландией, Ирландией и другими странами.

По мнению В.Н.Татищевой, болгары исторически восходят к древним хвалисам, исседонам и аргиппеям. Хвалисы жили на севере Каспийского моря, которое называлось еще и Хвалынским морем (от этнонима *хвалисы*). В 1232 году суздальский епископ Симон хвалисов назвал Нижними болгарскими землями Абуль-Гази Багадурхан в своей татарской истории болгарские земли именовал Дешти-Кыпчак, а древнегреческие писатели болгар называли исседонами [Татищев В.Н., 1962, т. I, 269], а «Геродот и Плиний болгар аргиппеями именовали» [Татищев В.Н., 1962, т. IV, 70].

Таким образом, В.Н.Татищев как татар (всех магометан), так и болгар считает аборигенами края и их происхождение связывает с различными скифскими племенами.

Проблемами истории татар и тюрок занимался еще и русский ученый XVIII в. Петр Иванович Рычков. Слово *татары* он применял также в широком смысле, включая в это понятие почти все тюркские народы. «Все ученые люди согласуются в том, — пишет он, — что татарский народ, во многие места рассеявшийся, есть сущее отродие скифов, и все древние, как греческие, так и римские писатели, нынешних татар обыкновенно под именем скифов, а иногда и сарматов тут же включая, описывали» [Рычков П.И., 1999, 45]. Далее П.И.Рычков отмечает, что скифы жили и в Европе, и в Азии, «что между скифами, а паче между сарматами, всегда и немало славян обитало» [там же].

В произведениях П.И.Рычкова мы находим сведения и о болгарях. По его сведениям, болгары жили в Дешти Кыпчаке, воевали против монголов, в их стране — в Великой Болгарии — жили еще и башкиры.

Отголоски взглядов западноевропейских ученых о народах Великой Тартарии, о скифах, признанных предками многих местных народов Восточной Европы и Азии, имеются еще в «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина [гл. I].

Учения историков XVIII в. о скифах и об их потомках-татарах (в широком смысле этого слова) современными учеными — сторонниками скифо-иранской теории считаются ненаучными [Нейхардт А.А., 1982, 23], ибо в XIX в. начинается настоящая борьба за скифское наследие: одни ученые считают скифов славянами, другие — индоевропейцами, третьи — индоиранцами, в частности осетинами.

Основные концепции в изучении этногенеза татар

§ 23. Основные концепции и первая из них — мадьяро-мишаро-татарская. В процессе изучения этногенеза татар (в узком булгаро-татарском смысле) появилось несколько направлений, называемых концепциями, на основе которых историки пытаются выявить и определить этнические корни этого народа. В истории известны следующие концепции: 1) мадьяро-мишаро-татарская, 2) булгаро-татарская, 3) татаро-татарская и 4) булгаро-чувашская. Последняя концепция имеет отношение к выяснению этногенеза и чувашей, и татар.

Недавно Д.Исхаков и И.Измайлов наряду с булгаро-татарской выдвинули якобы новую — тюрко-татарскую концепцию. Здесь чувствуется отсутствие у авторов элементарной логики. Ведь, по существу, все вышеперечисленные концепции в конечном счете восходят к тюрко-татарской. Не следует забывать, что не только татары, но и все современные тюркоязычные народы происходят от тюрков в широком смысле этого слова. Выдвижение якобы новой тюрко-татарской концепции не состоятельно и потому, что никто из ученых не сомневается в тюркском происхождении татар, никто из них никогда не выдвигал иную, скажем, монгольско-татарскую или маньчжурско-татарскую концепцию.

Согласно мадьяро-мишаро-татарской концепции, в Урало-Поволжье в VI—IX вв. н.э. располагалась так называемая Magna Hungaria (Великая Венгрия), которая в IX в. почему-то переселилась в Паннонию, а не переселившаяся часть вен-

гров (мадьяр) под влиянием пришлых тюрков отюречилась, в результате чего образовались мишари-татары и башкиры.

Как и откуда появилась такая концепция?

Как известно, арабо-персидские путешественники, собирая сведения о других народах, в IX—X вв. н.э. указывали, что между землею печенегов и землею болгарских *зсзкълъ* есть страна Альмаджгария, где живут маджгары [Заходер Б.Н., 1967, 48]. В середине XIX в. французский ученый Ш.Дефремери первым подверг анализу сведения арабо-персидских путешественников о *Альмаджгарии* и о *маджгарах*, которых сразу отнес к финно-угроязычным венграм, ибо он не имел даже представления о том, что на свете существуют тюркоязычные *мажгары*. Точка зрения Ш.Дефремери была безоговорочно принята и тюркологами, и финно-угроведами. Даже Б.Н.Заходер, который специально занимался этим вопросом и сделал свод сведений о *маджгарах* и *Альмаджгарии*, повторил по этому поводу сведения Ш.Дефремери, далее эта точка зрения становилась аксиомой о маджгарах [Заходер Б.Н., 1967, 47—58; Толстов С.П., 1929, 158; Куфтин Б.А., 1929, 139; Кузеев Р.Г., 1974, 127 и др.]. Польский ученый Т.Левицкий, развивая эту концепцию еще дальше, пришел к выводу о том, что не только *маджгары*, но и *башгирды*, *унгары*, *тюрки*, *саварты* и другие, носящие этнонимы, производные от них, были первоначально финно-угроязычными маджгарами [Левицкий Т., 1978, 56].

Исходя из того, что тюркоязычные маджгари (*мишари*) происходят якобы от тюркизации прежних финно-угроязычных *мадьяр*, как в тюркологии, так и в финно-угроведении складывается мнение о существовании до IX в. н.э. Большой Венгрии в тех регионах, где обитали тюркоязычные маджгары, башкиры, включая сюда территории проживания и других тюркоязычных народов, куда входят почти все Урало-Поволжье, Северный Кавказ, бассейны Оки-Суры, Оки-Дона.

Поверив в правильность этой версии, историки начали искать следы венгров на территории Татарстана, и Башкортостана. Так, Е.А.Халикова и А.Х.Халиков «нашли» венгерские захоронения в Больше-Тиганском могильнике Алексеевского района, в самом центре Волжской Булгарии [Халикова Е.А., Халиков А.Х., 1981], а башкирские историки «нашли» следы венгров-угров на Южном Урале [см. сб. «Проблемы древних

угров на Южном Урале». — Уфа, 1988]. Но по этому вопросу среди археологов нет единого мнения. В.А.Иванов, который занимается исследованиями этих проблем, признает, что если большинство исследователей памятники кушнаренковско-караякуповского типа считает «угорскими (Е.А.Халикова, А.Х.Халиков, Г.И.Матвеева, Е.П.Жазаков, В.А.Могильников, Р.Г.Кузеев, В.А.Иванов) или угросамодийскими (В.Ф.Генинг), то Н.А.Мажитов настойчиво проводит и отстаивает идею о принадлежности кушнаренковско-караякуповских памятников (по Н.А.Мажитову — кара-якуповская культура) тюркам — древним башкирам» [Иванов В.А., 1988, 53]. Не согласен с утверждением о наличии «Великой Венгрии» в Урало-Поволжье и археолог В.Ф.Генинг. В частности, он писал: «даже беглый обзор показывает, что генетически могильники кушнаренковского типа и венгерские IX—X вв. несопоставимы, следовательно, неправомерно выделение территории низовьев р. Белой как «Великой Венгрии» [Генинг В.Ф., 1977, 320].

Более внимательный анализ данных о маджгарах очень легко опровергает несостоятельность маджаро-мишаро-татарской и маджаро-башкирской концепций.

Во-первых, вызывает сомнение определение места расселения маджгаров. Арабские источники пишут, что Маджгария расположена между землями болгарских *зскл* (*сзкълъ*) и *печенегов*, что маджгары имели непосредственные экономические связи с Византией. В XI в. Махмуд Кашгарлы отметил, что печенеги живут рядом с Византией. Возникает сомнение, вряд ли маджгары были расположены на территории между Волгой и Уралом.

Во-вторых, арабские путешественники в один голос сообщают, что маджгары — тюрки, говорят они по-тюркски. Сторонники идентификации маджгар с венграми-мадьярами утверждают, что якобы восточные историки дружно ошибались, что они венгерский язык по ошибке относили к тюркскому языку [Эрдейн И., 1961, 307—320]. Арабские путешественники пишут скорее всего о тюркоязычных маджгарах/мачарах/мишарах.

В-третьих, если бы мишари и башкиры первоначально были венгероязычными мадьярами, то в их языке обязательно сохранился бы венгерский субстрат, т.е. венгерские родные

слова, но их нет. Следовательно, на процесс формирования мишарей и башкир венгры никакого влияния не оказывали.

Не найдя венгерского субстрата в языке мишарей и башкир, некоторые ученые пришли к выводу, что предки татар и башкир в Урало-Поволжье вместе с венграми не жили. Они (предки татар и башкир) якобы со стороны наблюдали, когда Урало-Поволжье освободится от венгров, и только после ухода отсюда всех венгров пришли в Урало-Поволжье [Серебренников Б.А., 1963, 22].

В-четвертых, если бы в Урало-Поволжье в течение 200—250 лет жили венгры-мадьяры, то после них должна была остаться масса венгерских топонимов, но их также нет.

В-пятых, не вызывает ни малейшего доверия рассуждение таких ученых, которые утверждают, что Великая Венгрия, которая якобы была в Урало-Поволжье, поднялась целой страной вместе и ушла в Паннонию. Никто не может объяснить, с какой целью целая страна тронулась со своего обжитого места и ушла в неизвестность. Так не бывает.

В-шестых, если бы в Среднем Поволжье, на Северном Кавказе (т.е. в так называемой Большой Венгрии) *маджгары* были венграми, то какой-нибудь исторический источник все равно отметил бы их венгероязычность. Но нет. Все источники в один голос отмечают их тюркоязычность. Сторонники маджгаро-венгерской теории из этого противоречия стараются выходить путем обвинения арабо-персидских путешественников в незнании тюркского и финно-угорского языков, из-за чего якобы происходила путаница. Но, как известно, сведения арабо-персидских путешественников отличаются достоверностью и абсолютной точностью, поэтому ни о какой путанице не может быть и речи. Наша задача: не исправлять исторические источники, а стараться их адекватно изучить и понять.

Следовательно, описанные в арабо-персидских источниках маджгары были с самого начала тюркоязычными, как об этом уверенно писали арабо-персидские путешественники.

Этот вывод подтверждается и анализом этнонимов *маджгар* и *венгр*. Финно-угорские ученые пришли к выводу, что «оба названия (мадьяр, венгр) сами представляют слова тюркского происхождения; эти термины венгры получили от тех тюркоязычных племен, которые придали им тюркский антропологический оттенок. *Венгр* происходит от варианта *унгар*,

более древняя форма *хунгар* < *хунугор*. *Мадьяр* может быть этимологизировано как название тюркского племени (ср. *мажар* — название узбекского племени; *мадор* — название рода камасинцев, качинцев, племени саянских татар)» [Гордеев Ф.И., 1971, 316—317].

«Названия: *модор, мадыр, мадэр, матар, мадьяр, маджар, мажар* — варианты одного и того же тюркского этнонима, широко распространенного в период тюркских каганатов», — отмечает Г.П.Самаев в своих специальных исследованиях [Самаев Г.П., 1987, 170—171].

Этимология этнонима *маджгар* > *мишар* приводит нас к выводу о том, что мишары — это потомки *акациров* (агафирсов) и *акациров*, все эти этнонимы имеют один и тот же перевод 'лесные люди' или 'люди с тотемом дерево'.

Как же могло произойти образование венгров-мадьяр? В бассейне реки Дунай венгры долго живут вперемежку с *маджгарами* (*мишарями*). Последние с течением времени принимают язык венгров, но успевают передать им свой этноним, которые, в свою очередь, переделывают его по-своему: *маджгар* > *мадьяр*.

Таким образом, не было в Урало-Поволжье и на Северном Кавказе никакой Большой Венгрии, там жили тюрки-маждгары — предки современных мишарей, потомки древних акациров.

Как же объяснить факт обнаружения в Венгрии и Урало-Поволжье идентичных захоронений? В Паннонии, где расположена Венгрия рядом с венграми жили тюркоязычные куманы, куны (хуны), аланы-асы, которые имели место и в Урало-Поволжье.

Таким образом, мадыро-мишаро-татарская и мадыро-башкирская концепции этногенеза не соответствуют действительности.

§ 24. Зарождение и развитие булгаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар. Еще первые иностранные ученые, которые в семантику этнонима *татар* включали всех восточных нерусских, позже — всех тюрков, обращали внимание на то, что эти татары состоят из различных народов: вогульских татар (манси), абаканских татар, чулымских татар, казахских татар и т.д. Среди них ученые-путешественники еще в XVII в. отмечали наличие булгаро-татар, т.е. булгар-

ских татар [Олеарий А., 1905, 408]. Это было первое в истории применение этнонима *булгаро-татары*.

Булгарское происхождение казанских татар было известно татарской интеллигенции XVII—XVIII вв. Об этом говорит появление двух трудов по истории булгар в конце XVIII и начале XIX в. Это «Таварих-и Булгария» Хисамутдина бин Шарифутдина Булгари-Муслими и «Тарих наме-и Булгар» Таджутдина Ялчыгулова. Они написаны в традиционном жанре «родословное тюрок», где происхождение булгар по традиции родословных писаний ретроспективно доводится до пророков и Адама [Усманов М.А., 1972, 134—166; Галяутдинов И.Г., 1998].

История изучения этногенеза татар в XIX веке характеризуется тем, что этноним *татар* в России начали применять в узком смысле, т.е. в его семантику включали только татар Урало-Поволжья, крымских, литовских, добруджинских. Появились историки, изучающие этногенез только казанских татар или иногда татар Урало-Поволжья.

В начале XIX в. первые же историки, занимавшиеся этногенезом татар Урало-Поволжья, сразу же заметили, что история этнонима *татар* и история этноса *татар* не совпадают. Им удалось доказать, что татары Урало-Поволжья по своим антропологическим признакам, этнологическим особенностям, мифологическим воззрениям нисколько не похожи на монголо-татар, а скорее напоминают местные тюркоязычные племена, называемые в составе Булгарского государства булгарами. А это государство тогда занимало территорию не только Средней Волги (как сейчас некоторые булгароведы безосновательно сужают его границы), а более обширные регионы: от Оки до берегов Каспийского моря, от границ Древней Руси до Иртыша и границ Хорезма. На этой обширной территории булгары даже после распада Золотой Орды считали себя отдельным народом, не причисляли себя к татарам, т.е. к монголо-татарским завоевателям. Первые исследователи татарской истории, заметив это, утверждали, что волжские татары как этнос являются потомками местных волжских булгар, а этноним *татар* пришел сюда позже вместе с монголо-татарами.

Так, В.В.Григорьев, выпустивший в 1836 году специальную работу «Волжские татары», очень легко и доступно доказал, что волжские татары и есть волжские булгары. «Нынеш-

ние татары казанские и сибирские, — писал он, — разнося халаты по улицам русских городов, величают себя *булгарлык* „булгарством”» [Григорьев В.В., 1836, 24].

Во второй половине XIX в. Н.Остроумов в труде «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» утверждал, что этноним *татар* — пришлый, но он потом у русских служил внешним названием очень многих народов, в том числе и сибирских, крымских, волжских тюрков. Особо подчеркивая то, что этноним *татар* не стал самоназванием этих народов, он писал: «сами же эти инородцы до сих пор еще помнят о своем нетатарском, т.е. немонгольском происхождении и обыкновенно называют себя... мусульманами, или же булгарами» [Остроумов Н., 1876, 10].

Большой вклад в развитие булгаро-татарской концепции внес С.М.Шпилевский, выпустивший в 1877 году в Казани результаты своих комплексных исследований под названием «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии». Объясняя значение истории булгаро-татар для понимания процесса сложения русского народа, он писал: «великорусская народность слагалась и развивалась под непосредственным влиянием соседних инородческих племен, входивших в состав Булгарского союза, а впоследствии Казанского царства, перерождая инородцев в себя и многое воспринимая от них в свое существо» [Шпилевский С.М., 1877, 1]. Впервые в истории булгаро-татар С.М.Шпилевский подвергает анализу основные мусульманские источники (Ибн-Фадлана, Ибн-Русте, Масуди, Эль-Балхи, Истахри, Ибн-Хаукаль) о булгарских городах [там же, 3—7]. То же самое можно сказать и о его подробном анализе русских источников о булгаро-татарах.

Необходимо отметить здесь и то, что после выхода в свет этого капитального труда С.М.Шпилевского этноним *булгаро-татары* применяется всеми ведущими историками татар.

Н.Г.Чернышевский, владея татарским языком, живо интересовался и татарской историей. Свои мысли об этногенезе татар он изложил так: «Из нынешних крымских, казанских и оренбургских татар едва ли есть хоть один человек, происшедший от воинов Батыя, что нынешние татары — потомки прежних племен, живших в этих местах до Батыя и поко-

ренных Батыем, как были покорены русские» [Чернышевский Н.Г., 1951, 245—246].

В конце XIX в. появляются историки — выходцы из волжских татар, они обогащают болгаро-татарскую концепцию новыми, более вескими доводами. Среди них первым в списке должен стоять Каюм Насыри, который придерживался теории болгарского происхождения татар и в доказательство этого приводил много этнографических данных [Насыри К., 1975].

Убежденным сторонником болгаро-татарской концепции выступил Шигабутдин Марджани. С одной стороны, он неопровержимо доказал, что предками татар являются местные тюркские племена, названные в составе Булгарского государства булгарами, с другой стороны, разъяснял, что этот народ этноним *татар* уже принял, поэтому отказываться от него, как это делают некоторые, не следует. Негативное отношение русских к татарам идет не только от того, что татар называют именем завоевателей; если бы народ назывался не татарами, а мусульманами, негативное к нему отношение русских все равно сохранилось бы, разъяснял он [Марджани Ш., 1989, 43—44]. Все здоровые силы татарских историков затем шли по стопам Ш.Марджани и были сторонниками болгаро-татарской концепции в изучении этногенеза этого народа.

Первым после Ш.Марджани продолжал глубокие этногенетические исследования Гайнетдин Ахмеров и выпустил две книги: «Болгар тарихы» 'История Булгарии' (1909), «Казан тарихы» 'История Казани' (1910). Относительно этногенеза татар Г.Ахмеров в «Истории Казани» писал: «Хотя традиционно считается, что Булгары и Казань — суть два государства, сменившие одно другое, но при тщательном историческом сравнении и изучении легко выяснить их прямую наследственность и в какой-то степени даже тождественность: в Казанском ханстве жил тот же тюрко-булгарский народ» [Ахмеров Г., 1998, 62].

Выдающийся историк Риза Фахреддинов считал тюрков и болгар предками современных татар, но он термин *татар* не применял, современных татар называл *казан төрекләре* 'казанские тюрки', соответственно и его книга называется «Болгар вә казан төрекләре» (Булгарские и Казанские тюрки), составленная в основном в 1908—1918 годах, но изданная лишь

в 1993 г. Что касается самих болгар, то Риза Фахреддинов считает, что они образовались в результате консолидации гуннов и финно-угорских народов. Население Булгарии хотя имело общее название *булгар*, среди них народы сохранили и свои собственные этнонимы: *тюрк*, *чуваши*, *ар*, *чирмиш*, *башкир*, *мишар*, *типтяр* и др. [Фахреддинов Р., 1993, 24].

В 1909 году Г.Алисов в своей статье «Мусульманский вопрос в России» (Русская мысль, № 7) отметил: «Если спросить татарина про его национальность, он не назовет себя татариним и этнографически будет отчасти прав, так как это название является историческим недоразумением» [Алисов Г., 1909, 39]. Здесь он полагает, что эти татары есть потомки болгар.

В 1910 году вышла книга П.Знаменского «Казанские татары» (Казань), в которой автор обращает внимание читателей на то, что «сами татары называют себя болгарями (булгарлык), ставя себя, таким образом, в самую непосредственную связь с этой... народностью» [Знаменский П., 1910, 4].

Знаменитый татарский историк Хади Атласи в книге «Казан ханлыгы» (Казанское ханство.—Казань, 1914) строительство Казани непосредственно связывает с болгарями, считая их предками казанских татар [Атласи Х., 1993, 185].

Всемирно известный историк Ахмет Заки Валиди Тоган, еще в студенческие годы в Казани написал книгу «Кыскача төрек-татар тарихы» (Краткая история тюрко-татар.—Казань, 1917), в которой болгарский период рассматривается как один из этапов формирования болгаро-татар от тюрков.

Известный татарский историк Газиз Губайдуллин, выступая за закрепление этнонима *татар*, отмечает, что название *татар* было дано населению Золотой Орды «Скорее в политическом, чем в этнографическом смысле. Очень важно, что само население тогда еще не называло себя „татар“... История Золотой Орды по указанным причинам не является основной частью истории волжских татар, а только историей тех элементов, из которых впоследствии создались ногайцы, крымские татары, башкиры, узбеки, приволжские татары» [Губайдуллин Г.С., 1928, 141]. Волжских татар он считает потомками болгар и других тюркских племен.

Имеет особое значение для истории мнение выдающегося писателя, политика Гаяза Исхаки, который специально занимался историей татарского народа в связи с написанием исто-

рической справки об «Идель-Урале» (Волго-Уралье), опубликованной впервые в 1933 г. на татарском, русском и французском языках. Продолжая свои взгляды, изложенные им еще в самом начале XX в. в произведении «Ике йөз елдан соң инкыйраз» (Исчезновение через двести лет), в работе «Идель-Урал» он приходит к выводу, что казанские татары образовались на основе болгарского населения, которое приняло очень многое и от пришельцев, т.е. монголо-татар [Исхаки Г., 1991, 11—15].

Историк Габдулбари Баттал в 1922—23 годах, занимаясь в библиотеке университета Хельсинки, написал книгу «Казан төркиләре» (Казанские тюрки), которая вышла в Стамбуле в 1925 г., где он полагает, что казанские тюрки (т.е. татары) формировались на основе дальнейшего развития болгар в широком смысле этого слова [Баттал Г., 1925, II часть, I гл.].

Для нас очень важно мнение М.Худякова, который в 1923 году выпустил книгу «Очерки по истории Казанского ханства». Как непревзойденный специалист по Казанскому ханству и как объективный историк, по поводу этногенеза казанских татар он писал: «Основное население Казанского ханства составляли потомки древних болгар — старый, оседлый народ тюркского происхождения, задолго до возникновения Казанского ханства создавший в Среднем Поволжье государственную организацию, производивший в широких размерах торговлю и давно приобщившийся к мусульманской культуре» [Худяков М., 1996, 541].

§ 25. Возобновление болгаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар. В 30-х годах компартия начинает пропагандировать идею создания единого советского народа. Все национальные кадры, которые работали в области возрождения, сохранения и развития наций (особенно малых), как враги строительства коммунизма, т.е. как враги народа, подвергаются отстранению от подобной деятельности или физическому уничтожению. Поскольку создание этнической истории малых народов непосредственно связано с политикой возрождения и развития наций, постольку этногенетические исследования татарского народа приостанавливаются. Оживление в этой области начинается только после окончания Великой Отечественной войны.

Обеспокоившись тем, что малые народы СССР начинают обращать внимание на свою древнюю историю, в Москве было

принято решение притормозить дело удревления истории нерусских народов. Проявлением такой обеспокоенности было издание 9 августа 1944 года постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в 7 пункте которого было записано: «Предложить Татарскому Обкому ВКП(б) организовать научную разработку истории Татарии, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идегее). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета».

Эту цитату мы привели здесь для того, чтобы правильно понять суть постановления ЦК ВКП(б) об изучении истории Татарстана и татарского народа. В нем основной упор делается на то, чтобы ни историки, ни литераторы не занимались приукрашиванием Золотой Орды, популяризацией ханско-феодального эпоса об Идегее, рекомендуется заниматься лишь более поздней историей, а именно — периодами, наступившими после присоединения Казанского ханства к Русскому государству.

Несмотря на это, татарские историки, языковеды, литературоведы, фольклористы продолжали интересоваться и золотоордынским, и болгарским периодами истории и культуры татарского народа. Но к историкам было особое пристрастное отношение, поэтому они ограничивались показом лишь отрицательных сторон Золотой Орды. Об эпосе «Идегей» пришлось позабыть. Чтобы выйти из сложившегося трудного положения, в республике было решено привлечь к этногенетическим исследованиям и русских специалистов из Москвы. Поэтому Институт языка, литературы и истории обратился в отделение истории и философии АН СССР с просьбой провести в Москве специальную сессию, посвященную этногенезу казанских татар. Сессия состоялась 25—26 апреля 1946 года, где обсуждался вопрос об отношении истории болгар к этногенезу казанских татар. Здесь старались сохранить без изменений и болгаро-чувашскую концепцию, ибо она к тому времени была уже признана в мировой тюркологии.

Значение этой сессии для углубленного изучения татар было огромным. Она доказала всему миру, что казанские татары в Поволжье и Приуралье имеют глубокие этнические корни. До сессии казанские татары многими историками беспрепятственно считались пришельцами, потомками монголо-татарских завоевателей. Депортация народов, якобы помогавших немецким оккупантам, но считавшихся поздними пришельцами на свои современные территории, которая проводилась в 1944 году, могла коснуться и казанских татар, но их героическая борьба с немецкими оккупантами и усилия историков, доказавших то, что нынешние татары не потомки монголо-татарских завоевателей, спасли казанских татар от такой участи.

Ведущим докладчиком на сессии был профессор А.П.Смирнов. В докладе «К вопросу о происхождении татар Поволжья» он после анализа исторических трудов по этой теме пришел к выводу, что современные татары Поволжья — это не завоеватели монголо-татары. «Монголы, пройдя огнем и мечом Волжскую Булгарию, не осели в Среднем Поволжье и во всяком случае не оказали заметного влияния на формирование физического облика современных татар. После завоевания Булгарии монголами болгары еще долгое время сохраняли свое имя... Под собственным именем *булгар*, а не *татар*, знает их и русская летопись. Так, в событиях 1311, 1366, 1370, 1374—1391 гг. болгары назывались или *болгарами*, или (в Никоновской летописи) — *казанцами*, или *бесермянами*, но нигде не обозначаются *татарами*» [Смирнов А.П., 1948, 14]. Однако А.П.Смирнов не был исключением среди индоевропейских историков. Поверив их учениям, он также считал болгар пришельцами. «Среди автохтонных племен тюрков не было, — продолжает он, — ...современные чуваша являются так же, как и татары, наследниками болгарской культуры» [там же, 148]. А.П.Смирнов в своем заключении высказывает крамольную для того времени мысль о том, что аланы-сарматы могли быть тюрками. «Булгары принадлежали к алано-сарматским племенам. Этот элемент достаточно хорошо прослежен в культуре волжских болгар» [там же, 150]. Этим замечанием он отвергает свое признание в том, что болгары были пришельцами.

На сессии отделения истории и философии АН СССР также очень важный доклад был сделан Т.А.Трофимовой на тему

«Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии». Антропологический материал, который является самым объективным, показывает, что булгаро-татары ни в период булгар, ни в период формирования татар не являются пришлым населением. Т.А.Трофимова заключает: «...изучение антропологического состава татар Татарской АССР приводит к выводу, что современное татарское население сложилось на базе древних пластов местного населения, включившего в свой состав некоторые более поздние антропологические наслоения» [Трофимова Т.А., 1948, 61].

Все другие докладчики и содокладчики Н.И.Воробьев, Л.З.Заляй, Н.Ф.Калинин, Х.Г.Гимади доказывали адекватность булгаро-татарской концепции.

Здесь Т.А.Трофимова неопровержимо доказала непосредственную этническую связь булгаро-татар с добулгарским древним местным населением. Эту смелую точку зрения поддержал С.Е.Малов. Участвуя в обсуждении докладов, он говорил: «...что эти две языковые стихии (татарская и чувашская. — М.З.) были здесь очень давно, за несколько столетий до н.э., и почти в таком именно виде, как теперь. Если бы теперешние татары встретили предполагаемого «древнего татарина», жителя V в. до н.э., то они вполне бы с ним объяснились... В своем утверждении я исхожу из большой стабильности и слабой изменяемости тюркских языков» [Малов С.Е., 1948, 116].

Таким образом, после 15-летнего перерыва возобновились этногенетические исследования, восстановилась булгаро-татарская концепция в изучении этногенеза татар.

§ 26. Появление необходимости определения сущности булгаро-татарской концепции. После дискуссии на сессии отделения истории и философии АН СССР, успокоившись тем, что найден общий язык в вопросе по этногенезу казанских татар, татарские историки начали работать в спокойной обстановке. Но вскоре спокойствие было нарушено. М.Г.Сафаргалиев выступил в печати со статьей «Один из спорных вопросов истории Татарии» («Вопросы истории», 1951, № 7), в которой упрекал участников сессии в том, что они, выдвинув положение о булгарском происхождении казанских татар, якобы совершенно не учли участия в нем тюркских племен Дешт-и Кипчака, так называемых *татар*, говорящих как и камские булгары на тюркском, вернее на половецком языке.

Наличие в составе Золотой Орды многочисленных татар М.Г.Сафаргалиев «доказывает» тем, что их называют татарами персидский историк Рашид-ад-дин и историки Западной Европы, совершенно забывая о том, что в понятие 'татар' входили не только болгары, не только все население Золотой Орды, но и население других империй чингизидов (Чагатая, Хубилая и Хулагу), и все народы этих империй сохранили свой собственный этноним, в том числе и болгары не утратили свой этноним до XIX в.

Очень логичный ответ М.Сафаргалиеву дал Х.Гимади в статье «О некоторых вопросах истории Татарии» (Вопросы истории, № 12, 1951). Х.Гимади отмечает, что несмотря на то, что выступавшие на сессии докладчики готовились независимо друг от друга, их выводы по вопросу о происхождении казанских татар в основном совпали. Он сформулировал основной вывод участников сессии следующим образом: «Казанские татары как народность сформировались на месте современного их обитания из аборигенного населения и тюркоязычных болгарских и отчасти кыпчакских племен, которые получили наименование волжских или камских болгар» [Гимади Х., 1951, 119]. Это мнение адекватно отражало выводы дискуссии на сессии, и на этой основе была определена сущность болгаро-татарской концепции. Некоторые историки, не понимая сущности болгаро-татарской концепции, критиковали выводы дискуссии на сессии отделения истории и философии АН СССР, выдвигая вместо болгарского, золотоордынское происхождение татар.

В чем же заключается сущность болгаро-татарской концепции?

Во-первых, концепция о болгарском происхождении татар не отвергает концепцию о золотоордынском их происхождении, а наоборот предполагает ее. Ведь тюркское население Булгарского государства, состоящее из разных местных тюркоязычных и тюркизированных племен, получивших общий этноним *булгар*, после завоевания их монголо-татарами не витало где-то в воздухе, а продолжало жить в составе Золотой Орды. Поэтому ученые историю Волжской Булгарии делят на два основных периода — домонгольский (X — первая половина XIII вв.) и золотоордынский (вторая половина XIII —

первая половина XV вв.)» [Халиков А.Х., 1994, 53—103, 152—158; Фахрутдинов Р.Г., 1975, 5].

Исходя из этого, трудно согласиться с самой постановкой вопроса: происходят ли казанские татары из Булгарского или Золотоордынского государства? Ведь предки казанских татар жили и в Золотоордынском, и в Булгарском государствах, в разное время принимая в свой состав и незначительное количество пришельцев.

Во-вторых, теория о булгарском происхождении татар может быть противопоставлена концепции золотоордынского их происхождения лишь в том случае, если последнюю концепцию понимать как монголо-татарскую, т.е. если думать следующим образом: монголо-татары завоевали Булгарское государство, обосновались здесь и ассимилировали булгар. Но этого не было, наоборот, местные булгары ассимилировали незначительное количество оставшихся воинов чингизидов. Об этом красноречиво говорит тот факт, что татарский язык исторически восходит не к восточно-тюркским, а к урало-поволжским местным нормам.

В-третьих, булгаро-татарская концепция не отвергает того, что после монголо-татарского завоевания в состав булгар не проникали пришлые монголо-татары, а предполагает, что такие пришлые элементы были, но они относительно быстро ассимилировались среди местных булгар, а не наоборот.

В-четвертых, слово *татар* в названии *булгаро-татар* не означает, что когда-то к местным булгарам пришли восточные татары. Мы знаем, что самоназвание *татар* употреблялось другими народами только как внешнее название населения всех четырех империй чингизидов, в том числе всех золотоордынцев. Слово *татар* в названии *булгаро-татар* означает только то, что прежние булгары под влиянием внешних факторов в XIX в. начали применять вместо *болгар/булгар* этноним *татар*, хотя и раньше только для внешнего общения булгары пользовались этим этнонимом.

В-пятых, булгаро-татарская концепция не отвергает, а предполагает наличие добулгарских аборигенных тюркских племен, которые также являются предками булгаро-татар. Имея в виду то, что далекими предками современных татар были не только булгары, но и другие тюрки, особенно добул-

гарские, некоторые ученые, считая этноним просто *татары* недоразумением, применяли сложный этноним *тюрко-татары*. Так, председатель мусульманской фракции в Государственной Думе России Садри Максуди на ее заседании 10 ноября 1910 года заявил, что «...термин *татары* — не научный термин.., он основан на историческом недоразумении». Поэтому в своих трудах он избегал применения этнонима *татары*, по отношению к казанским татарам рекомендовал этноним *тюрко-татары*, включая сюда и башкир. Так, 31 июля 1917 г. 2-й Всероссийский съезд мусульман принял подготовленные Садри Максуди «основы культурно-национальной автономии мусульман Внутренней России и Сибири», где народ называется этнонимом *тюрко-татары*, а его язык — *язык тюрки*. В настоящее время в понятие ‘тюрко-татары’ входят и крымские, и добруджинские татары. Таким образом, болгаро-татарская концепция не отвергает и тюрко-татарскую концепцию, а включает ее в свой состав.

В-шестых, болгаро-татарская концепция противопоставляется болгаро-чувакской и татаро-татарской концепциям (об этом — ниже).

§ 27. Дальнейшее всестороннее подтверждение адекватности болгаро-татарской концепции. Булгаро-татарская концепция предполагает, что современное татарское население своими основными этническими (лингвистическими и антропологическими) особенностями восходит через болгар к древнему местному населению, не имеет ничего этнически общего с пришлыми монголо-татарами.

К работам, подтверждающим адекватность болгаро-татарской концепции **лингвистическими данными**, относится монография Г.В.Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» (М.-Л., 1960), в которой он писал: «Сменившие друг друга почти на одной и той же территории феодальные государственные образования — Волжская Булгария и Казанское ханство — оставили надгробные надписи, последовательно принадлежавшие этим эпохам» [Юсупов Г.В., 1960, 164].

Своими лингвистическими изысканиями вошел в эту проблему автор данной книги, труды которого были направлены еще и на доказательство несостоятельности татаро-татарской теории. В книге «Татар халкы теленең барлыкка килүе» (Образование языка татарского народа.—Казань, 1977), анализи-

руя болгарскую эпиграфику II стиля (с особенностями как чувашского, так и разговорного языка предков татар), он пришел к выводу, что они написаны не предками современных чувашей, а предками тех чувашей, которые впоследствии обугларились. Язык же болгарской эпиграфики I стиля полностью совпадает с языком предков татар.

Подтверждение болгаро-татарской концепции лингвистическими данными было изложено и в последующих работах: 1) Об истоках языка основных компонентов казанских татар // Вопросы татарского языкознания.—Казань, 1978; 2) Проблемы языка и происхождения волжских татар.—Казань, 1986; 3) Этногенез и основные вехи развития болгаро-татар // Проблемы лингвоэтноистории татарского народа.—Казань, 1995; 4) Проблемы этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа.—Казань, 1995; 5) Татары: проблемы истории и языка.—Казань, 1995; 6) Тюрки-татар этногенезы (Этногенез тюрко-татар.—Казань, 1998; 7) Происхождение тюрков и татар.—2003, а также в совместной с Я.Ф.Кузьминым-Юманади работе: Волжские болгары и их потомки.—Казань, 1993.

Болгаро-татарская концепция в лингвистическом плане усилена в работах Ф.С.Хакимзянова (1987), Д.Г.Мухаметшина и Ф.С.Хакимзянова (1987), Ф.Г.Гариповой (1994), Д.Б.Рамазановой (1983), В.Х.Хакова («Татар әдәби теле тарихы» История татарского литературного языка.—Казань, 1993).

На основе анализа лингвистических и других данных А.Каримуллин стал непримиримым сторонником болгаро-татарской концепции. Свою ясную точку зрения он талантливо изложил в брошюре «Татары: этнос и этноним» (Казань, 1988), которая выдержала несколько изданий у нас в стране и за рубежом.

Антропологические данные также имеют решающее значение в установлении этнических корней любого народа.

По краниологическим исследованиям Т.А.Трофимовой, проведенным ею в 40-х годах XX в., было установлено, что современное татарское население сложилось на базе древних пластов местного населения, проживавших здесь еще в VIII—III веках до н.э. и, естественно, намного раньше [Трофимова Т.А., 1948, 27—61].

В самом начале XXI в. эти выводы антропологов подтвердились даже на молекулярном уровне. Ученые лаборатории молекулярно-генетического анализа Казанского университета под руководством А.Н.Аскаровой путем выделения ДНК из крови современных татар и из древних костей, обнаруженных в захоронениях Среднего Поволжья, и путем сравнения их пришли к выводу о том, что современные татары являются потомками местного населения VIII—X вв. н.э. [Кравцова О.А. Молекулярно-генетический анализ древних и современных образцов ДНК: Автореф. дис. ... канд. ... н.—Казань, 2006; см. еще источники, указанные в этом автореферате].

Археологические материалы также подтверждают адекватность болгаро-татарской концепции.

С 70-х годов среди археологов становится ведущим специалистом по этногенезу А.Х.Халиков, который до конца своей жизни последовательно вел свои этногенетические исследования на основе болгаро-татарской концепции. Личные убеждения, сформированные в результате своих скрупулезных археологических исследований, он впервые наиболее полно изложил в монографии «Татар халкының килеп чыгышы» (Происхождение татарского народа.—Казань, 1974). В этой книге и в других своих пяти монографиях, изданных в 1978, 1989, 1991, 1992, 1994 годах, А.Х.Халиков ведет анализ материала объективно, научно, не допуская ненаучного, т.е. выборочно-го использования фактического материала и литературы.

Продолжают научное направление своего учителя А.Х.Халикова Ф.Ш.Хузин и Г.М.Давлетшин. Ф.Ш.Хузин на основе анализа археологических данных, а Г.М.Давлетшин путем анализа и археологических культурно-исторических находок, и духовной культуры тюрко-татар сумели отстоять болгаро-татарскую концепцию.

Археологи из Самары Р.С.Багаутдинов, А.В.Богачев, С.Э.Зубов на основе анализа огромного количества археологического материала приходят к убедительному выводу, что у истоков истории татар Волго-Камья стояли праболгары [Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э., 1998].

Анализируя **нумизматические источники** А.Мухаммадиев неопровержимо доказал адекватность болгаро-татарской концепции. Из его многочисленных трудов в этом отношении особняком стоит книга «Борынгы хазар һәм болгар-татар ак-

чалары» (Древнехазарские и болгаро-татарские монеты.—Казань, 1986).

Ведущие специалисты по этнографии (Н.И.Воробьев, Г.М.Хисамутдинов, Р.Г.Мухамедова, Ю.Г.Мухаметшин, Р.Г.Капшафутдинов, Н.А.Халиков, Р.Ф.Уразманова, Р.Н.Мусина, С.В.Суслова) являются сторонниками болгаро-татарской концепции.

В русских специальных исследованиях признается, что казанские татары не потомки монголо-татар, а потомки болгар. Так, А.С.Токарев в своей книге «Этнография народов СССР» пишет: «прежний взгляд, что казанские татары являются прямыми потомками батыевских завоевателей, пришедших в Восточную Европу в XIII в., является совершенно неправильным» [Токарев А.С., 1958, 171—172]. К.И.Козлова приходит к выводу, что «своими корнями поволжские татары тесно связаны с местным населением Поволжья и, несомненно, одним из основных компонентов, вошедших в состав татарского народа, были волжские болгары» [Козлова К.И., 1964, 20—21].

Этапным в развитии болгаро-татарской теории было глубокое исследование Р.Х.Бариева «Философские аспекты этногенеза волжских болгар», которое в 2005 г. в Санкт-Петербурге было опубликовано под названием «Волжские болгары. История и культура» (302 с.). Философы Я.Г.Абдуллин, Р.И.Нафигов, К.Ф.Фасеев, Ф.М.Султанов и др. также пришли к выводу об адекватности болгаро-татарской концепции.

В решении проблем происхождения болгаро-татар живейшее участие приняли и некоторые **литературоведы**. К такому, в первую очередь, относится всемирноизвестный литератор Г.Тагиржанов, который убедительно доказывает адекватность болгаро-татарской концепции [Тагиржанов Г., 1979, 10—27].

Историки при воссоздании этнической истории своего народа обращаются и к **фольклору**. Проблемы татарского этногенеза освещаются в книге Ф.И.Урманчеева «Героический эпос татарского народа» (Казань, 1984). Он пишет, что «тюркоязычные болгарские племена оказывают мощное воздействие на формирование казанских татар и мишарей» [Урманчев Ф.И., 1984, 16].

Среди **искусствоведов** сторонником болгаро-татарской концепции является Ф.Х.Валеев [Валеев Ф.Х., 1975, 6—9].

Комплексные исследования **историков** доказывают, что болгаро-татарская концепция соответствует действительности.

Татарские историки и отдел истории Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, проводя объективные этногенетические исследования, еще больше убеждались в правоте сторонников этой концепции. Поэтому она стала основной при освещении этногенеза татар в таких обобщающих работах, как «История Татарской АССР» (в двух томах, т. I, 1955); «История Татарской АССР (с древнейших времени до наших дней)».—Казань, 1968; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья».—Казань, 1967; «История Татарской АССР».—Казань, 1973.

Булгаро-татарская концепция в изучении этногенеза болгаро-татар получила дальнейшее развитие в специальном сборнике научных трудов «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья».—Казань, 1971.

В 60—70-х годах послереволюционной историей татар усиленно занимался Т.Давлетшин, который обращал пристальное внимание и на их этногенез. Об этом он писал: «Татары в своей основной массе являются потомками древних волжских булгар» [Давлетшин Т., 1974, 9].

Сторонниками болгаро-татарской концепции выступали Ферит Аги, Али Акыш и Надир Давлет в совместном труде «Татарлар» (Татары) в книге «Казак вэ татар төркләре» (Казахские и татарские тюрки), опубликованной в Стамбуле в 1976 г. Они пишут, что «народу, образованному на основе консолидации разных тюркских племен Дешт-и Кыпчака, потомков волжских булгар, различных финских племен, а также заблудившихся монголов, было дано название *татар*» [Аги Ф., 1976, 130].

Булгаро-татарская концепция получила дальнейшее международное звучание в монографии профессора Южно-Калифорнийского университета США Азаде-Айше Рорлих «The Volga Tatars...» [Рорлих А.-А., 1986, 5—9]. Это имеет особое значение для татарской истории, ибо А.Рорлих имеет мировое признание, в частности всемирноизвестный востоковед Александр Беннигсен писал о ней: «Среди живущих историков, одна Рорлих уникально сочетает в себе лингвистические спо-

способности, этническое чутье, историческое проникновение. Она также располагает фактическим материалом, позволяющим ей успешно завершить исследование... Ее работа выдержит испытание временем и возможно станет классиком». Книга А.Рорлих ценна нашей исторической науке еще и потому, что она противостоит многочисленным иностранным изданиям, защищающим **татаро-татарскую** концепцию.

Из историков — сторонников болгаро-татарской концепции надо назвать фамилии З.И.Гильманова, С.Х.Алишева, Г.Л.Файзрахманова, которые вели свои исторические и археологические исследования на основе признания болгарского происхождения волжских татар.

Д.К.Сабирова и Я.Ш.Шарапов в 2000 году выпустили вузовский учебник «История Татарстана», где этногенез татар освещается на основе болгаро-татарской концепции.

В исследовании древних местных этнических корней болгаро-татар имело большое значение обнаружение и изучение свода болгарских летописей: «Джагфар тарихы» (т. I, Оренбург, 1993). Основываясь на них и на других источниках, весьма оригинальную этническую историю болгаро-татар воссоздал З.З.Мифтахов [Курс лекций по истории татарского народа.—Казань, 1998].

Обзор литературы по болгаро-татарской концепции можно продолжить. Но перечисленные здесь труды ясно показывают, что основной состав ведущих историков, серьезно занимавшихся проблемами татарского этногенеза, выступает за внедрение в татарские этногенетические исследования болгаро-татарской концепции.

§ 28. Зарождение татаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар. Любой любознательный человек без специальной подготовки, впервые сталкиваясь с проблемами происхождения татар, готов поверить элементарному рассуждению о том, что есть современные татары и есть монголо-татары, что они носят одинаковый этноним *татар*, а следовательно, современные татары являются потомками монголо-татарских завоевателей. Собственно на таком дилетантском уровне рождается **татаро-татарская концепция**. Как мы видели выше, сторонниками татаро-татарской концепции были первые западноевропейские исследователи татар. Правда, тог-

да в семантику этнонима *татар* они включали все население монголо-татарских государств чингизидов, т.е. Монгольской феодальной империи и улусов Хубилая, Чагатая, Хулагу и Джучи, считая их потомками монголо-татарских завоевателей. Русские ученые, имея более широкое представление об империи Джучи, т.е. о Золотой Орде, сначала всех золотоордынцев называли татарами, считая их также потомками монголо-татарских завоевателей. Несмотря на то, что по этногенезу татар у большинства ученых сформировалась болгаро-татарская концепция, татаро-татарскую концепцию поддержали некоторые татарские интеллигенты и часть ученых соседних народов. Так возник дилетантский подход к этногенезу татар, так сформировалась **дилетантская татаро-татарская концепция** в изучении этногенеза современных татар.

Она с неожиданных позиций получила новое развитие во II половине XIX в. В частности, казанские миссионеры решили возродить ее в своих колониальных целях и увязали с болгаро-чувашской концепцией. Н.И.Ильминскому, заинтересованному в быстрой христианизации народов Поволжья, не нравилось то, что марийцы, чувашаи, мордва тяготеют к татарам-мусульманам, к христианизации относятся негативно. Ему надо было показать татар пришельцами, завоевателями с тем, чтобы другие поволжские народы не ориентировались на них. Для этого Н.И.Ильминский, как ученый, воспользовался тем, что в 1863 году Х.Фейзханов в языке болгарских надгробных камней обнаружил чувашские слова [Фейзханов Х., 1863]. Не утруждая себя всесторонним исследованием материала, Н.И.Ильминский, основываясь на наличии чувашских слов в болгарской эпиграфике, заявил, что потомками болгар являются не татары, а чувашаи, а татары — это потомки монголо-татарских завоевателей.

Взгляды Н.И.Ильминского были затем поддержаны и развиты А.Куником [1878] и царским цензором и ученым Н.И.Ашмариним. Объясняя, почему марийцы (черемисы) называют татар *суасами* (чувашами), он писал: «...современные нам чувашаи представляют из себя не что другое, как прямых потомков волжских болгар, и что черемисы обозначая их именем *суас*, впоследствии перенесли это имя и на **татарских завоевателей края**, которые, унаследовав то политическое значение, какое сначала принадлежало болгарам, и отчасти и их

культуру и приняв ислам, стали потом сами приписывать себе болгарское происхождение. Такое перенесение племенного наименования с одной народности на другую было тем более возможно, что слияние полудиких пришельцев с культурными болгарями (мусльманами) совершилось с медленной постепенностью, и прежнее болгарство совершенно незаметно подменилось татарством» [Ашмарин Н.И., 1902, 49—50].

Татаро-татарская концепция после Н.И.Ильминского, А.Куника и Н.И.Ашмарина была поддержана основными силами русских, иностранных и чувашских тюркологов, ибо они разными доводами старались и сейчас стараются доказать адекватность болгаро-чувашской концепции. Соответствующие разделы школьных и вузовских учебников по истории России составлялись в плане освещения истории татар начиная с монголо-татарских завоеваний, кончая современными волжскими и крымскими татарами, считая последних прямыми потомками монголо-татарских завоевателей.

Что касается самих татарских историков, то они татаро-татарской концепции не придерживались, будучи сторонниками болгаро-татарской концепции, вели разъяснительную работу среди сторонников татаро-татарской концепции, доказывая, что современные татары не являются потомками монголо-татарских завоевателей. Подобную разъяснительную работу приходилось проводить и среди татарского населения, ибо изучая соответствующие разделы учебников по русской истории в школе, татарские школьники испытывают чувство обиды и оскорбления за то, что их считают потомками монголо-татарских завоевателей.

В течение XX в. татаро-татарская концепция иногда видоизменялась.

Убеждаясь в том, что волжские татары не характеризуются монгольскими антропологическими особенностями, следовательно, они не могут быть прямыми потомками монголо-татарских завоевателей, некоторые ученые начали утверждать, что волжские татары, как и чуваша, антропологически являются потомками болгар, но чуваша сохранили свой болгарский язык, а татары под влиянием пришлых татар, позабыв свой прежний болгарский язык, начали говорить по-татарски [Баскаков Н.А., 1969, 288; Тихомиров М.Н., 1948; Димитриев В.Д., 1984, 35]. Ниже мы увидим, что язык татар является

не привнесенным извне, а продуктом дальнейшего развития языка местных тюркских и тюркизированных племен.

В 60-х годах XX в. по Европе прокатилось движение, получившее название «большой национализм малых наций». Оно не смогло проникнуть в СССР через железный занавес. Но некоторые татары, живущие в Турции, под влиянием сторонников этого движения сочли необходимым поднять вопрос об этногенезе татар.

Лябиб Каран, работавший тогда в Турции, в 1962 году выпустил книгу «Татарларның топ чыгышы» (Действительное происхождение татар), где он этноним *татар* ставит выше, чем этноним *тюрк* и призывает создать общетюркское государство под названием *Татарское*. За болгаро-татарские взгляды он остро критикует и Гаяза Исхаки, и Садри Максуди. Таким образом возрождается направление **преднамеренных татаристов**, но с другой стороны. Миссионеры ратуют за этноним *татар*, ибо он показывает, что татары происходят от монголо-татар, а Лябиб Каран, проповедуя этот этноним, хочет поднять националистический дух всех тюрков и призывает их создать общетатарское, т.е. общетюркское государство [Каран Л., 1962, 10—11, 67—71]. За Лябибом Караном татарские историки не пошли, пока в самом конце XX в. некоторые из них не «заблудились» между тремя концепциями. Что касается некоторых русских и западноевропейских ученых, придерживающихся татаро-татарской концепции, то они и сегодня хотели бы использовать ее для обвинения в отрицательных последствиях монголо-татарских завоеваний современных волжских и крымских татар. Чувашские же историки придерживаются татаро-татарской концепции только ради того, чтобы лучше обосновывать болгаро-чувашскую концепцию.

§ 29. Зарождение и развитие болгаро-чувашской концепции в изучении этногенеза татар и чувашей. Булгаро-чувашская концепция зародилась параллельно с татаро-татарской. После известного открытия Х.Фейзханова о наличии чувашских слов в болгарской эпиграфике Н.И.Ильминский в 1865 году выдвинул идею о происхождении чувашей от волжских болгар, а татар — от монголо-татарских завоевателей. Его поддержали и старались развить эту концепцию А.Куник [1878] и Н.И.Ашмарин [1902].

Булгаро-чувашская концепция была привлекательна своей новизной и ею начали заниматься многие тюркологи и даже нетюркологи. Для некоторых из них было важно доказать ее адекватность для того, чтобы происхождение волжских татар уверенно связать с монголо-татарами и решать этнические и политические проблемы прямолинейно от татар к татарам. Кроме того, приверженцы булгаро-чувашской теории заодно пытались определить характер языка и хазар, и гуннов, отождествляя их с «чувашеподобным» болгарским языком. Так, булгаро-чувашская концепция перевернула многие страницы тюркологии.

Все началось с того, что болгарский язык был признан не обычнотюркским, а сильно отклоненным от него, похожим на чувашский язык. Это было «доказано» тем, что язык болгарской эпитафии был признан чувашским. Но более объективные исследования показали, что язык болгарской эпиграфики 1-го стиля был обычнотюркским, а 2-го стиля был похож на чувашский язык. Поскольку от болгар чувашаи не унаследовали почти ничего, в том числе и ислам, постольку было признано, что эпиграфика второго стиля (с чувашскими особенностями) была написана чувашами, которые, приняв ислам, переживали время обулгаривания. После того, как эти мусульмане-чувашаи окончательно обулгарились, чувашеязычных эпитафий не стало. Что касается основной части чувашей, которые остались в стороне от влияния болгар, то они сохранились до сих пор, от язычества постепенно перешли к христианской религии. Было повторно доказано, что болгарский язык был обычнотюркским.

Тогда же некоторые тюркологи выдвинули версию о том, что если болгарский язык был чувашеподобным, то якобы и хазарский и гуннский языки были также чувашеподобными. Такая версия дальнейшими исследованиями не подтвердилась (см. §§ 96—97).

Некоторые тюркологи, предполагая, что в записях Ибн-Фадлана должны быть отражены определенные следы болгарского языка, начали искать в них чувашские слова. Попытки и в этом направлении оказались напрасными (подробно об этом см. §§ 98—99).

Отдельные сторонники булгаро-чувашской концепции, думая, что болгарский язык характеризовался чувашскими осо-

бенностями, начали искать чувашские слова в так называемом славяно-болгарском именнике, но ничего подобного не нашли и не смогли доказать чувашеязычность болгар/болгар (об этом подробно см. § 100).

Не увенчались успехом стремления некоторых ученых обнаружить чувашские слова в древнебалкарских рунических письменах (подробно в § 101).

Уверенные в том, что венгры когда-то жили в Урало-Поволжье рядом с булгарами, венгерские ученые усиленно искали чувашские слова в венгерском языке, но тщетно, ничего реального не смогли обнаружить (об этом подробно в § 102).

Пытаясь доказать правомерность болгаро-чувашской концепции, ученые изучали тюркские заимствования в марийском, удмуртском и мордовском языках. Поверив в то, что болгарский язык — это и есть чувашский, они начали выделять чувашские заимствования и называть их болгарскими (подробно об этом в § 103).

Татарские историки, даже языковеды, при этом ограничивались доказательством адекватности болгаро-татарской теории, конкретно не занимались доказательством несостоятельности болгаро-чувашской концепции. Лишь в совместном труде автора данной книги с Я.Ф.Кузьминым-Юманади «Волжские булгары и их потомки» (Казань, 1993) была на примерах подробно показана несостоятельность болгаро-чувашской концепции. Несмотря на все сказанное, болгаро-чувашская концепция пока находит своих сторонников, особенно среди чувашских ученых, а также среди новоявленных татаро-татаристов.

Между тем, объективная история связывает этнические корни чувашей с ведами, которые говорили на финно-угорском языке марийского типа. По-видимому, еще в древности их язык испытывал очень сильное влияние монгольского языка. Веды в Поволжье очень тесно общались с обычнотюркоязычными суасами (одними из предков болгаро-татар), под влиянием этого языка финно-угорский язык народа *веда* постепенно принимал особенности суасского языка, принял от них новый этноним *суас/сувас/чувас/чуваш*. Именно поэтому нетюркизированная часть марийцев называет чувашей *суасла-мари* (марийцы по-суасски), а болгаро-татар — *суасами*. Вот

почему все попытки ученых доказать чувашеязычность болгар были обречены на неудачу.

§ 30. Движение за восстановление этнонима *булгар* и отказ от названия *татар*. В истории изучения этногенеза болгаро-татар особое место занимает движение некоторых ученых и политиков за возвращение народу его прежнего этнонима *булгар* и против сохранения за ним этнонима *татар*. Оно одновременно затрагивало и проблемы изучения этнической истории.

Мы знаем, что современные татары формировались на основе дальнейшего развития болгарской народности, образованной в результате консолидации местных тюркоязычных и тюркизированных племен в составе Волжско-Булгарского государства. Лишь в конце XIX и начале XX вв. они от русских и других народов усвоили этноним *татар* и под этим этнонимом консолидировались в нацию. Причины внедрения этнонима *татар* в прежние болгары в широком смысле этого слова Р.М.Раимов изложил следующим образом: «Название *татары* привилось здесь только в период капиталистического развития благодаря националистическим устремлениям татарской молодой буржуазии, которая, добиваясь воспитания в своем народе националистического воинствующего духа, связывала происхождение своего народа с чингизидами, завоевателями, которые господствовали много веков на Ближнем Востоке, в Восточной Европе» [Раимов Р.М., 1948, 145]. Так, с самого начала шла борьба между сторонниками за сохранение за народом его прежнего собственного имени *булгар* и за переименование его чуженазванием *татар*.

В 1862 году сторонники возвращения народу этнонима *булгар* объединились в специальный кружок-партию под руководством Гайнана Ваисова. Партия вела разъяснительную работу среди интеллигенции за отказ от этнонима *татар*. Но представители татарской буржуазии настаивали на том, чтобы этноним *татар* — название великих чингизидов — стал самоназванием народа. На их стороне был и известный ученый, религиозный деятель Ш.Марджани.

Называя свой народ *безнең болгарлар* 'наши болгары', будучи убежденным сторонником болгаро-татарской концепции, Ш.Марджани выступил в защиту этнонима *татар*. С одной стороны, он доказывал, что Казанское ханство является про-

должением Булгарского ханства, которое и в период существования Джучиева Улуса продолжало свои прежние традиции, что предками татар являются местные тюркские племена, получившие общее название *булгар* в составе Булгарского ханства, с другой стороны, пытался разъяснить то, что этот народ этноним *татар* уже принял; поэтому от него отказываться не следует [Марджани Ш., 1989, 43—44].

Ш.Марджани поддерживали и другие татарские историки — сторонники булгаро-татарской концепции. Несмотря на это, во время революционных событий 17-го года движение ваисовцев снова возобновилось. С.Г.Ваисов создал новый «Совет Волгобулгармус», который ставил своей целью избавление народа от национального гнета, возрождение булгарской нации, закрепление за народом его настоящего имени *булгар*.

Несмотря на то, что эта партия вскоре распалась, приверженцы ее не прекращали борьбу. Обобщая деятельность сторонников этой борьбы, ученые тех времен отмечали, что «Задачи татарских деятелей была — вывести из употребления имя *татары*, заменив его именем *тюрк* или именем *булгар*» [Самойлович А.Н., 1922, 25-примеч.].

В связи с наступлением перестройки, демократизации общественной жизни в 80-х годах движение за восстановление прежнего имени народа возобновляется, в Казани создается партия «Булгарский национальный конгресс», имеющий в своем составе пропагандистское общество «Булгар аль Джадид», которое имеет свои местные организации в Москве, Санкт-Петербурге, Набережных Челнах, Киеве, Оренбурге, Ульяновске и во многих других городах. Сторонников этого направления стали называть просто *булгаристами*.

Булгаристы преследовали в основном те же цели, что и бывшая партия возрождения булгарской народности. С целью устранения негативного отношения русских и других народов к татарам, как к монголо-татарским завоевателям, они выдвинули требования отказаться от этнонима *татар*, восстановить и закрепить за народом этноним *булгар*. Некоторые из них полагали, что среди татарского народа имеются потомки булгар, которые должны при переписи населения записаться булгарами, имеются и потомки служилых татар, которые могут записаться татарами. При этом они ошибались, такое разделение населения на булгар и татар не соответствует дей-

ствительности, и оно отрицательно может сказаться в деле возрождения и развития народа.

Весьма положительным в движении болгаристов было то, что они признали недостаточную изученность болгарского периода истории нашего народа, призывали углублять эти исследования. Именно болгаристы обнаружили болгарские летописи «Джагфар тарихы» Бахши Имана [1993], и «Шан кызы дастаны» («Сказание о дочери Шана») Башту ибн Шамс, которые проливают свет на многие вопросы древней истории болгар и по многим проблемам перекликаются с древними ассирийскими, урартскими, персидскими, греческими источниками. После поношения свода многими нашими «специалистами», известный историк И.Р.Тагиров в ответ им отметил, что «в нашей науке есть тенденция однозначного отрицания этих произведений с точки зрения их достоверности и объективности. Мне же представляется, что нельзя отрицать все с порога, ибо такие прекрасные творения не могут возникать на пустом месте, тем более, в виде современной фальсификации. Если это фальсификации, то кто же их гениальные творцы?» [Тагиров И.Р., 1995, «Татарстан», № 9—10, 8]. Я вполне согласен с И.Р.Тагировым и добавлю, что достоверность сообщений этих находок болгаристов признана на Украине, в Болгарии, по ним историки этих стран ведут серьезные научные исследования. А наши историки ведут «серьезную» борьбу чтобы не «пущать» их в научные исследования.

Учитывая этот вклад в этническую историю болгаро-татар, ведущие татарские историки, признавая болгарскую этническую основу татар, остались сторонниками болгаро-татарского направления, но в то же время они не считают целесообразным отказаться от этнонима *татар*.

Татарские болгаро-татаристы в движении болгаристов особого зла не видели, ибо этноним *татар* установился в период консолидации народа в нацию, и он, несмотря на старания болгаристов, свои позиции не теряет.

Наоборот, болгаристы в какой-то степени укрепляют исторические позиции болгаро-татарской концепции. В то же время сторонники болгаро-татарской концепции сдерживали болгаристов от стремления записываться при переписях населения булгарами, ибо это приводило к сокращению количества болгаро-татар. В ответ на это болгаристы подсчитали количе-

ственное сокращение татар из-за отождествления татар с монголо-татарскими завоевателями, из-за негативного отношения нетатар к татарам. По непроверенным данным, если из-за стремления болгаристов записываться булгарами татары численно сокращались примерно на 10 тыс. человек, то из-за отказа некоторых, особенно внетатарстанских татар от этнонима *татар* и принятия ими этнонима *русский*, *узбек*, *азербайджанец*, *казах*, *киргиз*, *туркмен*, *башкир* или *украинец*, при каждой переписи количество татар сокращалось на несколько сот тысяч человек. Так, полномочный представитель Татарстана в Казахстане проф. Каримов 13 апреля 2001 года по татарстанскому радио заявил, что в Казахстане насчитывается 350 тыс. татар, на самом деле их численность достигает 500 тыс., но многие из них записаны *казахами*.

Такие казусы вокруг этнонимов *булгар* и *татар* должны быть устранены не путем противопоставления, а «примирения» их, например, употреблением общепризнанного этнонима *булгаро-татары*.

§ 31. Стремление некоторых татарских ученых назад к татаро-татарской концепции. Выше было сказано, что татаро-татарская концепция появилась в результате дилетантского понимания значения слова *татар*. В конце 80-х годов XX в. нашлось несколько амбициозных татарских ученых, которые ратовали за возрождение «единственно правильной» татаро-татарской концепции в изучении этнической истории татар, начали спесиво разоблачать «политический вред» сторонников концепции булгаро-татаристов. Такое движение начал Д.М.Исхаков вместе с Р.Г.Фахрутдиновым — бывшим сторонником булгаро-татарской концепции, И.Л.Измайловым — бывшим учеником приверженца булгаро-татарской концепции проф. А.Х.Халикова, а также с М.Ахметзяновым — специалистом по шеджере, в которых почти все авторы старались показать себя потомками пророков и Чингиз-хана.

Эта группа, чувствуя, что доводы татаро-татаристов ведущими историками давно отвергнуты и не убедительны, пытались возродить эту концепцию недозволенными методами, во-первых, свою татаро-татарскую концепцию пытались представить как тюрко-татарскую, будто булгаро-татарская концепция не относится к общей тюрко-татарской теории, будто другие не признают происхождение татар от тюрков, будто все

другие тюркские народы не происходят от тюрков, во-вторых, прибегали к недозволенным в научной среде методам морального и в итоге физического уничтожения действующих влиятельных противников татаро-татарской концепции. В результате им удалось временно укрепить свои позиции в пределах нового института — Института истории АН РТ.

В своих статьях новоявленные татаро-татаристы не скрывают своего враждебного отношения к этнолингвистическим и этнофольклорным исследованиям, показывая себя противниками комплексного подхода к проблеме. Возникает вопрос: почему? Дело в том, что они сами никогда не занимались проблемами этногенеза татар и их предков, а пытаются априорно отрицать значение этнолингвистических, этнофольклорных и этномифологических исследований. Они не имеют даже представления о том, как и кем изучается этногенез других народов.

Пора бы знать, например, что в исследовании этнических корней индоевропейских народов всегда прибегают к комплексным методам. Первое место при этом отводят языковедам, ибо они знают, что археологические материалы без лингвистических не в состоянии дать картину этнического состава населения. Так, самые древние этнические корни индоевропейцев были раскрыты лингвистами Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Ивановым в их совместном труде «Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (кн. 1—2.—Тбилиси, 1984). Этот труд, в котором делается попытка определения прародины индоевропейцев, русскими историками не был отвергнут с порога, как это пытаются делать татаро-татаристы, а был признан и рекомендован на ленинскую премию, и труд действительно был отмечен такой высокой наградой.

И в индоиранистике мы наблюдаем то же самое: глубокие этнические корни индоиранцев исследованы языковедами и фольклористами, в частности В.И.Абаевым. Его труд «Скифский язык», опубликованный в книге «Осетинский язык и фольклор» (М.-Л., 1949), является исходным материалом для изучения этногенеза осетин. Таких примеров можно привести очень много. Они свидетельствуют о том, что не изолированные исторические исследования, а только совместное с лингвистами, фольклористами и другими специалистами изучение

актуальных вопросов этногенеза татарского народа может дать результат.

Если наши татаро-татаристы действительно хотят, чтобы у нас этногенетические исследования шли на европейском уровне, им следует заниматься не доносами на лингвистов в органы власти о якобы неправомерности их вмешательства в это дело, а заботиться о комплексном исследовании назревших проблем.

Между тем, сегодняшние татаро-татаристы исключительно поглощены навязчивыми идеями защиты этнонима *татар* от болгаристов, которые предлагают народу этноним *булгар*. Между тем этноним *татар* уже принят, он не нуждается в такой несправедливой защите. Причем, защита эта ведется методами, далекими от научных. В частности, утверждается, что татары на эту территорию пришли под названием *татар* и научили «каких-то там незначительных» булгар татарскому языку. Татаро-татаристы просто не понимают, что важнее: правдами и неправдами защищать этноним *татар*, или воссоздать адекватную этническую историю народа. Именно в целях защиты народа от проникновения этнонима *булгар*, сохранения за ним этнонима *татар* (он в этом вряд ли нуждается), татаро-татаристы стараются возродить татаро-татарскую концепцию, согласно которой современные татары считаются потомками монголо-татарских завоевателей.

Наши татарские татаро-татаристы должны были знать общепризнанную истину, что монголо-татары, т.е. первоначальные бойцы Чингиз-хана, не осели ни в одной из империй чингизидов: ни в империи Хубилая (Китай, Тибет, Корея), ни в империи Чагатая (Мавераннахр, Семиречье, Кашгар), ни в империи Хулагу-Ильханов (Иран, часть Афганистана, Туркмении и Закавказья, Ирак, восточная часть Малой Азии), ни в империи Джучи (Золотая Орда). О массовом оседании этих татар в Золотой Орде (среди местных тюркоязычных племен, объединенных в составе Булгарского государства в болгарскую народность, среди русских и финно-угров, предков казахов и узбеков) не может быть даже и речи, ибо чингизиды завоевали эти территории почти в последнюю очередь. Всем известно, что в армии чингизидов монголо-татары составляли большинство лишь в начальный период завоевательных похо-

дов, позже основную силу этой армии составляла молодежь из завоеванных ранее стран.

В мировой исторической науке общепризнано и такое мнение, согласно которому и в Монгольской феодальной империи, и позже в четырех государствах чингизидов продолжали жить прежние местные племена и народы. Осевшая незначительная часть разноязычной армии чингизидов (монголо-татар) сравнительно быстро ассимилировалась среди местных народов. Эта истина установилась историками всех тех народов, предки которых оказались в составе населения всех монгольских государств чингизидов. И ни в одном из этих народов нет историков, связывающих этническое происхождение своего народа с монголо-татарами. Такое аномальное явление наблюдается только у нескольких амбициозных татарских историков.

§ 32. Ненаучные приемы защиты татаро-татарской концепции. Одним из приемов защиты татаро-татарской концепции в последнее время стала манипуляция документами советского времени в отношении изучения истории татарского народа, в частности, постановлением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором предписывается устранить «допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идегее). Обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татарии в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов — героев Отечественной войны» [7 п. Постановления ЦК ВКП(б) 9 августа 1944 г.].

Из приведенной цитаты становится ясно, что основная цель этой части постановления ЦК ВКП (б) — это борьба против удревления этнической истории татар, направление внимания историков Татарстана на исследование истории татар лишь в составе Русского государства и СССР.

Основные татаро-татаристы в своих «теоретических» работах старались убеждать читателей, что в данной части постановления имперская идеология запрещает исследование Золотой Орды и в то же время допускает изучение болгарского периода, поскольку в постановлении против болгар ничего не сказано. Из своего «проницательного» понимания постановления они делают вывод, что после обсуждения этого постановления и дискуссии 1946 года «в основе исторической науки Татарстана, истории татарского народа была положена сталинская концепция истории. Д.Исхаков заметил: «Наши академики, конечно, не хотят признавать того, из чьей шинели вышли их „булгаризаторские” построения!» [Исхаков Д.М., 1997, 203].

Возникает такой простой вопрос: неужели эти новоявленные татаро-татаристы серьезно полагают, что так называемые «булгаризаторские построения» в этнической истории татар появились только в период Сталина, а именно после 1944 года. Может быть К.Насыри, Ш.Марджани, творившие на стыке XIX—XX вв., Г.Ахмаров, Г.Исхаки, Х.Атласи, работавшие в начале XX в., и многие другие — активные сторонники болгаро-татарской концепции, были сталинистами. Абсурдность такого хода мысли очевидна.

С точки зрения наличия сталинского следа в «булгаризаторской» концепции еще более нелепыми являются рассуждения татаро-татаристов о судьбе «Очерков истории ТАССР», об уничтожении их рукописи осенью 1944 года, т.е. после появления постановления ЦК ВКП (б).

Во время Отечественной войны из-за отсутствия кадров в республике, составление «Очерков истории ТАССР» было поручено известным русским ученым Б.Д.Грекову, С.В.Бахрушину и Л.В.Черепнину. Сам Д.Исхаков оценил эту книгу так: В «Очерках...» доказывалось, что предки казанских татар — болгары; рассказывалось о борьбе болгар против монголов. Далее проводилась мысль, что нельзя идеализировать завоевателей типа Чингиз-хана и Тохтамыша как «национальных героев». В «Очерках» подчеркивалась местная основа татарского народа [Исхаков Д.М., 1997, 119]. Так, почему же рукопись была уничтожена? Оказывается, что эти известные русские ученые были «булгаризаторами» татарской истории. Естественно, не потому, что авторы очерков были «булгаризато-

рами», а потому, что они показали наличие болгаро-татарской государственности еще в период до присоединения татар к русскому государству, т.е. они удревели историю татар. Следовательно, не было никакой сталинской болгаризаторской концепции. Это лишь выдумка Д.Исхакова.

В защиту своей концепции, татаро-татаристы выдвинули еще такой аргумент: «а сейчас пошевелите мозгами,— советует Д.Исхаков,— и подумайте: если мы объявляем себя „болгарами“, не отказываемся ли мы от татар крымских, сибирских, астраханских, литовских и даже от касимовских и мишарей — они практически не имеют отношения к болгарам... болгары в основном жили на территории современного Татарстана» [Исхаков Д.М., 1997, 197—198]. Из такого рассуждения вытекает, что автор не понимает сути вопроса. Для него домонгольская Булгария и Булгария после монголо-татарского разгрома — все одно и то же. Ведь кто занимается проблемами Волжско-Булгарского государства, хорошо представляет его домонгольские границы [Закиев М.З., 1998, 467]. Булгары как результат консолидации тюркоязычных племен домонгольской Булгарии являются основными предками современных татар: казанских, сибирских, астраханских, литовских, касимовских. Что касается крымских татар, то, по некоторым сведениям, они также имели отношение к болгарам, а мишары говорили на одном и том же диалекте с болгарами.

Необходимо знать, что собственно татары не были великими и более многочисленными, чем болгары. Ведь всем ясно, что когда-то русские *татарами* называли все население Золотой Орды, не только малочисленных завоевателей татар, но этноним *татар* затем освоили только потомки болгар в широком смысле этого слова и потомки тюрков-ногайцев Крыма.

Таким образом, татаро-татаристы для того, чтобы показать татар «великими», их этническим источником считают монголо-татарских завоевателей, и полагают, что если относить их к болгарам, то это якобы равносильно уравнивать татар только с тем населением, которое обосновывалось в послемонгольской Булгарии, т.е. Булгарском вилаете Золотой Орды.

Думать, что Сталин специально навязал татарам какую-то жалкую группу болгар и этим хотел унижить величие татар, было бы признанием Сталина большим историком даже по истории татар. Естественно, что это не так.

§ 33. Нова ли так называемая новая концепция в изучении истории татар? Сторонники этой, как называют сами татаро-татаристы, «новой концепции» (следовательно, и болгаро-чувашской концепции) обычно утверждают, что они якобы болгарский период не отвергают, но ключевым для татарской истории считают золотоордынский период. По их мнению, болгары также сохранились, но пришлые татары научили их говорить по-татарски, поэтому они забыли свой чувашеподобный болгарский язык. Такое утверждение новоявленных татаро-татаристов не является новым, оно заимствовано у миссионеров, у авторов русских школьных учебников, у чувашских историков, у Лябиба Карана, который призывал под именем *татары* восстановить великую Золотую Орду и присоединить всех тюрков к великим татарам. Д.Исхаков, не отличая монголо-татарское завоевание от возникшего в результате этого государства Золотая Орда, заявил, что «для национальной татарской истории монгольское завоевание — явление, безусловно, положительное» [жур. «Родина, № 3—4, 1997, 85]. На самом деле, монгольское завоевание как для национальной татарской истории, так и для народа, а именно болгарского народа, было, безусловно, отрицательным явлением, это стало началом постепенного исчезновения государственности болгар и болгаро-татар. Если бы не было монгольской агрессии, болгары, имеющие самую сильную страну в Евразии, достигли бы более высокого уровня развития.

Что касается Золотой Орды, то она стала следующим этапом развития местных народов после таких сильных государств, как Булгарское и Хорезмское. Эти же народы ассимилировали оставшуюся здесь незначительную часть монголо-татар. Золотая Орда получила возможность, стремительного развития на опыте Булгарского и Хорезмского государств.

Бессмыслицей является и утверждение татаро-татаристов о том, что мы, татары, не из Булгара, а из Золотой Орды. Мы, естественно, и из Булгара, и из Золотой Орды, ведь в Золотой Орде, наряду с предками узбеков, казахов, башкир, ногайцев, русских и др., жили те же местные тюркоязычные племена и народы, которые в период Булгарского государства назывались общим этнонимом *булгар*.

Для лингвиста очевидна неправдоподобность утверждения татаро-татаристов о том, что якобы пришлые татары или

кыпчаки научили чувашезычных булгар татарскому языку. Историко-лингвистические исследования показывают, что в Урало-Поволжье еще задолго до монгольской экспансии образовался своеобразный тюрко-финно-угорский языковой союз, в результате которого уралоповолжский тюркский язык предков татар, башкир и чувашей приобрел уралоповолжские особенности, сохранившиеся и в Золотой Орде, и в Казанском ханстве. Если бы пришлые татары (или якобы пришлые кыпчаки из состава кимаков, чего не было) научили бывших булгар татарскому языку, то язык современных татар и башкир характеризовался бы примерно хакасскими особенностями.

Татаро-татаристы настойчиво предлагают признать Золотую Орду ключевым или золотым периодом татарской истории. На самом деле основным в формировании языка предков татар был болгарский период. Но в составе Золотой Орды всемирно известный и сильный болгарский народ, давший первый и единственный сокрушительный отпор чингизидам, продолжал терять свою силу, свою организованность, свою государственность.

История булгаро-татар — это не история Золотой Орды. Ведь всем ясно, что история Золотой Орды должна быть написана лишь путем координации сил историков из узбеков, казахов, башкир, ногайцев, русских, булгаро-татар и т.д. Что касается истории булгаро-татар, то она должна состоять из истории их освободительной борьбы против золотоордынских ханов.

Золотая Орда как большое государство должна была создать все условия для консолидации булгар, хорезмийцев, предков казахов, сибирских татар, русских и финно-угров в одну татарскую народность. Но она не смогла этого сделать. Что касается строительства больших городов, экономического развития, то надо сказать, что Золотая Орда была следующим этапом развития и Булгара, и Хорезма, опыт которых использовался ханами Золотой Орды, но строительством занималось в основном прежнее население этих краев.

Во всех вопросах татаро-татаристы, не имея и не выдвигая ничего нового, повторяют, главным образом, ошибки миссионеров, сторонников булгаро-чувашской и татаро-татарской концепций. Не зря сторонники наших татаро-татаристов —

чувашиские историки сразу же схватились за их «теоретические» построения, и основываясь на эти построения, пишут, что «единая татарская народность, согласно обоснованному утверждению доктора исторических наук Р.Г.Фахрутдинова, образовалась в Золотой Орде в XIV—XV вв. из прибывших с монголами тюркоязычных татар, родственных им, говоривших на одном с ними языке, западных кыпчаков (половцев), вторгшихся в Восточную Европу в середине XIII в. Болгары в формировании татарской народности не приняли никакого участия. В образовавшееся в 1438 г. Казанское ханство прибыло с его основателем Улуг-Мухаммедом 40—50 тыс. татар, затем прибыли десятки тысяч татар из Сарая, Азова, Астрахани и Крыма» [Димитриев В.Д., 2000, 5]. Для В.Д.Димитриева, в деле укрепления его татаро-татарской концепции, было большим подарком утверждение Р.Г.Фахрутдинова о приходе более 50 тыс. татар в Казанское ханство. Только ни он, ни Р.Фахрутдинов не подумали, где же эти татары сохранялись в течение 200 лет, не ассимилируясь среди болгар, хорезмийцев, предков казахов, ногайцев, башкир и т.д. Во-первых, Улу-Мухаммед умер в Нижнем Новгороде, не успев дойти до Казани, Казань взял с боем его сын Махмут (Махмутек) [Алишев С.Х., 2001, 10]. Во-вторых, всем ясно, что армии Улу-Мухаммеда и его сына Махмутека состояли из представителей местных народов, которые за 200 лет успели ассимилировать и пришлых монголо-татар.

Сколько бы ни старались новоявленные татаро-татаристы представлять свои нелогичные утверждения новой концепцией, нет у них ничего нового, все то, что они считают новым, не раз повторялось до них.

§ 34. Историческая наука как и любая другая должна быть объективной. Инициаторы восстановления старой татаро-татарской концепции под прикрытием идеи «история должна служить национальным интересам» обычно игнорируют объективность исторических исследований. Думая, что изучение истории татар как продолжение истории «незначительной Болгарии» принижает значение татар, они выдвигают на первый план татаро-татарскую концепцию и стараются любыми доводами доказать монголо-татарское происхождение современных татар. Это якобы отвечает национальным ин-

тересам татар, ибо показывает татар хозяевами великой Золотой Орды, которые когда-то были в состоянии подчинить себе даже и русских, и кавказцев, и финно-угров, и других. Исходя из такой «ура патриотической» установки, они объявляют вредными для истории Татарстана выводы этногенетических исследований и болгаро-татаристов, и болгаристов, которые утверждают, что современные татары не являются пришлыми монголо-татарами, что они в Урало-Поволжье и Западной Сибири имеют глубокие исторические корни. По мнению Д.Исхакова, до прихода монголо-татар в Урало-Поволжье не было настоящих тюркских предков татар, если не учесть болгар «величиной с булавочную головку», которых пришлые татары научили татарскому языку; М.Закиев, мол, напрасно старается представить Урало-Поволжье и Западную Сибирь исконной территорией татар. Об этом беспокоиться не нужно, отмечает он, ибо «по международным документам, коренными считаются те народы, которые жили на определенной территории перед началом колониальной эпохи в XV в. Как видим, цивилизованные общества не считают нужным проблему «исконности» спускать глубже этой даты — дело, видать, зряшное» [Исхаков Д.М., 1997, 228]. Так наивно может рассуждать лишь человек, который никогда не занимался проблемами этнической истории. Ведь всем историкам древности ясно, что если даже имеется такой международный документ, то он не может рекомендовать заниматься проблемами исконности лишь неиндоевропейских народов. Индоевропейские историки (еще до рождения международного документа) установили, что исконной территорией этих народов являются не только Индия (родина санскрита, I тыс. до н.э.) и Западная Европа, но и древние Восточная Европа, Центральная, Средняя, Передняя и Малая Азия. По мнению этих ученых, если на этих территориях живут другие, неиндоевропейские народы (например, тюрки), то они все являются поздними пришельцами.

Такая точка зрения индоевропейских ученых и сейчас подкрепляется все «новыми и новыми» фактами. Так, обнаружив в древних захоронениях даже Алтая европеоидные черепа, некоторые историки заявляют, что на Алтае раньше, до прихода туда тюрков, жили индоевропейцы.

Индоевропейские историки, естественно, не хотят, чтобы какой-то неиндоевропейский (например, тюркский) ученый посмел высказать даже предположение о наличии на этих древних территориях индоевропейцев этнических следов неиндоевропейских народов (скажем, тюрков). По мнению Д.Исхакова получается, что какие-то нецивилизованные ученые из болгаро-татар зря обнаруживают в Урало-Поволжье этнические корни тюрков-татар, относящиеся к периоду до нашей эры, что изучение этнической истории современных татар можно ограничить периодом Золотой Орды — якобы «золотым» временем татар. Волжская Булгария, мол, на эту роль никогда не может претендовать. Если мы татарскую историю свяжем только с Золотой Ордой, тогда ее историю и «русская история не может ассимилировать», так как русская история золотоордынского периода сама является всего лишь частью истории Улуса Джучи. Булгарскую историю, особенно, когда она напрямую выводится к Казанскому ханству (Казанское ханство как наследник Волжской Булгарии), российская история прекрасно «переваривает» [Исхаков Д.М., 1997, 205]. Кроме того, если включить в татарскую историю и Булгарский период, то мы окажемся в состоянии постоянных противоречий с чувашскими историками [там же].

При таком рассуждении Д.Исхакова налицо полная потеря целевой ориентации в изучении истории болгаро-татар и полное уклонение от объективности.

Во-первых, по его мнению, в историю современных татар болгарский период включать не стоит, ибо это якобы приведет к постоянным противоречиям с чувашскими историками. Кроме того, это не даст нам возможности гордиться величию татар, ибо Булгарское государство по сравнению с Золотой Ордой — страна «величиной с булавочную головку». Нам не раз приходилось доказывать, что нет большего вреда для нашей истории, чем противопоставление двух периодов: болгарского и золотоордынского, ведь они — звенья одной исторической цепи. Кроме того, представление Булгарского государства «величиной с булавочную головку» — это незнание его настоящей истории.

Во-вторых, Д.Исхаков убежден в том, что если мы историю современных татар свяжем не с Булгарией, а с Золотой Ордой, то выигрываем в том, что российская история становит-

ся частью истории Золотой Орды, и «автоматически» частью истории современных волжских татар, а если свяжем ее с Булгарией, то, наоборот, Булгарскую историю российская история легко проглотит («прекрасно переваривает»). Это — очередное непродуманное предположение автора. Ведь всем ясно, что русская история золотоордынского периода является признанной частью истории Улуса Джучи. Следовательно, к этому стремиться и не нужно.

В-третьих, автор приведенной цитаты в своих рассуждениях исходит из положения, гласящего, что современные волжские татары являются продолжением дальнейшего развития не болгар в широком смысле этого слова, а скорее всего ордынских татар, которые состояли из предков казахов, узбеков, болгар, башкир, ногайцев, финно-угров и т.д.

Татаро-татаристы характеризуются тем, что они вообще не различают значения этнонима *татар*. Поэтому в их статьях тщетно искать конкретное рассуждение, потомками каких татар являются современные татары. Такой же неконкретностью отличается и статья И.Измайлова «Как татары стали татарами», опубликованная в журнале «Казань» в 2000 году (№ 10).

Утверждение татаро-татаристов о происхождении современных татар от татар (но им неизвестно от каких: от древних татар, монголо-татар, тартар, ордынских татар или тюрко-татар) нельзя считать объективным. Они просто повторяют предположения некоторых русских ученых и точку зрения миссионеров, которые преднамеренно пропагандировали татаро-татарскую концепцию. Секрет этого, по нашему мнению, правильно раскрыл Тамурбек Давлетшин. Он считал, что они называли население Казанского ханства сначала *новыми булгарами*, затем *казанцами*, а впоследствии — *татарами* «...по всей вероятности, также и в пропагандистских целях, чтобы поднять ненависть в народе к военному противнику. Вместе с названием *татар*, разумеется, были перенесены на население Казанского ханства и те порочащие сведения, которые были распространены в России, а через русских также и на Западе, о татаро-монголах» [Давлетшин Т., 1974, 16].

§ 35. К чему может привести необъективное этногенетическое построение татаро-татаристов? Итак, в истории изучения этногенеза современных татар (т.е. болгаро-татар, не

включая сюда крымских и добруджинских — по старой терминологии: буджакских — татар) различаются три концепции: болгаристов, болгаро-татаристов и татаро-татаристов (с другой стороны, болгаро-чувашистов).

Булгаристы признают адекватной концепцию болгарского происхождения современных татар, считают неправомерным «навязывание» булгарам в широком смысле этого слова этнонима *татар*, призывают население записываться не татарами, а булгарами, что может привести к некоторому сокращению количества татар. Булгаристы выступают сторонниками изучения глубоких исторических корней булгар с привлечением всех имеющихся древних источников на всех языках. В этом с ними солидарны булгаристы дунайских болгар, которые в отличие от наших булгаристов не интересуются современным этнонимом булгаро-татар.

Сторонники болгаро-татарской концепции, как и булгаристы, признают адекватной концепцию болгарского происхождения современных татар, но в отличие от вторых считают, что этноним *татар* играл консолидирующую роль в период образования нации. Поэтому они не отказываются от этнонима *татар*, для отличия их от других татар, особенно от монголо-татар, применяют конкретизированный этноним *булгаро-татары*. Все ведущие татарские историки были сторонниками болгаро-татарской концепции, проводили объективные этногенетические исследования. Читая их труды, татары понимали, что они не являются потомками ни древних татар, ни тартар, ни ордынских татар, ни тюрко-татар, поэтому этноним *татар* понимали в смысле *булгаро-татар*, и объясняли это представителям других народов.

Не различая истории этноса булгаро-татар от истории этнонима *татар*, сторонники татаро-татарской (или болгаро-чувашской) концепции, исходя из необъективного этногенетического построения, пытались и пытаются доказать, что современные булгаро-татары являются потомками монголо-татар или ордынских татар. Такая точка зрения была сначала сформулирована некоторыми русскими и западноевропейскими историками и миссионерами. Лишь в последнем десятилетии XX в. появились свои татарские татаро-татаристы, идентифицирующие булгаро-татар с монголо-татарами, в состав

которых они ошибочно включали и древних татар, и тартар, и ордынских татар, и тюрко-татар. По их мнению, татаро-татарская концепция больше отвечает национальным интересам современных татар, представляя их великим народом, создавшим великую империю Джучиева Улуса (Золотой Орды).

Всем ясно, что любое завоевание чужих территорий рано или поздно осуждается историей. К монголо-татарским завоеваниям установилось такое же осуждающее отношение. Поэтому из-за идентификации современных татар с монголо-татарами имидж этнонима *татар* весьма незавидный. Это приводит к тому, что татары, особенно молодые, проживающие вне Татарстана, проявляют к этнониму *татар* негативное отношение, выражают желание называть себя не общим принятым извне этнонимом *татар*, а своим прежним собственным этнонимом, скажем, *мишар*, *булгар*, *крэшен* (крещеный) или в лучшем случае конкретизированным местным этнонимом вроде *себер татары* (сибирские татары), *эстерхан татары* (астраханские татары), *нижгар татары* (нижегородский татарин), *пенза татары* (пензенские татары) и т.д. Иногда наблюдаются случаи узаконить эти собственные этнонимы через соответствующие органы в Москве. Ясно, что такое явление может привести к количественному уменьшению булгаро-татар. Из-за низкого имиджа этнонима *татар* среди населения такой процесс уже идет. По неофициальным подсчетам местных татарских обществ, в Казахстане скрывают свое татарское происхождение более 150 тыс. татар, в Узбекистане — более 300 тыс., в Киргизии, Азербайджане, на Украине, в России их также очень много. В будущем среди татарской молодежи таковых будет еще больше, ибо сторонники татаро-татаристов, особенно доморощенные, под названием «новой концепции» усиленно пропагандируют идею идентичности булгаро-татар с монголо-татарами, что может привести к резкому сокращению общего количества булгаро-татар.

Если мы хотим поднять имидж этнонима *татары*, должны раскрыть перед народом все его значения, объективно изложить, что есть древние татары, монголо-татары, тартары, ордынские татары, тюрко-татары, булгаро-татары, крымские татары, добруджинские татары.

Необъективное этногенетическое построение татаро-татаристов отвлекает татарских историков от изучения настоящей истории булгаро-татар в составе Золотой Орды. Например, они хотят умолчать то, что булгаро-татары, как и другие завоеванные народы: русские, узбеки, казахи, башкиры и др., в период Золотой Орды вели освободительную борьбу, за что постоянно испытывали действия карательных экспедиций чингизидов. По мнению Д.Исхакова, завоевание чингизидов — это только счастье для предков булгаро-татар.

Татаро-татаристы намерены создать историю Золотой Орды только как свою. Всем ясно, что история Орды может быть написана объективно лишь совместными усилиями специалистов всех тех народов, предки которых оказались под властью золотоордынских чингизидов.

К сожалению, неправомерная идентификация современных булгаро-татар с монголо-татарами имеет место и в современной российской историографии, о чем свидетельствует, например, новая книга В.В.Похлебкина «Татары и Русь. 360 лет отношений. 1238—1598», изданная в Москве в 2000 году.

В.В.Похлебкин современных татар и татар конца XVI в. считает непосредственными потомками монголо-татар. Русско-татарские отношения начались внезапно, пишет он, с агрессии монголо-татаро-кыпчакских Орд против Руси (и других стран Восточной Европы) в 20—30-х годах XIII в. Здесь о беспощадной борьбе предков булгаро-татар против завоевателей даже не упоминается. Далее продолжает: «Спустя 150 лет непрерывного и нарастающего владычества над Русью татары-победители неожиданно сами стали жертвой еще более сильного агрессора, чем они, подверглись завоевательным нашествиям Тамерлана. Золотая Орда ослабела, стала приходить в упадок.

Этим немедленно воспользовались русские, хорошо усвоившие за 150 лет один несложный внешнеполитический урок: побеждает в международных столкновениях всегда сила, а не справедливость. Победителей не судят, им не предъявляют претензий, даже когда они творят жестокости, их не упрекают ни в каких грехах. Их слушаются и с ними соглашаются. Слабых же, отсталых и зависимых бьют. Поэтому раз бывший победитель ослабел и уже не может отстоять свое привилеги-

рованное положение, надо бить и добивать его. И чем быстрее, чем безжалостнее, тем лучше... Отсюда возникли непрерывность и последовательность этого наступательного процесса, стремление довести его до полного уничтожения противника, до полной ликвидации татарской государственности» [Похлебкин В.В., 2000, 166—167]. Всем ясно, что здесь имеется в виду государственность Республики Татарстан. Если бы В.В.Похлебкин знал, что современные татары — это не монголо-татары, то рассуждал бы иначе, напомнил бы и о том, что от монголо-татарской агрессии пострадали и предки современных татар, т.е. болгары, которые как и русские вели освободительную борьбу против монголо-татар.

Подводя итоги, следует отметить, что выдвинутая татаро-татаристами концепция о происхождении современных татар от монголо-татарских завоевателей противоречит установившейся в тюркологии и поддержанной большинством татарских этнологов болгаро-татарской концепции.

Татаро-татарская концепция ничего общего не имеет также с национальными интересами народа, ждущего от историков и этнологов правдивого описания его этногенетических корней. Приняв эту концепцию, мы оказались бы в ложном положении и в праздновании 1000-летия Казани. В этом случае нам пришлось бы утверждать, будто город Казань был основан в болгарский период чувашезычными булгарами, а не предками татар.

Не будет никакой пользы для татарской истории и от того, что вслед за Лябибом Караном и татаро-татаристами мы начнем называть татарскими и Гуннское, и Тюркское, и Хазарское, и Булгарское государства. Такой анахронизм в применении слова *татар* или *татарский* может привести к негативному отношению к татарским ученым со стороны других тюркоязычных народов. Ведь узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы, башкиры и др. свои этнические корни также связывают с общетюркским периодом, но этот период не называют ни узбекским, ни казахским, ни азербайджанским и т.д. Как бы мы восприняли узбекскую историю, если бы узбекские авторы и Гуннское государство, и Тюркский каганат, и Хазарское государство и Золотую Орду называли «узбекскими национальными государствами». Наступила бы перебранка между историками тюркоязычных народов.

Татаро-татаристы начали борьбу за то, чтобы в учебниках русской истории не ругали монголо-татарское завоевание, показали его положительным явлением. Конечно, нехорошо особо ругать один из периодов своей истории, но если быть откровенным, то монголо-татарское завоевание оставило болгар без независимого государства.

Следовательно, нельзя сказать, что изучение этногенеза татар уже завершено. Необходимо продолжать подготовку кадров по этим проблемам, проводить новые основательные этногенетические исследования. Если эта наша работа послужит началом таких исследований, то мы будем считать, что цель достигнута.

АРИЙСКИЕ И ХУИНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ТЮРКОВ

§ 51. Общие сведения. *Ар/эр/арий* — не индоиранский, а тюркский этноним. Этот этноним, фиксированный первоначально в трудах древнегреческих историков в форме *ари*, до сих пор сохраняется в сложных тюркских этнонимах с основой на *ар/эр/ур* ‘мужчины, люди’.

Первичный тюркский этноним *ар/ур* впервые стал предметом подробного изучения в индоевропеистике, ибо сторонники этого направления прародиной своих народов считали Индию, Среднюю и Переднюю Азию, где был зафиксирован этноним *ар/эр/ур* как самое древнее название местного населения, говорившего, по их мнению, обязательно на индоиранском языке.

В политическом плане арийская проблема по своему решалась фашистами в их расистской литературе. Расисты создали учение о существовании и функционировании высшей арийской расы. Но поскольку индоиранцы (арийцы) не составляют единой расы, постольку учение о единстве арийцев в качестве высшей человеческой расы в науке не признано адекватным.

Существует две точки зрения по вопросу о прародине арийцев, «Согласно одной из них это была Средняя Азия... Согласно второй гипотезе прародиной индоиранцев была южная часть теперешней России, и заселение Ирана арийцами шло с севера, через Кавказ» [Расторгуева В.С., 1966, 195]. Некоторые тюркологи локализуют арийцев в Урало-Поволжье [Кляшторный С.Г., 2002, 76].

Древнегреческий ученый Эратосфен описывает территорию ариев как самостоятельную страну, которая, по его мнению,

расположена в Средней Азии. По-видимому, исходя из таких сообщений, И.В.Пьянков в своей книге локализует страну арийцев также в Средней Азии [см. карту: Пьянков И.В., 1997].

В действительности же племена, этнонимы которых содержат слово *ар/ур* ‘люди, мужчины’, были распространены во всех тюркских регионах Евразии, а именно в Малой Азии (*тавр, тюрк*), в Передней Азии (*субар/сумер/шумер*), в Средней Азии (*ар/ур/ари, сакар, окар/огур, уйгур, тохар, гандар*), в Центральной Азии (*татар, шор*), в Восточной Европе (*суар, биар, болгар, мишар, хоногур*), на Кавказе (*балкар, азар, гу-гар*), на Балканском полуострове (*акацир, трак/ту-ар-ок*).

Во всех этих регионах племена *ар/ур* жили вперемежку с тюркоязычными саками (скидами), асами, сюннами, кусюнами/касанами, бактрийцами, парфянами, хорасмиями, а также с нетюркоязычными племенами.

Как мы уже упомянули выше, в индоевропейской научной литературе арии признаны индоираноязычными племенами. Между тем, ни в одном из древних источников мы не находим сведений об индоязычности или ираноязычности ариев/аров.

Тюркоязычность арийских племен доказывается многими историческими данными.

Наиболее полные сведения об ариях в древности дошли до нас в «Истории» Геродота — историка V в. до н.э. Описывая территорию, народы и завоевания Ахеменидской Персидской державы, Геродот дает понять, что округа и воинские части этой державы создавались по племенному признаку. О разных племенах и об ариях он сообщает следующее: «Саки и каспии доставляли (Ахеменидской державе. — М.З.) 250 талантов: это — пятнадцатый округ, парфяне, хорасмии, согды и арии — 300 талантов: это — шестнадцатый округ» [III, 93]. Все эти племена: саки, каспии, парфяне, хорасмии, согды в исследованиях конца XX — начала XXI в. признаны тюркоязычными [Закиев М.З., 2003, 145—148].

Геродот пишет, что именно мидийцев называли ариями [VII, 62]. Во многих тюркологических трудах мидяне признаны тюркоязычными. Кроме того, Геродот отмечает существование рядом с ариями племен под названием *гандарии* (по тюркской модели этнонимов распадается на *ганды* и *арии*, где *ганды* — по-тюркски звучит как *ган-ды/ган-лы/ханлы* ‘с ханом, имеющие хана’); следовательно, этноним *ганда/ганды-ар*

— это ары, имеющие своего хана. Тем более, гандарии упоминаются рядом с тюркоязычными племенами. Так, Геродот разъясняет: парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики выступали а поход в том же вооружении, что и бактрийцы [VII, 66]. В новейших исследованиях тюркологов *бактыар* считается также тюркским этнонимом: *бакты* ‘имеющие сады’, *ар* ‘люди’, т.е. ‘люди-садоводы’.

Поскольку слово *ар/ариу* считалось индоиранским этнонимом, постольку в тюркологии его до последних лет вообще не изучали. Лишь при этимологизации некоторых тюркских вторичных этнонимов с элементом *ар/эр/ур* вскользь отмечали тюркоязычность этого элемента.

В индоиранских языках *ур* применяется в одном этнониме *иран/ирун*, который, по нашему мнению, является результатом влияния тюркского языка в условиях активного тюркоиранского или ирано-тюркского двуязычия.

Что касается частотности применения этнонима *ар/ур* в составе сложных тюркских этнонимов, то надо сказать, что тюркских этнонимов, основанных на первичном этнониме *ар/эр/ур*, в § 40 мы насчитали более 40 (см. табл. в конце § 40).

Историки, придерживающиеся традиционных взглядов, утверждают, что якобы ираноязычные племена *ар* совместно с якобы ираноязычными племенами сак/сака, ськъдъ/скиде (скиф), согды, бактр, мидян, парды (парфян), кусюн/кусан/кушан, тохар/дагар, усунь/ассюн создали религиозное учение **Зороастризм**. Все сохранившиеся в памяти народа отрывки этого учения в IV в.н.э. собраны в один сборник **Авеста**. Все тексты этого сборника признаны ираноязычными, ибо их создали вышеназванные якобы ираноязычные племена. Историки, в том числе и тюркологи, в этом не сомневались.

Наши лингвоархеологические исследования показали, что вышеперечисленные племена были тюркоязычными.

Тексты авесты, т.е. авестийский язык, более 100 лет изучается на основе персидского языка, и в итоге индоиранисты пришли к выводу, что авестийский язык не похож на иранский, что «произошел полный отрыв авестийского языка от живых иранских языков» [Расторгуева В.С. Авестийский язык. БСЭ, III изд., М., 1970, 55]. Этот вывод индоиранистов говорит о том, что язык текстов Авесты не был иранским и создатели Зороастризма не были ираноязычными.

Исходя из признания авторов Зороастризма тюркоязычными, мы должны организовать тщательное изучение текстов Авесты на основе тюркских языков. Естественно, это огромная работа, требующая много времени и старательного труда многих авторов. Поэтому мы здесь попробуем расшифровать морфонологическое строение и семантические особенности трех основных слов этого религиозного учения, а именно слов *авеста*, *зороастр* и *заратуштра* — имени пророка и реформатора этой религии.

Слово *авеста* восходит к тюркскому *авучта* (*авуч* ‘ладонь’, *авучта* ‘в ладони’), *авучта* > *авеста* применялось в смысле ‘горсть молитв’, ‘сборник молитв’.

По мнению индоиранистов, слово *заратуштра* — это иранское имя, где часть *уштра* — ‘верблюд’, первая часть *зарат* — ‘желтый, старый, погоняющий’. *Заратуштра* — в целом ‘обладающий старым верблюдом’ [История таджикского народа. т. I.—М., 1965, 169]. А слово *зороастр* — это измененный фонетический вариант иранского слова *заратуштра*, следовательно, также связано с верблюдом.

Тюркская морфонология подсказывает нам, что слово *зороастр* восходит к тюркскому *джараштр* (в тат. средн. диалекте — *жараштр*, в тат. литер. — *йараштыр*, киргиз. корень *жара* ‘быть пригодным’, ‘примерять’, ‘приспосабливаться’). Тюркский [дж-ж] часто чередуется с [з], а звук [ш] — с [с]. Корень *джара/йара* принимает форму совместного залога *-ыш/-иш*, которая имеет и словообразовательное свойство: *джарыш/йараш/зарыш/зарыс* ‘приспособиться друг другу’. Далее идет *-тр* — аффикс понудительного залога: *джараштр/йараштыр/зарастр*, которое легко произносится и как *зороастр* ‘заставляй, понуждай, способствуй людям не враждовать друг с другом, а приспособиться друг к другу’. По нашему мнению, именно здесь (а не в верблюдах) кроется вся философия Зороастризма.

Когда слово *йара/джара* необходимо применять в значении ‘приспособить кого-то к себе’, тогда оно принимает форму понудительного залога: *джарат/йарат*. В кыпчакских языках слово *джарат* сейчас применяется не только в значении ‘приспособить к себе’, но и еще в значении ‘любить’.

Слово *джарат* в формах совместного и понудительного залогов *джаратыштр (йаратыштыр)* в условиях тюрко-

иранского двуязычия легко может принять форму *заратуштра*. Таким образом, учитывая значения совместного и понудительного залогов, семантика слова *заратуштра* заключается в следующем: пророк Заратуштра понуждает людей любить, уважать друг друга.

Тюркский анализ слов *зороастр* и *заратуштра* показывает, что эти слова родственны не только по своим семантическим, но и по грамматическим особенностям. Это убеждает нас в том, что тюркоязычный анализ слов *зороастр* и *заратуштра* не может быть опровергнут.

Все слова текста Авесты должны быть проанализированы таким же образом на основе тюркской морфонологии. Если часть слов не будет поддаваться тюркскому анализу, то в этих случаях надо применять иранскую морфонологию, ибо в регионах создания Зороастризма распространенное в наши дни тюркско-иранское двуязычие могло существовать и в древности.

Все вышеизложенное дает нам право заключить, что племена, носившие тюркские этнонимы *ар/ари* и др., были тюркоязычными и со временем стали этническими корнями современных тюркских народов.

§ 52. Субар/сумер/суарские этнические корни тюрков. В основе этнонима *субар/сумер/суар* лежит первичный тюркский этноним *ар/эр/ари*, следовательно эта тема является частью общей проблемы «Арийские этнические корни тюрков».

В роли определения при *ар/ир* выступают слова *суб/су/ху/шу* 'вода, река'.

Обобщая исследования шумерских, аккадских, ассирийских и урартских источников, ученые установили, что в Передней Азии в верхнем течении реки Тигр между Ассирией и Урарту в IV—III тыс. до н.э. жили субары (*суб-ар* 'речные люди'), здесь они были окружены и другими тюркскими племенами *гутии, лулу, туруки, кумуги, кашгай, гүгәр, салур* и др. Уже в то время этноним *субар* был знаком и нетюркским соседям. Например, аккадцы своих соседей с самоназванием *кангар*, идентифицируя по языку с субарами, называли *субар* > *сумар* > *сумер*, которое по-аккадски стало произноситься как *шумер* [Фиридун Агасыоглу, 2000, 41—66, 156—162]. Субары как древнейшие тюркские племена в течение нескольких тысячелетий распространялись по многим регионам, и в разных языковых окружениях этноним *субар* претерпел различные

фонетические изменения: *субар/суар/сувар/сумер/шумер/савир/самар/сибир* и т.д. В некоторых трудах звук [р] в слове *суар* объясняется как чувашский ротацизм от *суас/суаз*, но такое предположение является лишь заблуждением, ибо в основе сложного этнонима *суар* лежит первичный этноним *ар/ир*, а в основе *суас/суаз* — первичный *ас/яс*. *Суас* — это ‘водные асы’.

В некоторых диалектах начальный согласный [с] легко заменяется согласным [h], который на русский язык передается буквами *х* или *г*. Например, *сюн/хун/хунны/гунны, сака/хака, хака+ас/хакас*. Определение *су* иногда применялось с начальным [h]: *суар/хуар*. Этноним *хуар*, по нашему мнению, входит в состав сложных этнонимов, сохранившихся до наших дней в топонимах *Хорезм* и *Хорасан*.

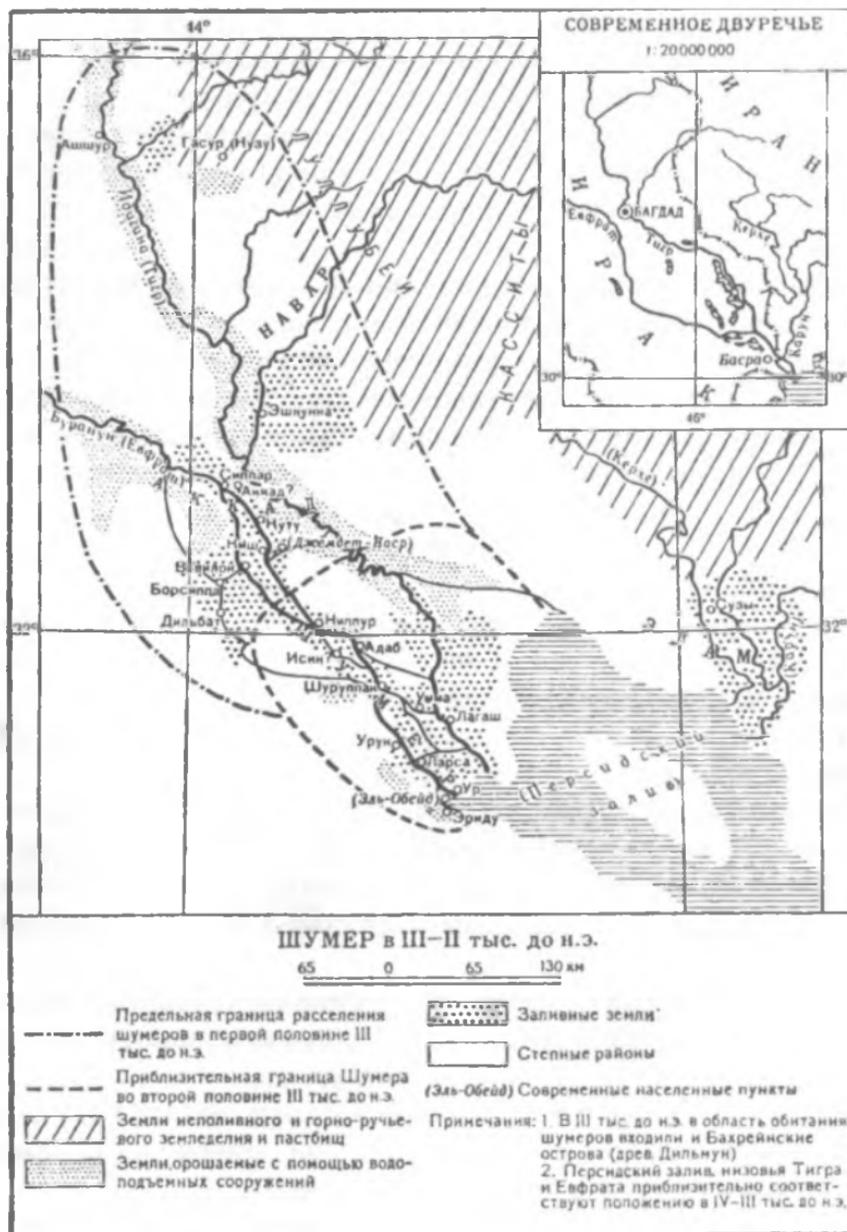
Топоним *Хорезм* восходит к сложному тюркскому этнониму *хуар+ас*, который получил аффикс принадлежности 1-го лица ед.ч. -м. *Хуарасм* — ‘мой хуарас’. Этот топоним впоследствии стал применяться и как этноним *Хорезм*, т.е. как и название народа хорезмийцев, которые в древности носили тюркский этноним *каң/канг* ‘прародитель’. Иранцы называли их *канха*, где *-ха* — аффикс иранского мн. числа.

Топоним *хорасан* также восходит к тюркскому сложному этнониму: *ху-ар-ас-сан* (от *хуар-ас-сюн*). Как видно, в основе этнонимов *Хуарасм* и *Хуарассан* лежит одна и та же основа — этноним *суар* и *ас*, во втором случае к нему присоединился и этноним *сюн/хун*.

Как уже было сказано выше, этноним *субар* еще задолго до н. э. принял еще и форму *сумер*, произнесенный аккадцами как *шумер*.

Таким образом, этноним *шумер/сумер* также восходит к *арским (арийским)* племенам. Ученые обоснованно нашли яркие следы тюрков в шумерском языке.

Как известно, в южных регионах Двуречья между реками Тигр и Евфрат в V—III тысячелетиях до н.э. была расположена страна шумеров/сумеров (см. карту). По данным И.М.Дьяконова [БСЭ, III изд., т. 29, 517], страна до конца III тысячелетия до н.э. была населена в основном шумерами и в меньшей степени, восточными семитами-аккадцами, которым удалось взять в свои руки правление, и с середины III тысячелетия до н.э. страна начала именоваться «Шумер и Аккад».

В начале II тысячелетия до н.э. здесь возникло государство *Вавилония*, которое не теряло независимости до VI в. до н.э. Вавилонянам неоднократно приходилось отражать нападения касситов, ассирийцев и эламитов, которые так или иначе смешались с местными шумерами, аккадцами, вавилонянами.

В процессе этого смешения шумерский язык, по-видимому, ассимилировался. Но образцы подлинного языка остались закрепленными в их клинописных текстах. Клинопись шумеров затем была принята и совершенствована аккадцами, эламцами, хурритами, хетто-лувийцами и урартцами.

Шумерская система клинописи была расшифрована рядом ученых в конце XIX — начале XX вв. Именно этот расшифрованный по клинописям шумерский язык оказался богатым тюркскими заимствованиями.

С большой надеждой выявить своих древних предков шумерский язык изучали сначала индоевропейцы, искали параллели и сходства со своими языками. В их числе был и Ф.Хоммель, но он в шумерских текстах выделил и 200 слов, совпадающих с тюркскими [Хоммель Ф., 1915], за что ему пришлось пережить насмешки и издевательства.

Изучению и расшифровке шумерских текстов посвятил много времени русский ученый И.М.Дьяконов. Ему даже в голову не приходила мысль о какой-то близости шумерского языка с тюркским. Сравнивая шумерские слова с индоевропейскими, он не находит ни единого случая совпадения и приходит к выводу, что мол шумерский язык был изолированным от других [Дьяконов И.М., 1954, 84]. Этот вывод вообще странен с научной точки зрения, ибо на Земном шаре нет и не может быть изолированных языков.

В книге И.М.Дьяконова, который даже не подозревал о близости шумерского и тюркского языков, Олжас Сулейменов выделил 60 шумерских слов, схожих с тюркскими словами: *ада* 'отец', *ама* 'мать', *ту* 'родить', *ере* 'муж', 'рядовой воин', *угу* 'стрела', *таг* 'прицепи', *заг* 'сторона', *бильга* 'мудрый, предок', *ме* 'я', *зе* 'ты', *ане* 'вот', *гуд* 'бык', *гаш* 'птица', *кир* 'грязь', 'земля', *уш* 'три', *у* 'десять', *кен* 'широкий', *узук* 'длинный', *туш* 'спуститься', *уд* 'огонь', *удун* 'дерево', 'дрова', *дингир* 'бог', 'небо', *тенгир* 'бог', 'небо' и др. О.Сулейменов подвергает исследованию каждое слово, доказывает шумеро-тюркские совпадения и приходит к выводу о том, что: а) схождения имеют систему, поэтому они соответствуют действительности; б) шумерский и тюркские языки долгие годы оказывали друг на друга заметное влияние; в) эти языки родственны не генетически, а в результате культурного взаимовлияния [Сулейменов О., 1975, 230—242].

Шумеро-тюркскими параллелями с 1947 года упорно занимался турецкий ученый Осман Недим Туна. С результатами своих исследований он выступал на международных конгрессах, неоднократно советовался со многими специалистами и лишь после этого в 1990 году решил издать специальную книгу, в которой делает попытку определения возраста тюркского языка, исходя из шумеро-тюркских параллелей. В этой книге О.Н.Туна проводит сравнительно-историческое изучение 168 шумерских слов, находя их корни в древнетюркском языке; изучает фонетические, грамматические особенности обоих языков. Ученый приходит к выводу, что говорить о генетическом родстве шумерского и тюркского языков пока нет достаточных доказательств, выявленный до сих пор материал лишь доказывает, что эти языки долгое время оказывали друг на друга очень сильное влияние [Туна О.Н., 1990, 49].

О.Н.Туна предполагает, что тюркский язык еще 5500 лет тому назад имел логически разработанные его носителями фонетический строй и грамматическую систему. Если допустить, что до развития этой системы прошло еще 5500 лет, то возраст тюркского языка окажется 11 тыс. лет. Что касается времени закрепления тюркского языка в письменности (шумерской клинописи), то оно было 8000—8500 лет тому назад [Туна О.Н., 1990, 49].

В научной литературе остаются пока без ответа вопросы, где же шумеры испытывали сильное влияние тюрков: до прихода в Двуречье, или здесь рядом с ними жили тюркские племена, может быть шумеры были когда-то тюрками, но в IV—III тысячелетиях до н.э. переживали период ассимиляции среди семитоязычных аккадцев.

§ 53. Тавр/тохарские этнические корни тюрков. В результате распространения аров(арийцев) в горных странах и консолидации их с другими племенами образовались местные группы *ар/иров*, которые продолжали называться арами, но с определением *тау/тав/даг/таг/тох/ту* 'гора' или *кас/кес* 'скала'. Так появились вторичные этнонимы аров (арийцев): *тавар/тавр/дагар/тагар/тохар/туар/туэрк* 'горные люди'¹, *касар/хасар/хазар* 'люди скалистых гор'.

¹ В некоторых источниках имеются случаи объяснения происхождения этнонима *тавр* от тюркского слова *туар* "животные", но надо признать, что это является лишь народной этимологией.

Начнем с описания этнонима *тауэр/тавр* 'люди гор'. Этот этноним мы встречаем в «Истории» Геродота — древнегреческого историка V в. до н.э., труды которого отражают события VII—V вв. до н.э. Описывая исконную Скифию, которая «начинается от устья Истра» (Дуная. — М.З.) и продолжается до Херсонеса Скалистого-Крымского побережья есть гористая страна, которая заселена таврами [IV, 99]. Следует обратить внимание на то, что тавры живут в гористой стране, которая называется Таврикой или Таврией, совпадающей по территории с Крымским полуостровом. Здесь же указывается наличие Таврийских гор в восточной части Крымского полуострова [IV, 3.20.99.100.102.103.119]. Тавры являются далекими предками крымских татар. Обращает на себя внимание то, что горы, где живут племена тавры, называются Таврийскими горами или просто таврами. С таким явлением мы встречаемся в Малой, Передней, Средней Азии.

Древнегреческие путешественники и историографы Александра Македонского, описывая свой путь, фиксировали местные названия географических объектов Малой, Передней и Средней Азии. По сообщению древних греков, местные народы этого региона еще задолго до н.э. всю цепь гор, тянувшихся от Малой Азии вплоть до Гималаев называли словом Тавр [Пьянков И.В., 1997, 283]. Местные тюрки, знакомя приезжих греков с местностью, любые горы, где жили тавры 'горные люди', 'горцы', называли словом *тавр*.

В Средней, Передней и Малой Азии племена, носившие этноним *тавр*, позже приняли другие этнонимы, а слово *тавр* сохранилось до наших дней в названиях гор: *Понтийский тавр* и *Малоазийский тавр*.

Синонимом этнонима *тавр* выступает этноним *тохар/тогар/дагар*, который образован от *таг/даг* 'гора' и *ар* 'люди'; *тогар/тохар* 'горные люди, т.е. горцы'. В традиционной индоиранистике и тюркологии тохары признаны ираноязычными племенами. Но исследования последних лет дают реальное основание считать их тюркоязычными.

Тохары в III—II тыс. до н.э. жили в Восточной Европе, затем наличие их отмечается в Средней Азии и Центральной Азии. Птолемей во II в. *тогаров/тохаров* помещает даже в Западной Европе возле Дакии [Латышев В.В., 1893, т. I, вып.1, 232]. В конце XIX начале XX вв. немецкие ученые

искусственно навязали тохарам язык случайно найденной там персидской рукописи, и этот язык «как тохарский» до сих пор относят к тохарам, «несмотря на энергичные протесты многих ученых» [Краузе В., 1959, 41—44].

Ошибочное отнесение языка персидской рукописи к тохарам случилось следующим образом. В конце XIX и начале XX вв. в оазисах Синьцзяна были обнаружены письменные памятники на особом западноиранском диалекте. Там же были и уйгурские тексты, переведенные с санскритского. Немецкие ученые обнаружили, что перевод на уйгурский осуществлен не непосредственно с санскритского, а через *тохри*. На основе этого сообщения, найденные иранские тексты немецкие ученые назвали «тохарскими». Они связывали уйгурское слово «тохри» с названием народа «тохары», который, по свидетельству древних, жил в Бактрии, а Бактрия считалась страной индоиранцев. Здесь сразу бросается в глаза нарушение логики: в уйгурском тексте не сказано, что *тохри/тохары* говорили на иранском, скорее всего они были тюрками, если уйгуры воспользовались их языком. Кроме того, мы знаем, что *тохары* в Средней Азии в древности были тесно связаны с *сако-массагетами*, которые в V—VII веках известны как тюркские народности среди эфталитов-тюрков и других тюрков. М.Кашгарлы тохаров также считает тюрками. Л.С.Толстова в труде «Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике» пришла к выводу, что «Корень слова “Тохарстан” сохранился в топо- и этнонимии, связанной с узбеками и казахами» [Толстова Л.С., 1978, 10]. А.Н.Бернштам считает тохаров, кушан и усуней частями одного и того же народа, но всех их относят к ираноязычным [Бернштам А.Н., 1947, 41—47]. Но общеизвестно, что *усуни*, даже *кушаны/кусюны* ‘белые хунны’ тюркологами отнесены к тюркоязычным племенам.

Тохары еще до н.э. упоминаются в Книге бытия как тюркоязычные, там отмечается, что от сына *Иафета-Гомера* родились трое: *Аскеназ*, *Рифат* и *Догарма* [гл. 10]. В древнееврейском языке всех тюрков называли *догарма*, где *-ма* — аффикс еврейского мн.ч. Одно то, что евреи называли тюрков этнонимом *тогарма* еще до н.э., говорит о наличии тюрков на Ближнем Востоке и Европе с древнейших времен. Позже и

Хазар, принявших иудейскую религию, евреи также называли *тогарма*.

§ 54. Этноним *тюрк* относится также к арской (арийской) группе. Слово *тюрк* является синонимом этнонима *тавр/тохар*. В одном из диалектов тюрков слово *тауэр/тавр* могло произноситься как *тауэрк/туэрк*, где основа *эрк* восходит к слову *эркек* ‘мужчина, самец’, или она состоит из двух этнонимов: *ир-ок* > *эрк*. В слове *тауэрк* основа *эрк* оказала слову *тау* ассимилирующее влияние, в результате слово *тау/ту* начало произноситься как *тю/тью*, так *туэрк* получило форму *тьурк/тюрк*.

По предположению некоторых тюркологов, фонетические варианты этнонима *тюрк* зафиксированы в III—II тысячелетии до н.э. в Троаде (греч. *Troas*), расположенной на северо-западе Малой Азии, во II тысячелетии до н.э. — в Тракии (греч. *Thrakos*, рус. *Фракия*) на востоке Балканского полуострова, в I тысячелетии до н.э. у этрусков на северо-западе Апеннинского полуострова, в виде *Turukha* в индийских источниках [Кафесоглу И., 1992, 106], в виде *турук* в ассирийских источниках [Фиридун Агасыоглу, 2000, 41—42].

В армянских источниках отмечается, что в середине IV в. до н.э. во время завоевательных походов Александра Македонского в бассейне реки Кура жили племена под названием *бунтурк*. М.А.Сеидов этимологизирует его как *буын тюрк* ‘тюркское поколение’ [Сеидов М.А., 1975]. Но по тюркскому словорасположению, в таком значении этот этноним должен был звучать как *тюрк буын*. По-видимому, здесь мы имеем вариант этнонима *бэнтюрк*, который состоит из двух первичных тюркских этнонимов *бэн* (*мин*) и *тюрк*.

В тех же армянских источниках болгары описываются как соседи *тюрков*, а в качестве другого названия (по-видимому, самоназвания) скифов указывается этноним *апахтарк* [Патканов К., 1883, 29, 31]. *Апахтарк* значит ‘белые тюрки’.

В китайских источниках этноним *тюрк* (*ту-кю, тюркют*) встречается уже в общем значении.

Но до VI—VII вв. ни один из фонетических вариантов этнонима *тюрк* не становится общим этнонимом. Лишь в VI—VII вв. н.э. в период расцвета Первого и Второго тюркских каганатов этноним *тюрк* приобретает общий характер, т.е. многие тюркоязычные племена и народы, сохраняя свой собствен-

ный этноним, принимают и общий этноним *тюрк*. Позже арабы во время завоевательных походов применяют его очень активно, и к X—XI вв. он уже официально становится всеобщим этнонимом для всех тюркоязычных народов. В XI в. Махмут Кашгарлы в своей энциклопедии «Дивану лугат-ит-тюрк» официально называет все тюркоязычные племена *тюрками*, даже тех, у кого этноним *тюрк* никогда не применялся ни как внутренний, ни как внешний этноним.

В настоящее время представители всех тюркоязычных народов по школьным учебникам знают, что их народ относится к тюркам. Даже якуты и чуваша, языки которых по разным причинам отделились от тюркского, считают себя тюрками.

До распространения слова *тюрк* в качестве общего этнонима тюркоязычные племена и народы жили тысячелетиями под различными этнонимами: в III тысячелетии до н.э. зафиксированы этнонимы *уд* (вариант *ас*), *сэ* (*сака*), *уну* (*хун*), *суар* (*хуар*), *ас*, *парды*. В I тысячелетии до н.э. были широко известны тюркские этнонимы *киммер*, *скиде*, *сак* (*сака*), *савромат*, *сколот*, *акадир*, *гелон* (*йылан*), *иурк*, *аргиппей*, *ишкуза*, с III в. до н.э. до III в. н.э. — этнонимы: *сармат*, *алан*, *болгар*, *сабир* и др.

По этимологии слова *тюрк* существует несколько точек зрения. Н.Я.Марр выводит его от слова *таркан* ‘женское божество’, А.Н.Бернштам — от слова *тюркюн* ‘единство, союз племен’. С.П.Толстов происхождение этнонима *тюрк* связывает со словами *тархан* (титул), *турун* ‘внук’ и *түрә* ‘чиновник’. Он рассуждает следующим образом. Слово *тархан* в самом начале означало аристократию племени, позже получило семантику ‘освобожденный от налогов’. По мнению С.П.Толстова, в труде М.Кашгарлы зафиксирован переднеязычный вариант *тәркән*. По-видимому, он связывает его со словом *түрә* ‘господин’, *тәркән* также означает ‘господин’. Кроме того, С.П.Толстов учитывает то, что казахское слово *тюркюн* обозначает родственников со стороны жены, это слово с такой же семантикой имеется и в монгольском языке. В алтайском языке *торө* означает народ, в телеутском — родственников. Вывод: слово *тюрк* исторически восходит к корням *турун*, *төрә* (*түрә*), *төркүн* [Толстов С.П., 1938, 78].

По А.Н.Кононову, этимология слова *тюрк* восходит к сложному слову *тюр-кюн*: *төрә* ‘обычай, закон’, *кун* ‘женщи-

на'. Последнее имеет тотемическое объяснение. Именно поэтому *тюр-кюн* > *тюрк* выражает значение 'сила, мощь' [Кононов А.Н., 1949, 44, 46—47].

Этноним *тюрк* этимологизируется Д.Айтмуратовым: 1) как носители на голове заплетенных волос и 2) как 'плеть, кнут', т.е. *түрре*, что должно, по его мнению, означать 'казнь'. Учитывая особенность наличия у тюрков заплетенных волос на голове, Д.Айтмуратов и другие этнонимы — *каракалпак*, *черкес*, *башкорт*, *кыргыз*, *уйгур*, *печенег*, *сак*, *ногай*, *массагет*, *скиф* — объясняет так же, как и *тюрк* 'с заплетенными волосами' или 'с черными волосами' [Айтмуратов Д., 1986, 125—159].

Мы в свое время слову *тюрк* попытались дать следующие две этимологии: *түр-эк* 'сидящий на почетном месте' и *төр-ек*, образованный от корня *төрү* 'завернуть, обернуть' [Закиев М.З., 1977, 61—63]. Но в ходе системного изучения этимологии многих тюркских этнонимов, мы позже пришли к выводу, что слово *тюрк* состоит из определения и определяемого. Определяемая часть состоит из слова *эрк*, восходящего к *эркек* 'самец' или к композиту *ир-ок* > *эрк*, а определение — из корня *ту* 'гора' или 'лесистая гора'. То, что в тюркских этнонимах в качестве определения применяется слово *ту*, подтверждается наличием этнонима *ту киши*, китайское произношение: *туциши*. Имеется еще этноним *ту-кюе* [Бичурин Н.Я., 1953, т. III, 130]. *Ту-эрк* > *түрк* в целом означает 'горные люди', или 'люди лесистых гор'.

В рунических надписях отмечено значение *тюрк* как 'сильное, мощное'. Выражение *тюрк Билге Каган* переводится как 'сильный, мощный Билге Каган'. В уйгурских источниках слово *тюрк* встречается с определением *эрк* в виде *эрк тюрк* и выражает семантику 'сильные, мощные тюрки' [Серткая О.Ф., 1995, 2, 3]. Такое сочетание еще раз доказывает, что корень *эрк* восходит к слову *эркек* и обозначает 'мужчины, джигиты'. В составе сочетания *эрк тюрк* слово *эрк* повторяется дважды: и определение, и корень слова *тюрк* состоят из этого слова.

Значение 'сильный, мощный' слова *тюрк* зафиксировано и в «Дивану лугат-ит-тюрк» М.Кашгарлы: *түрк үзүм иди* 'изюм был спелым, созревшим', *түрк кояш иди* 'солнце было сильным' [Серткая О.Ф., 1995, 3].

Таким образом, слово *тюрк*, применяясь в значении ‘горные джигиты’, ‘гора-мужчина’, ‘сильные джигиты’, ‘мощные мужчины’, постепенно стало применяться как этноним. Он относится к разряду названия *ар/эр*. Поэтому при определении арийских этнических корней тюрков в широком смысле этого слова оставлять в стороне собственно тюрков мы не можем.

Что касается попытки Д.Е.Еремеева доказать иранское происхождение этнонима *тюрк* [Еремеев Д.Е., 1990, 129—135], то надо прямо сказать, что этому автору неизвестна система образования тюркских этнонимов.

§ 55. Татарские этнические корни тюрков. Этноним *татар* применялся еще до активизации этнонима *тюрк*, поэтому его надо рассмотреть как название так называемых до-тюркских племен. Древнейшие татары также вошли в состав тюрков в широком смысле этого слова.

Поскольку этноним *татар* получил распространение в связи с монгольскими завоеваниями, постольку многие ученые пытаются объяснить его этимологию при помощи монгольского языка. Но до сих пор монгольской этимологии этого слова нет. Некоторые отмечают, что этноним *татар* китайского происхождения, ибо впервые встречается в китайских источниках в виде *та-та* (*да-да* или *та-дце*). В китайском *да-да* применяется в значении ‘грязный’, ‘дикий’. Но более объективные исследования показали, что китайцы сначала восприняли у своих соседей их этноним *татар* (*та-та*), затем вложили в его семантику ‘грязный’, ‘дикий’. По их мнению, чистотой отличаются лишь китайцы, другие ‘грязные, дикие’. Д.Е.Еремеев полагает, что слово *тат* означает ‘иранец’, что иранцы позже начали применять этноним *татар* в значении ‘чужеземец’ [Еремеев Д.Е., 1970, 134].

Большинство этимологических объяснений этнонима *татар* построено по тюркской структуре. По мнению известного Хивинского хана и историка Абуль-Гази, слово *татар* сначала применялось как антропоним, позже как этноним [Абуль-Гази, 1906, 10]. В якутском языке слово *татар* применялось в значении ‘идол’. Отсюда Н.М.Карамзин и другие считают, что это якутское слово позже начало применяться как этноним [Сбоев В.А., 1856, 12; Сухарев А.А., 1904, 22]. Плано Карпини, который в XIII в. путешествовал из Италии в Монголию, оставил свои записи о том, что часть монголов,

живущая на берегу реки *Татар*, начала себя называть *тата-рами* [Джиованна, 1957, 37].

Что касается происхождения слова *татар*, то и по этому поводу высказано несколько мнений. Так, И.Н.Березин полагает, что слово *татар* происходит от слова *тартыр* 'тот, который тянет' [Рашид-ад-дин, 1888. Во «Введении» И.Н.Березина]. Н.А.Баскаков исходным словом этнонима *татар* считает старотурецкое *tatar* 'гонимец, посланец' и монгольско-калмыцкое *tatr* 'заика', чувашское *тудар* 'заика' [Баскаков Н.А., 1973а, 148—149]. Л.З.Будагов еще в XIX в. писал обратное, что значение 'курьер, скороход' в слове *татар* происходит от этнонима: «при дворах Турции и в особенности Персии, татары славились знанием разных стран и потому служили в должности курьеров, скороходов» [Будагов Л.З., 1869, 329]. А.А.Сухарев слово *татар* выводит от сочетания *тау+тар*, где *тар*, по его мнению, восходит к глаголу *торыр* 'жить' [Сухарев А.А., 1904, 22].

По моему мнению, слово *татар* образовалось как этноним по тюркской модели этнонимообразования: *тат-ар*, *хаз-ар*, *болг-ар*, *су-ар*, *ау-ар*, *саб-ир*, *сары-ир*, *канг-ар*, *акац-ир* и т.д. Этноним *татар* состоит из определяемого *ар* 'мужчины, люди' и определения *тат* 'чужой или приятный': *йат>дат>тат*. *Татар* — 'чужие люди, приятные люди'.

Сейчас рассмотрим, в каких значениях применялось слово *татар*.

По сообщению китайских источников, становится известно, что татары были северными соседями китайцев, еще в период Ханьской империи (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) они беспокоили северные границы Китая. Этнонимом *татар* обозначались и тюркские, и монгольские, и маньчжурские племена. По старой традиции, даже в XIII в. китайский историк Мынгун называл тюрков *белыми татарами*, монголов — *черными татарами*, маньчжуров — *водными татарами* [Катанов Н.Ф., 1894, 188]. Восточные историки сообщают, что среди тех тюрков, которые оказались в подчинении монголам, татар было больше [Рашид-ад-дин, 1888, 9; Абул-Гази, 1906, 31]. Махмут Кашгарлы расположение тюрков от Греции до Китая описывает в следующей последовательности: *печенег*, *кыфчак*, *огуз*, *йемек*, *башгырт*, *басмыл*, *кай*, *ябаку*, *татар*, *кыргыз* [Кашгарлы М., 1992, т. I, 28].

Тюркоязычные татары еще задолго до монгольских завоеваний жили, по-видимому, и в Европе. Никоновская летопись сообщает, что в 990 году в Болгарию приехал грек-миссионер и оставил запись о наличии среди народа таких злых имен как *бесермен*, *татар* [Шпилевский С.М., 1877, 110].

В период монгольских завоеваний этноним *татар* получает невиданное распространение. Каламбур французского короля Людовика IX, назвавшего татар «выходцами из Тартара (ада)» стал причиной того, что в Европе этноним *татар* начинает применяться как *тартар*, естественно, с соответствующим отношением к его носителям, как выходцам из ада [Матузова В.И., 1979, 286]. Так, в Европе в начале XVI в. тартарами (татарами) назывались все народы, попавшие под власть Чингизидов [Казаков Н.А., 1979, 253]. В России татарами сначала называются все восточные народы, кроме русских (и название Татарского пролива осталось с этого периода), позже этнонимом *татар* обозначают только тюрков-мусульман. В.Н.Татищев по этому поводу заявляет, что по объему значения этноним *татар* заменяет общий этноним *скиф*.

Этноним *татар* применялся в качестве самоназвания, по-видимому, у тюрков, являвшихся соседями китайцев. Позже он уже никогда не встречается как самоназвание определенного народа. В конце XIX в. он начинает обозначать только крымских тавров и болгаро-татар, а в начале XX в. становится у них самоназванием.

Необходимо сказать, что все тюркоязычные племена, обозначенные этнонимом *ар/ур*, являются арийскими этническими корнями тюрков.

§ 56. Хуннские этнические корни тюрков. Хунны не относятся к арским (арийским) племенам. Название *хунн* или *гунн* по-тюркски произносится как *хун*, где звук [h] применен вместо звука [c]. Это — обычное тюркское чередование [c—h]. Основным вариантом считается *сюн/сөн*, а *хюн/һөн* — это его диалектное произношение, но самое распространенное.

То, что хунны являются предками тюрков, в тюркологии не вызывает сомнений. Поэтому о хуннских этнических корнях тюрков можно было бы здесь не говорить. Но с хуннами связаны многие этносы, которые в официальной исторической науке признаны индоиранцами. Для того чтобы пересмотреть эти концепции, т.е. доказать тюркоязычность некоторых сосе-

Китайские изображения гуннов:
 а — XIV века; б — XVII века

[Руденко С.И., 1962, 39]

дей хуннов, нам приходится ссылаться на хуннский этногенез. Поэтому мы решили напомнить читателям об основных особенностях хуннов и об их ареалах.

До распространения слова *тюрк* в качестве общего этнонима слово *хунну* (*сюн*) широко применялось как общий этноним предков многих тюрков.

В русской исторической науке этнонимы *хунны* и *гунны* различаются по семантике, а в самих тюркских источниках такого различия нет: применяется *хун* (*сюн* или в другом произношении *сөн*). Во вторичных сложных этнонимах слово *сюн* принимает различные диалектные формы: *сан*, *сун*, *зан*, *шан*, *джан* и т.д.

В индийских и китайских источниках этноним *хун* в виде *уну* зафиксирован во II тысячелетии до н.э., позже он встречается в Евразии, даже на Западе вплоть до границ Северной Италии [Ельницкий Л.А., 1977, 4].

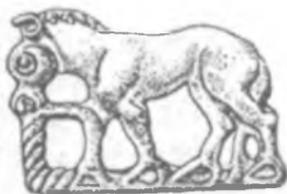
Турецкий ученый Bahaeddin Ögel, который в 1981 году выпустил двухтомный труд о Великой Хуннской империи, основываясь на анализе китайских источников, пишет, что хунны (*hun*) в 1500 годах до н.э. тесно общались с китайцами, и среди них были охотники, скотоводы, земледельцы (выраши-

а

б

в

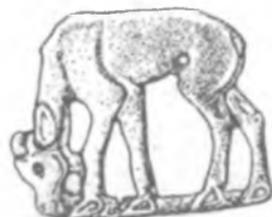
г

д

е

ж

з

и

«Звериный стиль» хуннов
[Руденко С.И., 1962, 74]

вали пшеницу и просо), но особенно они славились коневодством [Огел, 1981, 11].

По-видимому, хунны (уну) еще во II тысячелетии до н.э. имели государственное образование, иначе их индийские и китайские источники просто не зафиксировали бы. Но этот древнейший период не изучен (см. китайские изображения гуннов и звериный стиль их искусства).

В исторической науке отмечено, что хунны свою первую империю создали в VIII—VII вв. до н.э. Империя простиралась на пространстве от Кореи до Аральского озера, от Сибирских степей, Тянь-Шаньских гор до Тибетских пастбищ и до Северного Китая. В начале нашей эры в районе реки Орхон, на Таласе-Алтае, в Западном Туркестане образуется Северное хуннское государство, а в Северо-Западном Китае — Южное хуннское государство, которые функционировали до II—III в. н.э. [Сефероглу, Мударрисоглу, 1986, 25—26].

В I в. н.э. внутренние процессы раскололи державу хуннов. Часть их подчинилась Китаю, другая часть отступила с боями на Запад, где, смешавшись с уграми и сарматами, превратилась в гуннов [Гумилев Л.Н., 1974, 5]. Такое мнение, естественно, вызывает возражение, ибо хунны, как этнос не исчезли, как думает Л.Н.Гумилев, они продолжали жить, но под другими этнонимами. Не превращались хунны в гуннов, т.е. в другой народ, и на Западе; под разными русскими названиями *хунны* и *гунны* жили одни и те же народы, называемые самими тюркоязычными народами этнонимом *хун* (*сюн*).

Сейчас обратим внимание читателей на *хунов* (*сюнов*) Европы, которые в русской исторической науке называются *гуннами*. По обобщающим данным Л.Н.Гумилева, в 70-х годах IV в. гунны начинают массовое передвижение, давшее толчок так называемому великому переселению народов. Покорив аланов Северного Кавказа, гунны во главе с Баламбером перешли Дон, разгромили (375 г.) готов в Северном Причерноморье, заставили вестготов отступить во Фракию.

В 394—395 гг. гунны, пройдя через Кавказ, опустошили Сирию и Каппадокию, затем приехали в Паннонию и оттуда совершали набеги на Восточную Римскую империю.

Наибольшего территориального расширения и мощи гуннский союз племен достиг при Атиле (правил в 434—453 гг.). В 451 году гунны вторглись в Северную Италию и Галлию, но

на Каталаунских полях были разбиты римлянами, вестготами и франками. После смерти Аттилы (в 453 г.) союз гуннов распался.

Такова краткая легендарная история гуннов, она вызывает массу недоразумений.

Если бы гунны были только кочевниками и появились в Европе лишь в 70-х годах IV столетия, им вряд ли удалось сделать такие стремительные, молниеносные набеги на Восточную Европу, Западную Европу, Сирию, Анатолию (Каппадокию), довести Римскую империю до края гибели. Реальная история только для гуннов так сверхудачно не может складываться.

На самом деле тюркские племена под разными этнонимами распространились по Европе еще задолго до н.э. В разное время некоторым из них удавалось занять господствующее положение, создавать свое государство и войти в историю под своим этнонимом. Еще среди скифов, большинство которых было тюркоязычным (см. подробно следующую главу этой книги), были и племена, называемые *сюнами* (*хунами*), которые в начале н.э. дают о себе знать, о них начали говорить и греческие писатели-историки, но ни один из них не писал, что гунны пришли в Европу из Азии, наоборот, о них упоминают как об аборигенах.

Греческий историк Дионисий, который жил и творил в конце I и начале II в. н.э., пишет, что на северо-западе Каспийского моря живут: «первые — *скифы*, которые населяют побережье возле Кронийского моря по устью Каспийского моря, потом — *унны*, а за ними — *каспийцы*, за этими — воинственные *албанцы* и *кадусии*, живущие в гористой стране» [Латышев В.В., 1893, I, 186]. Как видно из приведенной цитаты, тюркские племена, которых зафиксировал Дионисий в начале н.э., были широко распространены в Европе еще до н.э. Из перечисленных им племен все были тюркоязычными: скифы — в основном тюркоязычны, *каспи* — это также тюрки, этноним которых состоит из элементов *кас* 'скала', *пи* (*бей*, *бай*) — первоначальный тюркский этноним, *алан* < *алуан* < *албан* — этноним тюркских племен, *кадус* — тюркский этноним, состоящий из первоначального этнонима *ус* (вариант этнонима *ас*), определением его выступает *кад* < *кас* 'скала', *кадус* 'асы у скалистых гор'.

Возьмем другого греческого историка II в. н.э. — Итолема. Он пишет, что в европейской Сарматии ниже акадиров (агафирсов) между вастернами и роксолонами живут хуны [Латышев В.В., 1893, I, 232].

В IV в. н.э. именно тогда, когда тюрки якобы переселялись из Азии в Европу, греческий историк Филосторгий пишет о гуннах, но ни единым словом не упоминает о том, что гунны пришли в Европу из Азии: эти унны, по-видимому, есть древние невры; они жили на Рипейских горах, где течет река Танаид [Латышев В.В., 1893, I, 741].

Во второй половине V в. н.э. Зосим считал гуннов царскими скифами [Латышев В.В., 1893, I, 800], а тюркоязычность скифов не вызывает сомнений [Каралькин П.И., 1978, 39—40].

Таким образом, гунны, размещенные и в Европе до н.э., лишь в начале нашей эры дают о себе знать, а в V в. приходят к власти, под руководством Аттилы сплачивают народы Восточной Европы против Римской империи и добиваются ее падения.

В общей исторической науке нет единого мнения о языковой принадлежности *хунов*. Существуют некоторые доказательства и о тюркоязычности, и о финноязычности, и о монголоязычности, и о маньчжуроязычности *хунов* [Кафесоглу И., 1992, 115].

В последние годы ученые пришли к выводу о том, что хуннскую и гуннскую империи создали тюркоязычные *хуны*, но поскольку в составе империй жили и монголы, и маньчжуры, и некоторые финно-угорские племена, естественно, и другие тюрки, носившие другие этнонимы, постольку все они впоследствии получили общий этноним *хун (сюн)* [Сер-Оджав Н., 1971, 15; Сухбаатар Г., 1976, 123].

Тюркоязычность *хунов* подтверждается еще тем, что этноним *хун* на древнетюркском языке имел семантику 'человек' [Кафесоглу И., 1992, 112], что китайцы народ *тю-кю (тюрк)* считали потомками *хунов* [Бичурин Н.Я., 1950; Аристов Н.А., 1896, 290].

Некоторые тюркологи склонны признать, что *хуны* говорили на особом тюркском языке типа чувашского. Но это мнение не выдерживает никакой критики. Если бы *хуны*, распространенные на огромной территории от Байкала до Балканского полуострова, говорили на чувашеподобном тюркском

языке, то потомки хуннов, т.е. все тюрки, также говорили бы на чувашеподобном языке. Хуны говорили на обычном тюркском языке кыпчако-огузского типа.

Это доказывается, во-первых, одной хунской фразой, которая сохранилась в источниках. В IV в. южные хуны покоряют Северный Китай, хунские предводители считают себя императорами Китая. Один из них Ши Лэ, собираясь в 328 году в поход, просит буддийского монаха предсказать результат похода. Монах произносит: *сючжу тиляйган, пугу тоутадан*. Ученые не сомневаются, что это — тюркская фраза, но расшифровать не могут, хотя там же дается ее китайский перевод в смысле «войско выйдет, пугу (имя или звание противника) будет взят» [Аристов Н.А., 1896, 292—293]. Тюркологи предполагали множество вариантов тюркских фраз, но на них мы останавливаться не будем, прочтем ее без изменений, т.е. так, как она передана в источнике. Первое слово — *сючжу*, оно есть тюркское *суче* ‘предводитель войска, командир’; второе слово — *телэгэн* ‘если захочет’; третье слово — *пугу* — этноним враждебного племени (даже в XIX в. у черных кыргызов был род бугу > пугу); четвертое слово — *тоутадан*, т.е. *татыган* ‘испытал’, оно рифмовано со словом *тиляган* ‘захотел’. Здесь аффикс *-ган* произносится как *-дан*, это — обычное явление для тюркских языков. Если всю фразу еще раз произнесем с некоторыми незначительными изменениями, то получим: *сүче телэгэн, пугу татыган* ‘если предводитель войска захочет, то противник *пугу* будет испытывать (поражение)’. Эта семантика полностью совпадает с китайским переводом в источнике.

Во-вторых, обычно тюркоязычность хуннов подтверждается отдельными словами, зафиксированными в источниках. Имя предводителя гуннов *Баламбер* — тюркского происхождения от слова *балам* ‘мое дитя’, вторая часть *бир* ‘дай, подари’ или *бер* ‘единственный’. В нем все согласные звонкие; если бы гуннский язык был типа чувашского, то там должны были фигурировать глухие согласные. Имя *Аттила* (возможно *Атты+илле*) состоит из частей *атты* (*атлы*) ‘заслуженный’, или ‘с конем’, *илле* ‘имеющий страну’. У тюрков великие личности переименовывались, и вторичное имя по семантике должно было отражать его общественное положение.

В тюркской истории встречается имя *Атсыз* и *Атты* (*Атлы*) [Абуль-Гази, 1906, 10]. По-видимому, в древние вре-

мена имя *Атлы* (*Атты*) означало 'имеющий коня', 'с конем', затем эта семантика расширилась, и *атлы* стало применяться в значении 'заслуженный'.

В имени сына *Аттиллы Эллаке* аффикс *-лы (-ты)* применен в древней полной форме как *-лык (-лак)*, корень его — *ил (елл)* 'страна'.

Второй сын *Аттыилле (Аттилы) Динцик* или *Денгицих*. Это имя этимологизируется по-разному: *тиң цык* 'будь достойным', *тансык* 'долгожданный', *Денгицих* 'переплыви моря' и т.д.

Имя любимой жены *Аттилы* — *Керкэ*. Н.И.Ашмарин выводит его от чувашского *Хэрккэ* — языческое имя [Ашмарин Н.И., 1902, 56]. Тюрки любимых симпатичных девушек называли *Керкэ* 'пескарь'.

Таким образом, *хуны (сюны)* — в русской истории *хунны* и *гунны* были обычными тюркоязычными народами и составляли один из крепких этнических корней тюрков — действовали на огромном тюркском ареале от границ Китая до Карпат.

§ 57. Этнические корни тюрков в хуннских племенах *сянби, усунь, табгач, жужан и эфталит*. Эти племена или народы непосредственно связаны с хуннами (сюнами), они составляли часть хуннов, у некоторых из них этнонимы исторически восходят к слову *хун (сюн)*.

Сянбийцы, как жители Средней Азии в IV—III вв. до н.э., вошли в различные исторические источники как непосредственные соседи и соратники хунов. Совместно с хунами они несколько раз покоряли Китай, имели свое государственное образование [Гумилев Л.Н., 1967, 9]. В III в. до н.э. в период некоторого упадка хуннского общества, сянбийцы получают возможность стремительного развития. Но в III в. н.э. их государство приходит в упадок. На его развалинах появляются среди сянбийцев *табгачи* и *кидане*, которых китайцы называли *тоба*. По мнению Л.Н.Гумилева, позже сянбийцы живут среди тюрков и уйгуров под названием *кидань*. В X в. основной состав сянбийцев ассимилируется среди китайцев [Гумилев Л.Н., 1993, 197].

Об этнической принадлежности сянбийцев нет единого мнения, их относят и к монголам, и к маньчжурам, и к тюркам. Но доказательств их тюркоязычности больше. Во-первых, табгачей, отпочкованных от сянбийцев, относят к тюр-

кам; во-вторых, этноним *сянби* этимологизируется на основе тюркского языка. *Сянби* состоит из двух первичных тюркских этнонимов *сян*<*сюн* и *би*<*бей*; это народ би, но перемешанный с *сюнами* (*хунами*), или *бии*, имеющие тесные отношения с *сюнами* (*хунами*).

Усунь — название племени или народа, которое состоит из двух первичных тюркских этнонимов: *ас-сюн*>*ас-сунь*>*ус-сунь*>*усунь*.

Во II в. до н.э. к усуням Средней Азии приезжает китайский дипломат с задачей восстановить усуней против хунов. Усуни легко поддаются подстрекательству и в течение почти 100 лет враждуют с хунами. В результате они в I в. до н.э. распадаются на две группы: сторонников китайцев и сторонников хунов. Вскоре хунам удается покорить усуней, территория которых переходит в руки сянбийцев, образованных от хунов [Бартольд В.В., 1963, т. II, ч. I, 25—30].

По этнической принадлежности усуней существуют различные точки зрения. Европоцентристская историческая наука относит их к арийцам, в частности к индоиранцам, а В.В.Радлов и Н.А.Аристов усуней считают тюркоязычными [Бартольд В.В., 1963, т. II, ч. I, 26]. По этимологии этнонима, они — тюрки.

Племена под названием *табгач* в исторической литературе признаны полутюрками и полукитайцами. Махмут Кашгарлы *ташгачей/таугачей* считает одной из ветвей тюрков [Кашгарлы М., т. IV, 853]. И этимология этнонима *табгач* также показывает на их тюркоязычность. В древнетюркском языке *тапагъ* (*тапыгъ* или *тапугъ*) — это 'служба, служение, услужливость', *ач* от древнетюркского этнонима *ас*; *табгач* — это 'служивые асы'. Тюркоязычность табгачей подтверждается еще и тем, что, по сообщению древних, они образовались от сянбийцев и сюнов.

Табгачи фиксируются в источниках еще до н.э., но им удастся создать самостоятельное государство в Центральной и Средней Азии лишь в IV в. н.э., где функционировало тюрко-китайское двуязычие. Поэтому китайцам работать среди них было легко, и они в VI в. довели это государство до гибели.

По мнению Л.Н.Гумилева, этнонимом *жужан* называлось объединение обиженных частей различных этносов [Гуми-

лев Л.Н., 1967, 11—12]. Но это мнение, по-видимому, зародилось в то время, когда в этнических процессах на первый план ставили классовые признаки племен.

Жужане считались одной из ветвей хунов, говорили на сяньбийском языке, но всегда стремились захватить власть, привлекая к этой борьбе и другие племена [Гумилев Л.Н., 1967, 12]. Как часть хунов и сяньбийцев, жужане в начале V в. н.э. в Западной Маньчжурии, в Монголии и Туркестане создали сильное государство или союз племен. В VI в. основная часть жужан принимает этноним *тюрк*, но этноним *жужан* встречается еще в IX в. на берегах Дуная. Л.Н.Гумилев считает жужан и сяньбийцев монголоязычными [Гумилев Л.Н., 1967, 12].

По нашему мнению, жужане были с самого начала тюркоязычными. Другое дело, в составе их государства были и монголы и маньчжуры. Тюркоязычность жужан в какой-то степени доказывается и тюркской этимологией этого этнонима: *жужан* < *су-сан* < *су сюн*, т.е. они были 'водными хунами'.

Мировая историческая наука **эфталитов** по-другому называет белыми хуннами (хунами). В IV—VI вв. н.э. в Средней Азии, Афганистане, Северо-Западной Индии, Восточном Туркестане они имели свое государство.

В Индии часть эфталитов ассимилируется среди местного народа [Неру Дж., 1975, 172, 173], другая часть сохраняет свою тюркоязычность.

В русской и западноевропейской исторической науке эфталитов, несмотря на то, что они белые хуны, считают ираноязычными.

Тюркологи относят эфталитов к тюркоязычным народам, но некоторые при этом добавляют, что когда-то ираноязычные эфталиты приняли тюркский язык. По нашему мнению, эфталиты, как и хорасмии, кушаны, парды (парфяне), усунь, со-гды с самого начала были тюркоязычными. Тюркоязычность эфталитов (по-тюркски: *абдал*, *абдаллы*, *хантал*) признана в турецкой и венгерской тюркологии [Сефероглу, Мударрисоглу, 1986, 29; Расонье Л., 1993, 73].

Таким образом, этнические корни тюрков мы обнаруживаем и в хуннах, и в тесно связанных с ними других племенах и народах.

рона'; 3) по мнению Б.Мункачи, *остяк* означает 'обский угор'; 4) В.Штайнец предполагал, что *остяк* происходит от слова *вотяк*; 5) Р.Г.Кузеев слово *иштэк* идентифицирует с именем хана и т.д. Из приведенных мнений А.Рона-Таш делает вывод, что иштяки на башкирских землях не были аборигенами, они пришли со стороны и представляли, по-видимому, предков мадьяр [Рона-Таш А., 1987, 49—58]. Как мы здесь наблюдаем, ученым, занимающимся проблемами этимологии *иштяк/остяк*, не хватает специальных тюркологических лингвистических знаний.

На этнониме *ас* основан еще другой этноним *суас* 'водные асы'.

Своих соседей — предков татар марийцы испокон веков называли *суасами*, и в настоящее время часть марийцев называет татар *суасами/сюасами*. Некоторые пытаются объяснить это тем, что марийцы якобы немного перепутали булгаро-татар с чувашами/сюасами. Такое предположение не выдерживает критики, ибо те же марийцы, не путая чувашей с татарами, татар называют этнонимом *суас*, а чувашей — этнонимом *суасламари*.

При первой переписи, проведенной после взятия Казани русскими, заказанское население записывалось *суасами*.

Некоторые историки, так называемые татаро-татаристы, не различающие *суасов* и чувашей, пытаются утверждать, что якобы даже после падения Казани возле нее жили чувашаи, которых затем якобы ассимилировали пришлые татары.

Здесь необходимо заметить, что этноним *чуваши* также происходит от этнонима *суас*. Предки чувашей назывались этнонимом *веда*, который исторически восходит к угро-финскому *веда* 'вода'. Историческая обстановка сложилась так, что веды очень тесно общались с *суасами* (предками казанских татар), приняли от них тюркский язык и этноним *суас*, превратившийся затем в слово *чуваши*.

Первоначально финно-угрозязычный народ *веда*, став под влиянием *суасов* тюркоязычным, формировался как особый чувашский народ. Но, оказавшись на территории носителей среднего диалекта, его мусульманская часть приняла булгаро-татарский язык.

Буртасы также были одними из компонентов носителей среднего диалекта, после того, когда они переселились на пра-

вую сторону Волги, возможно и приняли особенности западного диалекта.

В исторической науке буртасов относят и к ираноязычным, и к венгроязычным племенам. Поэтому А.Х.Халиков называет буртасов не просто буртасами, а систематически — *обулгаризованными буртасами*.

Но многие ученые, основываясь на неопровержимых фактах, доказали, что буртасы с самого начала были тюркоязычными [Заходер Б.Н., 1962, 234; Попов А.И., 1973, 116—120; Закиев М.З., 1990, 21—29].

Этноним *буртас* означает особые асов, отличающихся от других тем, что они занимались бортничеством. Определяющей частью этнонима *буртас* выступает ностратическое слово *бор/бура/борть/мур/мурт* в значении 'дуплистое дерево' [Иллич-Свитыч В.М., 1971, 186—187]. В болгаро-татарском языке применяется слово *мурт* в значении 'прогнившее дерево', 'трухлявое дерево'. Трухлявость является первопричиной появления дуплистого дерева, откуда люди научились добывать мед диких пчел. И татарское *умарта* 'улей', в мишарском диалекте *мурта* также восходит к общеностратическому *борть/мурт*. Таким образом, тюркский этноним *буртас* > *бурта-ас* означает асов, занимающихся бортничеством. По сообщению арабских путешественников, у буртасов мед считается самым ценным продуктом, даже вино они делали не из винограда, а из меда [Заходер Б.Н., 1962, 245].

По сообщению Истахри, «язык болгар походит на язык хазар, у буртасов — другой язык, равно как язык русов — не язык хазар и буртасов» [Заходер Б.Н., 1962, 238—239]. Отсюда можно заключить, что язык буртасов тогда еще отличался особенностями среднего диалекта, а языки болгар и хазаров — особенностями западного диалекта.

Таким образом, этническими корнями носителей среднего диалекта были и буртасы, которые после переселения на правую сторону Волги возможно и приняли особенности западного диалекта.

§ 81. Бардымские/биарские этнические корни татар — носителей среднего диалекта. В 47 параграфе этой книги мы уже дали основные сведения о среднеазиатских пардах. Этноним *парды/парт* исторически восходит к слову *пар/бар* 'есть, имеется', принявшему аффикс обладания *-лы/-ды/-ты*

мийцы, суары/һуары, сюны/хунны, предки пардов/парфян, кусан/касан имели тесные контакты с соответствующими племенами Урало-Поволжья — носителями этнических корней среднего диалекта татарского языка.

Катакомбная культура II тыс. до н.э. распространена в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье. Племена этой культуры занимались скотоводством и земледелием, знали металлургию меди и бронзы. По-видимому, эти племена были тесно связаны с племенами срубной культуры, т.е. с тюрками.

Особо надо сказать о скифском царском кургане IV в. до н.э. Чертомлык в 22 км. к северо-западу от города Никополя Днепропетровской области Украины. Здесь обнаружены золотые украшения, посуда и оружие, среди которых — шедевры прикладного искусства: серебряная амфора с рельефными изображениями скифов, укрощающих коней, золотая обкладка ножен меча со сценой битвы скифов и амазонок и др. [БСЭ, III изд., т. 29,115]. Надо полагать, эти скифы были предками оногуров-фоногуров, болгар, хазаров, аваров, акациров, части которых выступали и этническими корнями носителей западного диалекта татарского языка.

Таким образом, этнические корни современного татарского народа еще с III—II тыс. до н.э. жили в пределах Западной Сибири, Казахстана, Средней и Передней Азии, Балкана, Дуная, Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Мещерской Низменности и, естественно, Урало-Поволжья.

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР — ГЛАВНОГО ЭТНИЧЕСКОГО КОРНЯ ТАТАР

§ 95. Общие сведения. В предыдущих разделах мы постарались определить этнические корни татар по диалектам. Из всех этих вышеописанных этнических корней татар в период Волжско-Булгарского государства сначала образовался бугарский народ, который стал непосредственным предшественником современного татарского народа. Следовательно, самым мощным, близким к стволу родословного дерева татар корнем являются болгары. Поэтому мы не вправе оставить в стороне созданные учеными разных поколений противоречия, тенден-

циозные путаницы и неразберихи, которыми характеризуются сейчас взгляды различных историков на лингвоэтнические особенности болгар.

Этноним *булгар* — это русский вариант татарского слова *болгър*. В отличие от многозначного этнонима *болгары* (болгары Великой Болгарии Кубрата, дунайские болгары, кавказские болгары/балкары и т.д.) этноним *булгар* применяется в двух значениях: 1) в узком значении им называют болгарские племена, взявшие в конце VIII в. власть у биляров-биаров вместе с их столицей Биляр и создавшие Булгарское государство; 2) в широком значении этноним *булгар* означает население Булгарского государства в целом со включением в это понятие предков носителей всех трех диалектов.

В данном разделе речь пойдет о булгарах в широком смысле этого слова, т.е. о тюркоязычном населении Булгарского государства в целом.

Как было уже сказано, в тюркологии до сих пор идет дискуссия об этнолингвистических особенностях волжских болгар, поэтому появилась необходимость специального рассмотрения этого вопроса. Часть русских и западноевропейских тюркологов, исходя из того, что современные татары и монголо-татары носят один и тот же этноним *татар*, современных татар продолжают считать непосредственными потомками монголо-татарских завоевателей, а потомками волжских болгар признают чувашей. Эту болгаро-чувашскую концепцию (теорию) путем ссылки на различные лингвистические доводы, поддерживают некоторые чувашеведы, а также татарские татаро-татаристы, пытаясь превратить ее в аксиому, не требующую доказательств.

Булгаро-татарскую концепцию, считающую волжских болгар предками современных татар, в свою очередь, поддерживают основные татарские языковеды и историки, доказывая ее адекватность не только лингвистическими, но и другими этногенетическими данными.

Поскольку вопрос продолжает оставаться дискуссионным, было решено вернуться к этой проблеме в данной книге и попробовать разобраться в сложностях болгаро-чувашской и булгаро-татарской концепций.

Необходимо иметь в виду, что болгаро-чувашская концепция зиждется в своей основе только на языковых данных. По

недоразумению, общепризнанным считается то, что волжские болгары говорили не на обычнотюркском языке, а на древне-чувашском. Поскольку язык является одним из основных показателей национальной принадлежности людей, постольку потомками болгар считаются чувашаи.

Из тенденциозного анализа языковых данных многие отечественные и зарубежные тюркологи, в том числе и Н.А.Баскаков, делают вывод, что чувашаи — это «одно из разветвлений древнего болгарского народа», сохранившего «до настоящего времени особенности этого языка, характеризующегося болгарскими чертами». В соответствии с таким выводом и при классификации тюркских языков чувашский причисляется к «болгарской группе языков», куда, по мнению Баскакова, «относятся древние языки — болгарский и хазарский — и современный чувашский язык» [Баскаков Н.А., 1969, 11, 231]. Такого же мнения придерживаются венгерский ученый А.Рона-Таш, турецкий лингвист Т.Текин и многие другие.

Однако в свете таких выводов невольно возникают недомысленные вопросы. Почему о болгарском происхождении чувашей свидетельствуют только лингвистические данные? Почему не свидетельствуют о том же данные антропологии, археологии или этнологии? Чем объяснить такое разительное противоречие между данными различных наук? Может быть и лингвистические данные не подтверждают адекватность болгаро-чувашской концепции?

Так, исходя в основном из лингвистических данных, болгаро-чувашская концепция была подвергнута нами обоснованной критике впервые в 1977 году [Закиев М.З., 1977]. На нашу критику очень сурово ответили некоторые чувашские языковеды, обвиняя автора в том, что он в достаточной степени не владеет чувашским языком и другими чувашскими материалами, поэтому якобы не принимает болгаро-чувашскую концепцию. Но были и чувашеведы, чувашаи по национальности, которые согласились с нашей критикой и даже предлагали написать совместный труд с критикой болгаро-чувашской концепции. Такой труд был создан и издан в 1993 году. Нашим соавтором выступил Яков Федорович Кузьмин-Юманати, чуваш по национальности, прекрасный знаток чувашского материала. Труд называется «Волжские болгары и их потомки»

(авторы: М.З.Закиев и Я.Ф.Кузьмин-Юманади.—Казань, 1993, 158 с.).

Данный вопрос стал предметом тщательного изучения и в других трудах М.Закиева: 1) «Проблемы языка и происхождения волжских татар».—Казань, 1996.—С. 62—108; 2) «Төркітатар этногенезы» (Этногенез тюрко-татар).—Казань-Москва, 1998.—С. 322—396; 3) «Происхождение тюрков и татар».—Москва, 2003.—С. 302—357.

В этих трудах и в трудах других сторонников болгаро-татарской концепции ясно показана несостоятельность болгаро-чувашской концепции, т.е. теории о том, что чувашаи якобы являются непосредственными потомками болгар, т.е. населения Волжско-Булгарского государства.

§ 96. Из истории изучения волжских болгар. Если окинуть общим взглядом историю изучения волжских болгар, то можно придти к выводу, что в Поволжье в давние времена существовало весьма крупное государство болгар с трудолюбивым населением и весьма развитой средневековой культурой. Затем государство это перестало существовать, и население его как бы исчезло с лица земли — забылось и затерялось где-то среди других народов. Если учесть, что в истории народы не исчезают, а исчезают лишь их племенные названия и государственные образования, то следует полагать, что болгарский народ также не исчез с лица земли, что потомки его и сейчас живут и трудятся среди нас в общей семье народов. Но кем же они стали теперь? Какая народность является ныне наследницей болгар? На эти вопросы наука до сих пор не дала окончательных ответов, существуют различные точки зрения, противоречащие одна другой.

Например, русские историки Ю.Венелин (1829), Д.Иловайский (1881) и В.Флоринский (1894) утверждали, что болгары были славянами и, следовательно, наследниками болгар следует считать нынешнее русское население. Д.Иловайский аргументировал это мнение тем, что дунайские болгары являются славянами, следовательно, и родственные с ними волжские болгары должны были быть славянами [Иловайский Д.И., 1881]. Известный европейский востоковед Тунманн считал болгар финно-уграми, родственными с мордвой, удмуртами и марийцами, а также и с предками нынешних венгров, так как в облике венгров он находил многие восточные черты, напомина-

ющие ему болгар [Тунманн, 1774]. Другой европейский востоковед Клапрот считал болгар помесью трех различных народов — славян, финнов и тюрков — и, соответственно, потомками их считал представителей различных народов, живущих ныне в поволжском регионе [Клапрот, 1826].

С.М.Шпилевский, И.Березин, Ш.Марджани, Г.Ахмеров и целый ряд позднейших их последователей считали и считают болгар предками нынешних татар.

А такие ученые, как Н.И.Ильминский, А.Куник, Н.И.Ашмарин, М.П.Петров, Н.Н.Поппе, Н.А.Баскаков, З.Гомбоц, Й.Бенцинг, К.Томсен и их последователи признавали и признают болгар предками нынешних чувашей.

Известные советские ученые М.Н.Тихомиров, П.Н.Третьяков, А.П.Смирнов и их последователи утверждают, что потомками болгар являются одновременно и татары, и чувашаи, что, де, прежние болгары впоследствии раскололись на две самостоятельные народности. Один из современных ученых Х.-М.И.Хаджилаев утверждает, что потомками болгар являются три тюркоязычные народности Поволжья, а именно: башкиры, татары и чувашаи [Хаджилаев Х.И., 1989].

Чтобы разобраться в этой разногласии мнений и выявить истину, Академия наук царской России, а затем и Академия наук СССР неоднократно предпринимали специальные исследования по данной проблеме, направляли в Поволжье многократные научные экспедиции, проводили специальные научные сессии, но вопрос так и остался нерешенным. На двух последних сессиях Отделения истории и философии АН СССР, проведенных, в частности, в 1946 году в Москве по проблеме этногенеза казанских татар и в 1950 году в Чебоксарах по вопросу этногенеза чувашей, была высказана рекомендация считать потомками болгар одновременно и татар, и чувашей. Но поскольку эти народы имеют тысячелетнее самостоятельное развитие и по своим этническим признакам не могут быть выведены от одного общего болгарского предка, то ни татарские, ни чувашские местные ученые не приняли эту рекомендацию и продолжают трактовать данный вопрос каждый по-своему. В частности, татарские историки утверждают, что болгары позднее превратились в казанских татар, а чувашские историки настаивают, что болгары превратились в чувашей. В татарских учебниках пишут, что татары произошли

от болгар, и в чувашских учебниках тоже пишут, что чувашки произошли от болгар. Татарскому населению внушают, что оно является наследником болгар, и чувашскому населению также внушают, что только оно является наследником болгар. И эти противоречия вызывают, к сожалению, не совсем здоровое соперничество между татарами и чувашами за обладание прошлым культурно-историческим наследием болгар.

Такое соперничество возникло не сегодня и не вчера, а существует сравнительно давно. В 1862 году в Казани был образован кружок татарской интеллигенции, считающей себя потомками болгар и ставящей своей целью возрождение прежнего названия своей национальности, так как этноним *татар* считали они чуждым, «прилипшим» к ним по недоразумению. Но местным реакционерам и чиновникам царского самодержавия эта идея почему-то не понравилась, и они решили воспрепятствовать ее реализации. В 1865 году профессор Казанской духовной академии Н.И.Ильминский опубликовал специальную статью, где, ссылаясь на материалы болгарской эпиграфики, утверждал, что потомками болгар следует считать вовсе не татар, а их соседей, чувашей [Ильминский Н.И., 1865, 80—84]. Но татарские ученые, в особенности Шигабутдин Марджани, проигнорировали это выступление Ильминского и продолжали по-прежнему утверждать, что потомками болгар являются именно татары [Марджани Ш., 1884]. Тогда против татарских болгаристов выступил царский цензор по печати Казанской губернии Н.И.Ашмарин, который в 1902 году опубликовал свой «научный» труд под названием «Болгары и чувашки», в котором отрицал связь татар с болгарскими и, базируясь на своих субъективных суждениях, «доказывал» происхождение от болгар чувашей. Но и эту публикацию татарские ученые проигнорировали: в 1909 году Гайнетдин Ахмеров опубликовал свой совершенно противоположного содержания труд «История Болгарии», где на конкретном материале доказал, что бывшие болгары и есть собственно казанские татары, но, учитывая существующую тогда политическую обстановку, выступать с критикой против Ашмарина и его сторонников не стал [Ахмеров Г., 1909].

Лишь после февральской революции 1917 года татарские болгаристы заговорили более смело и открыто. Уже летом 1917 года в Казани образовалась «партия избавления» болгар,

назвавшая свое движение «Совет Волгобулгармус» и ставившая своей целью избавление от гнета и национальное возрождение болгарской нации. Руководителем партии стал общеизвестный деятель С.Г.Вайсов. На проведенных в первые годы советской власти трех своих съездах эта партия разрабатывала свою национальную и политическую программу.

Но одновременно с деятельностью этой партии в Чувашской АССР развернули аналогичную деятельность и чувашские болгаристы. Они тоже ставили своей целью возрождение болгарской нации, но уже в лице чувашского народа. В Чебоксарах это движение возглавил тогдашний секретарь Чувашского обкома компартии М.П.Петров, который опубликовал свою книгу «О происхождении чуваш» (Чебоксары, 1925) и развернул организационную работу по сплочению своих сторонников. Неофициальным консультантом и вдохновителем чувашских болгаристов стал Ашмарин, специализировавшийся теперь по чувашскому языкознанию. Наиболее активные чувашские болгаристы ставили своей первой задачей переименование Чувашской Республики в «Булгарскую республику», дабы опередить в этом деле своих татарских соперников. К сожалению, и татарские, и чувашские болгаристы действовали тогда крайне замкнуто, не общались и не консультировались между собой, что помешало им развернуть творческую дискуссию и прийти к единому и взаимоприемлемому выводу. Этому помешала также наступившая тогда сталинская политическая реакция, которая выступала против свободы вообще. В 1930-х годах и татарские, и чувашские болгаристы были объявлены «буржуазными националистами», а их руководители и активисты были арестованы и расстреляны как «враги народа». С тех пор даже простое упоминание о них почти полвека находилось под строжайшим запретом.

В конце 80-х годов XX в. в связи с наступлением новой политической оттепели в стране как татарские, так и чувашские болгаристы снова активизировали свою деятельность. Татарские болгаристы организовали свою партию Булгарский Национальный конгресс с пропагандистским центром «Булгар ал-Джадид», которая преследует в основном те же цели, что и бывшая партия возрождения болгар, а именно: переименование татар в *булгары*, хотя против переименования выступают

и татарские татаро-татаристы, по существу отрицающие болгаро-татарскую теорию.

Активизировались и чувашские болгаристы, хотя еще не произвели формального объединения своих рядов. Чувашские болгаристы отрицают право своих татарских соперников именоваться булгарами, так как видят в них потомков только пришлых монголо-татар, узурпировавших местных болгаро-чувашей и захвативших их исконные земли.

По мнению сторонников болгаро-чувашской концепции, доказательств тому, что булгары говорили на чувашском языке, имеется очень много. **Во-первых**, чувашские слова и выражения сохранились в текстах болгарских эпитафий, написанных ими на каменных надгробных плитах. **Во-вторых**, чувашские слова ими «обнаружены» и в тексте рассказа о булгарах, написанного арабским путешественником Ибн-Фадланом, приехавшим в Булгарию в 922 году. **В-третьих**, множество чувашских слов находят в венгерском языке, куда они, как полагают сторонники болгаро-чувашской концепции, принесены венграми, жившими когда-то якобы в Поволжье. **В-четвертых**, чувашские слова найдены якобы в древнем именнике князей дунайских протоболгар, которые, как полагают, также говорили на чувашском языке. **В-пятых**, чувашские слова найдены также в рунических письменах северокавказских балкар, которые как родственники болгар также говорили якобы на старочувашском языке. И, наконец, **в-шестых**, чувашские слова и выражения сохранились в языках поволжских финно-угров — марийцев, мордвы, удмуртов и коми, — которые были заимствованы ими из языка бывших волжских болгар. Все эти доводы, взятые вместе, не оставляют, по их мнению, никаких сомнений в том, что булгары якобы действительно говорили на старочувашском языке и что их потомками следует признать именно чувашей.

Ниже все эти доводы рассматриваются каждый в отдельности путем анализа конкретных материалов.

§ 97. Неудачные попытки очувашивания языка болгарской эпитафии. Самым основным аргументом, свидетельствующим о якобы чувашеязычности волжских болгар в широком смысле этого слова, считается язык болгарских надгробных памятников, который подробно начали изучать со II половины XIX в. Подавляющее большинство слов эпитафии легко объяс-

няли через посредство татарского языка. Однако не поддавалось объяснению и расшифровке выражение, *حيات جور* *житы жур*. После долгих раздумий Г.Ю.Клапрот высказывает предположение, что в этом выражении буквы обозначают числа, и они якобы соответствуют 623 году хиджри, т.е. 1226 году христианского летосчисления. Эта дата близка ко времени нашего шествия монголо-татарских завоевателей, поэтому выражение переводилось как «год пришествия угнетения». С таким мнением согласился и И.Н.Березин [Смолин В.Ф., 1921, 29—30].

Однако в 1863 году лектор С.-Петербургского университета Хусаин Фейзханов выступает против такого объяснения и читает это выражение *житы жур*, объясняя *житы* как татарское *жите* 'семь', *жур* — как чувашское *сер* 'сто' [Фейзханов Х., 1863, 403—404]. Таким образом, Х.Фейзханов дал науке чувашский ключ к расшифровке болгарской эпитафики.

После нахождения в болгарской эпитафике чувашских слов Х.Фейзханов сам пришел к выводу о влиянии чувашского языка на язык эпитафий волжских болгар.

Ознакомившись с публикацией Х.Фейзханова, профессор Казанской духовной академии миссионер Н.И.Ильминский решил также принять участие в этом важном открытии. Не утруждая себя изучением самих надгробных памятников и их языка, он сразу же написал статью о своих суждениях и поспешил опубликовать ее в следующем же номере указанного издания [Ильминский Н.И., 1865, 80—84]. Смысл его статьи сводился к тому, что коль на болгарских памятниках обнаружены чувашские слова, значит, болгары говорили на чувашском языке. Хотя в публикации Фейзханова говорилось о расшифровании им трех надгробных эпитафий, из которых только две содержали чувашские слова, а третья была написана на обычном тюркском языке без чувашизмов, Ильминский повел речь лишь о чувашезычных памятниках, как будто других не существовало. Эта дезинформация ввела в заблуждение многих историков и лингвистов, которые, не имея возможности лично ознакомиться с исходными материалами эпитафики, поверили Ильминскому на слово и стали повторять его выводы. То, что Ильминский рьяно взялся за болгаро-чувашскую теорию, объясняется его служебным миссионерским стремлением показать чувашам, марийцам, удмуртам и другим, что татары — не коренные, а пришельцы, завоеватели края. Конечной целью

Н.И.Ильминского было то, чтобы эти народы быстрее отказались от исторической ориентации на мусульманство татар, беспрепятственно приняли христианство.

Основным разработчиком распространенной ныне болгаро-чувашской концепции вслед за Ильминским стал его преемник Н.И.Ашмарин, опубликовавший в 1902 году труд «Болгары и чувашаи» и посвятивший затем всю свою жизнь разработке чувашского языкознания применительно к высказываниям Ильминского. Если Ильминский выдвинул свои «выводы» лишь как догадку, то Ашмарин разработал целую концепцию, развивающую его идеи. Как и Ильминский, Ашмарин отлично знал, что существуют не только чувашеязычные, но и обычнотюркоязычные эпитафии, но упорно продолжал утверждать только о чувашеязычности болгарской эпиграфики. Поскольку это утверждение не согласуется с реальными данными эпиграфики, он всю жизнь лавировал и многократно менял, выправлял эту концепцию, стараясь уберечь ее от разоблачения. Сперва он утверждал, что болгарам принадлежали обычнотюркоязычные эпитафии, а чувашеязычные эпитафии были написаны их союзниками, суварями. Но когда убедился, что именно на обычнотюркоязычных памятниках встречаются тахаллусы «ас-Сувари», то стал утверждать о одновременности двух типов эпитафий, что те чувашеязычные памятники были написаны болгаро-суварями раньше, когда они еще говорили на чувашском языке, а обычнотюркоязычные написаны позже, когда болгары переняли обычнотюркский язык. Затем обнаружилось, что и такое объяснение невозможно, потому что датировки самих памятников показывают, что некоторые тюркоязычные эпитафии написаны даже раньше, чем чувашеязычные; тогда Ашмарин стал утверждать, что оба типа надгробий являются одновременными, но написаны они на разных языках: тюркоязычные написаны на разговорном языке болгар, а чувашеязычные — на литературном или «культовом» языке болгар [Ашмарин Н.И., 1902, 123]. А когда разобрался и понял, что и такая трактовка невозможна, потому что оба типа памятников относятся к атрибутике культа и, следовательно, не могут быть разграничены по этому принципу, тем более что культовым языком у болгар был арабский. Он стал утверждать, что тюркоязычные памятники принадлежали вовсе не болгарам, а чагатайцам и на-

писаны на чагатайском языке [там же, 69, 90], хотя всем известно, что это также не соответствует действительности. Кроме того, Ашмарин до конца своей жизни так и не смог объяснить, почему чувашезычные памятники появились только после монгольского нашествия и вскоре исчезли, почему они распространены не на всей территории бывшей Булгарии, почему их очень много было изготовлено за короткий промежуток времени и т.д.

Несмотря на все эти недостатки, концепция Ашмарина все же не была тогда отвергнута, так как сама проблема эпиграфики оставалась слабо изученной. По той же причине концепцию эту без должной критики восприняли даже такие всемирно известные ориенталисты, как З.Гомбоц, К.Томсен, О.Прицак, Й.Бенцинг, А.Рона-Таш и С.Фодор (Венгрия), К.Менгес и П.Гольден (США) и др. Особенно горячо поддерживали Ашмарина наши отечественные ученые С.Е.Малов, Б.А.Серебренников, М.Р.Федотов, В.П.Денисов, В.Ф.Каховский, В.Д.Дмитриев и многие другие.

После конкретного и тщательного изучения болгарской эпиграфики стало ясно, что старания и усердия болгаро-чувашистов во что бы то ни стало очувашить болгарскую эпиграфику оказались лишь неудачными попытками. К сожалению, таких неудачных попыток с разных сторон было много. Рассмотрим их вкратце.

§ 98. Неудачные попытки А.П.Ковалевского найти чувашизмы в сочинении Ибн-Фадлана. Другим аргументом, «доказывающим» чувашезычность болгар в широком смысле этого слова, считаются «чувашские» слова, сохранившиеся в древних записках Ибн-Фадлана о его поездке в Булгарию. Этот автор, совершивший в 921—922 годах вояж из Багдада в Булгарию в составе арабского посольства, во время своей поездки записывал названия встреченных им на пути различных стран, народов, местностей и личные имена, в том числе и болгарские названия, среди которых некоторые исследователи находят и чувашские слова. Из тридцати двух записанных им в Булгарии местных названий и имен шесть слов сторонниками болгаро-чувашской теории считаются чувашскими, а именно: *Хеллече* (название группы озер), *Гаушерма* (название реки), *Атал* (название Волги), *сadjув* (название медового на-

питка), *саваз* (название племени) и *Вырах* (личное имя вождя племени сувар).

Эти якобы чувашские слова доказывают происхождение чувашей от болгар. Обнаружил их сам переводчик книги Ибн-Фадлана на русский язык, арабист А.П.Ковалевский, при содействии чувашских лингвистов ашмаринистского толка, и притом обнаружил не сразу, а спустя более двадцати лет после выхода в свет первого издания этой книги.

Как известно, А.П.Ковалевский переводил эти записи на русский язык дважды: один раз в 1930-е годы, другой — в 1950-е годы — и оба раза по мешхедскому списку записок Ибн-Фадлана, полученному от иранского шаха. Первый перевод был сделан им под руководством академика И.Ю.Крачковского и под его же редакцией был издан в 1939 году в Москве, но в издании не было еще никаких чувашизмов. Это обстоятельство весьма удивило ашмаринистов, убежденных в том, что болгары были предками чувашей, ибо в сообщениях Ибн-Фадлана о них не оказалось ни одного чувашского слова. С этим вопросом чувашские лингвисты П.Г.Григорьев и Н.Р.Романов обратились к переводчику книги, Ковалевскому, работавшему в 1950-е годы над новым переводом той же книги.

Находя вопросы ашмаринистов вполне резонными, Ковалевский счел возможным пересмотреть транскрипции некоторых болгарских названий, написанных арабской графикой без строгой огласовки, и при содействии тех же чувашских лингвистов переправил написание ряда слов на чувашский манер. Так появились во втором издании книги Ибн-Фадлана выше-названные шесть чувашских слов: *Хеллече*, *Гаушерма*, *Атал*, *сadjув*, *савас* и *Вырах* [Ковалевский А.П., 1956]. Чтобы лучше обосновать причину своих исправлений, вносимых во второе издание книги, в 1954 году Ковалевский издал специальную брошюру, где трактовал содержание книги Ибн-Фадлана уже с ашмаринистских позиций, и ряд терминов уподобил чувашским словам [Ковалевский А.П., 1954]. Кстати, автор весьма неудачно трактовал эти шесть слов с позиций чувашского языка.

Зачем же понадобилось Ковалевскому столь неосторожно фальсифицировать переводимую им книгу Ибн-Фадлана, тем более, что, по мнению арабистов, качество его вторичного перевода несколько не выиграло, а, наоборот, проиграло по срав-

нению с качеством первого перевода 1930-х годов? [Янина С.А., 1962, 184]. Разве не знал Ковалевский, что первейшей обязанностью всякого добросовестного переводчика является максимально точное воспроизведение переводимого текста?

Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, нужно учитывать, с какой огромной любовью относился этот человек к объекту своего перевода и вместе с тем к самому автору книги. Трансформируя старобулгарские слова на чувашский манер, он, разумеется, вовсе не имел никаких дурных намерений, а делал это из самых благих побуждений — с целью совершенствования переводимого сочинения, чтобы сделать книгу Ибн-Фадлана более реалистичной и более понятной современному читателю.

Кроме того, А.П.Ковалевский хотел как-то оградить самого Ибн-Фадлана от несправедливых обвинений критиков.

В этих целях он очень подолгу работал над составлением обширных комментариев к тексту переводов и в этих же целях в 1950-е годы взялся за вторичный перевод книги. Услышав от ашмаринистов, что нынешние чуваша считаются потомками волжских болгар, Ковалевский простодушно поверил этому слуху и начал серьезно изучать чувашскую культуру, чтобы найти историческую преемственность между этими народами разных эпох. Поэтому неудивительно, что некоторые болгарские названия он пытался переименовать на чувашский манер.

Ошибка Ковалевского здесь заключалась лишь в том, что ему не следовало увлекаться доводами ашмаринистов и не пытаться исправлять написанное Ибн-Фадланом, как бы ни казалось оно ему несовершенным. Нужно было помнить, что сообщения Ибн-Фадлана не нуждаются ни в чьих исправлениях, и сам автор тоже не нуждается в защите. Все, что он написал, — это было истинной правдой, правдой, существовавшей в сознании человека тысячелетней давности. Поэтому исправлять его сообщения вовсе не следовало, а следовало лишь точно их перевести и максимально точно воспроизвести встречающиеся там имена и термины.

§ 99. Неудачные попытки очувашивания болгарских слов из записей Ибн-Фадлана. Как было сказано выше, А.П.Ковалевским подвергались «очувашиванию» шесть слов из записей Ибн-Фадлана: *Хеллече, Гаушерма, Атал, сюдже (сджув), суаз, Вырах.*

1. Первое из этих болгарских слов — *Хеллече*. «Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды *Хеллече...*» [Ковалевский А.П., 1956, 138], в арабском оригинале мешхедского списка рукописи это слово первоначально было расшифровано как *خلجة Халджа* [Ковалевский А.П., 1956. Приложение. 108-а, 108-б.]. Примечательно, что и в первом издании книги 1939 года это слово было транскрибировано порусски в форме *Халджа* [там же, 75]. Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то во втором издании книги Ковалевский переправил его в *Хеллече* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *хелле* ‘зима’ и заодно придать этому гидрониму значение ‘зимней стоянки’ болгарского царя, как это трактовали некоторые исследователи текста. Но этому перефразированию помешало окончание *-джа* в слове *халджа*, которое не объяснялось, исходя из чувашского языка, пришлось его переделать в чувашское *-че* (формант прошедшего времени), а это привело к возникновению необычного слова *хеллече*, что в переводе означает ‘зимою было’, но отнюдь не ‘зимник’. Натянутость данной «конъектуры» видна еще и в том, что слово *Хеллече* Ковалевский написал по чувашской орфографии через два «л», а в арабском оригинале буква «лам» написана без удваивающего ташдида. Так что во всех отношениях это «очувашивание» гидронима *Халджа* было неправомерным. На самом деле этот гидроним надо было читать как *Сулча*, ибо первая буква в рукописи не *ح* (х), а *ص* (с), кроме того, там течет река, которая называлась и называется *Сөлчә/Сульча*. (Это — открытие арабиста Анвара Хайри).

2. Второе слово — *Гаушерма*, встречающееся во фразе: «И отъехал царь от воды, называемой Сульча, к реке под названием Гаушерма...», также оказалось неправомерно искаженным. В арабском оригинале мешхедского списка оно было написано в одном месте как *جاوشيز (cauʃiz)*, в другом месте как *جاوشير (cauʃir)* (без точки над зайн) [там же, 203, 208]. В первом издании книги 1939 года оно было транскрибировано по второму написанию в форме *Джавашир* [там же, 76], что имело целью показать существование р-языка у болгар, но затем в брошюре 1954 года Ковалевский пошел еще дальше и переделал его в *Гаушерма* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *сьырма* ‘река’, поскольку речь идет здесь о реке. Но для этого пришлось изменить весь фонетический состав слова и

произвольно присоединить к его окончанию слог *-ма*, а также заменить начальный звук [дж] на [г]. Как видим, «конструкция» также не из удачных. Поэтому в 1956 году перед отправкой рукописи для второго издания Ковалевский переправил обратно это слово в *Джавшыр*, но тем не менее ашмаринисты до сих пор продолжают трактовать его как *Гаушерма*.

Реку под названием *Джаушир* можно отождествлять с рекой *Йауширмэ* в Чистопольском районе Татарстана. Гидроним состоит, по-видимому, из двух частей: *Юш* — имя человека, имеющего отношение к этой реке, *йырма* — тюркское слово со значением река (ср. тат. *ермак*). Может быть и другое толкование: *Ю* — ‘войско’, *ширма* — от диалектного произношения того же слова *ерма* в виде *жырма*. В чувашском сохранилось произношение *сьырма*.

3. Третье слово — *Атал* (название Волги) — действительно имеется в книге Ибн-Фадлана и совпадает с чувашским названием реки *Волги* — *Атал*. Но это еще не означает, что болгары говорили на чувашском языке. Некоторые тюрки и арабы употребляют это слово с анлаутным [э] (*Этиль*, *Эдиль*), а татары и башкиры — с начальным [и] (*Идиль*), но в арабском письме все эти гласные звуки обозначаются одной и той же буквой алиф, снабжаемой дополнительно диакритическими знаками.

Ашмаринистов заинтересовало то, что в книге Ибн-Фадлана есть написание этого слова в чувашской форме *Атал*. Но и это еще ничего не доказывает. В мешхедском списке это слово повторяется пять раз и притом три раза написано оно с начальным алифом с фатхой (آتل *Атл*) и два раза написано без диакритических знаков (اتل). что можно читать как *Этель* или даже *Итель*. Поэтому вопрос здесь остается спорным: можно предполагать, что болгары называли Волгу по-чувашски *Атал*, но могли называть и по-болгарски *Итиль*. Сам оригинал рукописи Ибн-Фадлана до наших дней не сохранился. Возможно в нем Волга была названа *Итиль*, а ираноязычный переписчик мешхедского списка в двух местах переписал его правильно, но в трех местах машинально написал по-своему в форме *Ател*.

Если обратить внимание на этимологию этого гидронима, то легко заметить, что он состоит из двух частей: тюрк. *иди* — *иде* ‘великий, большой, бог’ и *ел* (самая древняя форма гидронима *елга* ‘река’). Тюркское *ел* заимствовано и марий-

ским языком для обозначения самой Волги. Таким образом, *Иди+ел (Идель)* применялось и сейчас применяется в значении 'большая река, великая река'. Если так, то и самой древней формой этого гидронима является не *Атал, Этил или Итиль*, а *Идель (Иди-ел)*. Исходя из сказанного, видно, что арабское начертание этого гидронима должно быть транслитерировано как *Итиль, Ител или Идель*.

4. Четвертое слово — *сюдже* (напиток) в мешхедском списке было написано как *السحو* (*al-sacu* или, точнее, *as-scu*) и в первом издании книги 1939 года тоже было транскрибировано как *ас-суджув*, но затем в специально изданной брошюре 1954 года Ковалевский переделал его в *саджув* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *цу, шыв* (вода). Но поскольку медовый напиток чуваша называют не *саджув*, а *симпыл* или *карчама*, то и эта конъектура тоже оказалась неудачной, в связи с чем в 1956 году Ковалевский обратно переправил его в «*суджув*» [Ковалевский А.П., 1956, 132]. По данным Флейшера и Френа, *саджу* был не чувашским, а древнетюркским названием хмельного напитка, а по мнению А.П.Смирнова, это было заимствованием из русского *сыта, сычевка*.

В действительности *сюдже (сөже-сүже)* — это сладкий напиток, который был распространен среди тюрков различных регионов. В азербайджанском языке он сохранился до наших дней. Слово *сөже* в татарском литературном языке применяется в виде *төче*, в татарских диалектах как *сөче* (сладкий, приторный) и выступает как антоним слова *ачы* (кислый).

5. Пятое слово — *суаз* (название племени) тоже подвергнуто необоснованному искажению. В арабском оригинале мешхедского списка оно употреблено только один раз и в виде *سوان* (*suau*). В первом издании книги 1939 года Ковалевский транскрибировал его в форме *саван*, ибо в рукописи последняя буква *ز* была изображена как *ن*. Но в последующем издании своей книги он это слово передает уже как *суваз*. Этим Ковалевский хотел подчеркнуть, что слово *суваз* затем стало применяться как *чуваш* и обозначало предков чувашей. Следовательно, по его мнению, болгары-сувазы были чувашезычными.

Более точные исследования [Закиев М.З., 1986, 40—54] показывают, что слово *суаз-суас* было болгарским и произошло от двух тюркских слов: *су* 'вода' и *ас* (название племени).

Марийцы татар называют этнонимом *суас/сюас*, а чувашей — *суасламари*.

6. Шестое слово — *Вырах* (имя суварского князя), по-видимому, тоже искажено переводчиком. В арабском оригинале мешхедского списка оно написано как *ويرغ* *уиргъ/шургъ* [Ковалевский А.П., 1956, 208]. Сам Ковалевский в первом издании книги 1939 года транскрибировал его как *Вираг*. Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то он попытался впоследствии как-то «очувашить» его, переправив во втором издании книги в *Выраг* [там же, 139], а в брошюре 1954 года — в *Вырах* [Ковалевский А.П., 1956, 43]. Но все эти «конъектуры» были напрасными, потому что в чувашском языке не было слов, похожих на *Выраг/Вырах*. С точки зрения обычнотюркской этимологии, это слово не исследовано.

Таким образом, все шесть слов, уподобленных Ковалевским чувашским лексемам, не могут свидетельствовать о существовании у болгар чувашского типа р-языка. Но несмотря на это, ашмаринисты настойчиво продолжают использовать это «открытие» как доказательство правоты своей болгаро-чувашской концепции. В этих целях опубликовано и публикуется множество трудов и статей таких авторов, как П.Г.Григорьев, Н.Р.Романов, Н.Данилов, В.Г.Егоров, В.Ф.Каховский и многих других, направленных на популяризацию выводов о болгарском происхождении чувашей.

§ 100. Неудачные попытки найти чувашские слова в славяно-болгарском «Именнике». Рассмотрим теперь следующий аргумент сторонников болгаро-чувашской концепции — чувашские слова в так называемом «славяно-болгарском именнике». Если этот именник содержит тюркско-болгарские слова, то они, по мнению сторонников болгаро-чувашской концепции, должны характеризоваться чувашскими особенностями.

Известно, что в 1866 году профессором А.Поповым был обнаружен и опубликован письменный памятник, написанный неизвестным автором в XVI веке и хранившийся в библиотеке Св.Синода вместе с рукописной книгой «Летописец еллинский и римский» [Попов А., 1866].

Вот полный текст этого именника.

¹ Числа, приведенные непосредственно после имен князей, в оригинале обозначены греческими буквами, заменявшими цифры.

«Авитохоль жить летъ 300¹, родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Ирникъ жить летъ 150, родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Гостунъ наместникъ сы 2 летъ, родъ емоу Ерми, а летъ емоу дохсъ твиремъ. Коурътъ 60 летъ дръжа, родъ емоу Доуло, а летъ емоу шегоръ вечемъ. Безмеръ 3 лето, а родъ емоу Доуло, а летъ емоу шегоръ вечемъ. Сии 5 кнѣзъ дръжаще княжение об ону страну Доуная летъ 500 и 15 остриженами главами и по томъ приде на страну Доуная Исперихъ кнѣзъ, тожде и доселе. Есперерихъ кнѣзъ 60 и одно лето, родъ емоу Доуло, а летъ емоу верени алемъ. Тервель 20 и I лето, родъ емоу Доуло, а летъ емоу текоу читемъ... твиремъ 20 и 6 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу дваншехтемъ. Севаръ 15 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу тохъ алтомъ. Кормисошъ 17 летъ, род емоу Вокиль, а летъ емоу шегоръ твиремъ. Сии же князь измени родъ Доуло, рекше Вихтунъ. Винехъ 7 летъ, а родъ емоу Оукиль, а летъ емоу имя шегор алемъ. Телець 3 лета, родъ емоу Оугаинъ, а летъ емоу соморъ алтемъ... Оуморъ 40 днии, родъ емоу Оукиль, а емоу диломъ тоутомъ».

Здесь дело вовсе не в достоверности или недостоверности самого документа (этот вопрос подробно рассмотрен болгарским ученым Моско Московым в его книге «Именник на Българските ханове — ново тълкуване.—София, 1988.—368 с.), а в загадочности тех приписок, которые приведены после каждого из тринадцати имен, получивших в литературе известность, как «неславянские вокабулы именника». Таких непонятных слов приведено 26, но некоторые из них повторяются по два и по три раза, так что в конечном итоге загадочными остаются 15 вокабул: *дилом, шехтем, твирем, дохс, шегор, вечем, верени, алем, текоу, четем, дван, тох, алтом, сомор, тоутом*.

Эти слова ученые пытались расшифровать на основе различных языков. Так, академик А.Куник, находившийся в то время под впечатлением недавно опубликованной статьи Н.И.Ильминского о чувашских словах в болгарском языке, решил объяснить вокабулы именника на материале чувашского языка, поскольку, думал он, язык дунайских протобулгар должен быть родственным языку волжских булгар. Сам Куник, не зная чувашского языка, не смог этого сделать и обратился за помощью к тюркологу В.В.Радлову, прося послед-

него расшифровать именник на материале чувашского языка [Куник А., 1878, 18—161].

Молодой Радлов, находившийся тогда на стажировке в Барнауле, не посмел, видимо отказать в просьбе известному столичному академику и послал ему несколько туманный ответ о некоторых возможностях отождествления вокабул с чувашскими числительными. Например, вокабулу *сомор* он возводил к чувашскому *ikke* 'два', *четем* — к чувашскому *šice* 'семь', а также к *šitmel* 'семьдесят', *дохс* и *текоу* оба возводил к *vätär* 'тридцать', *шехтем* — к *säkär-vunnä* 'восемьдесят', *тутом* — к *xerex* 'сорок', а окончания вокабул на *-ом* и *-ем* истолковал как числительное *vunna* 'десять'. В результате такого произвольного толкования Радлов вывел несуществующие в чувашском языке «числительные»; например, *диллом твирем* истолковал как 'пять двадцать', '*шегор вечем*' — как 'восемь тридцать', *текоу четем* — как 'девять семьдесят', *дван шехтем* — 'четыре восемьдесят' и т.д. Но что означают эти бессвязные слова, он и сам объяснить не мог [Куник А., 1878, 138—143], поскольку единицы в его «двузначных числах» оказались впереди десятков. Такая обратная последовательность в структуре сложных числительных чужда не только чувашскому, но и большинству других тюркских языков; нечто подобное можно встретить лишь в сарык-югурском языке и в древних орхоно-енисейских письменах, где некоторые сложные числительные имеют иную структуру и количественное значение [Кононов А.Н., 1980].

Если бы Радлов не был тогда связан с просьбой влиятельного академика Куника и отнесся к расшифровке именника более объективно, он наверняка пришел бы к выводу не в пользу гипотезы Куника, а скорее в пользу высказывания Гезы Кууна, считавшего вокабулы турецкими лексемами. В самом деле, многие вокабулы гораздо более близки к общетюркским числительным, нежели к чувашским. Например, вокабула *верени* более созвучна с тюркским *berence* 'первый', чем с чувашским *përrëmëš*; вокабула *дохс* более созвучна с тюркским *toguz* 'девять', чем с чувашским *täxär*; *вечем* тоже более похоже на тюрк. *uçon* 'тридцать', чем на чув. *vätär*; *читем* и *шехтем* тоже более созвучны с тюркскими *citen* и *siksen*, нежели с чувашскими *šitmel* 'семьдесят' и *säkär-vunnä* 'восемьдесят'. Окончания вторых вокабул *-ом* и *-ем* гораздо

лучше сопоставимы с тюркским *он* 'десять', чем с чувашским *винна*.

Кроме того, о восьми князьях в именнике прямо сказано «род емоу Доуло», а род Дуло, как известно, не был собственно болгарским, а был западно-тюркским, узурпировавшим в VII веке болгар, что также говорит о большей вероятности употребления в именнике общетюркского з-языка. Однако молодой Радлов пренебрег этими данными и написал Кунику, что это «наречие очень близко к чувашскому». Но в том же письме он недвусмысленно оговорился: «Согласно желанию Вашему... я пришел к изложенным выше выводам», но «я чувствую сам всю *неудовлетворенность*... своих изысканий» [Куник А., 1876, 130, 143].

Однако это признание Радлова не остановило Куника, вознамерившегося обнародовать свою гипотезу. В 1878 году он дополнил ответное письмо Радлова своими суждениями, изложил историю проблематики и, снабдив все это броским заголовком «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику», опубликовал в приложении к 32-му тому «Записки Российской академии наук». Так появилась на свет эта версия о «родстве хагано-болгар с чувашами», а вместе с тем и о мнимом родстве протоболгарского языка с чувашским.

В начале нашего столетия версия Куника — Радлова была окончательно отвергнута, а вместо нее предложена совершенно новая версия, рассматривающая вокабулы как названия дат древнетюркского «животного» календаря.

Основателем этой новой версии по праву считается финский лингвист И.Миккола, хотя идея эта впервые была высказана Бьюри. Отвергая мнение Куника, Радлова, Златарского и других авторов, рассматривавших вокабулы как имена числительные, Миккола предлагал рассматривать их как названия годов и месяцев восточного «животного» календаря, бытовавшего также у средневековых тюрков. По его мнению, в каждой паре вокабул именника первые слова являются названиями животных, обозначающими годы, а вторые — числительными, обозначающими порядковые номера месяцев в году. Притом названия животных, по его мнению, были взяты из разных тюркских и нетюркских языков. Например, вокабулу *шегор* он возводил к тюркскому *sygyr* 'корова', обозна-

чающему якобы год быка; вокабулу *сомор* возводил к монгольскому *morin* 'лошадь', *дван* — к огузскому *davšan* 'заяц', *диллом* — к общетюркскому *jylan* 'змея', *тох* — к джагатайскому *tauk* 'кураца', *дохс* — к тюркскому *tonguz* 'свинья', *текою* — к огузскому *koč* 'баран', *верени* — к чувашскому *sävär* 'сурок' и т.д. Вторые же вокабулы в каждой паре (*твирем*, *вечем*, *алем*, *четем*, *шехтем*, *алтом*, *тоутом*) Миккола считал числительными, означающими порядковые номера месяцев в году. Поскольку в году имеется не более тринадцати лунных месяцев, а в именнике имеются числительные даже «пятьдесят» (*алем*), то Микколе пришлось таким вокабулам присваивать другие числовые и даже нечисловые значения. Например, вокабулу *алем* он возвел к чагатайскому *iläg* 'перед', придав ему значение «первый месяц в году»; вокабулу *твирем*, считавшуюся чувашским *sirem* 'двадцать', возвел к чув. *măxăr* 'девять', а для объяснения вокабулы *текою* пришлось приписывать чувашскому языку несуществующее слово *koč* «баран» и т.д. [Закиев М.З., Кузьмин-Юманати Я.Ф., 1993, 42].

Поскольку версия Микколы оказалась во всех отношениях неубедительной, а главное, не сближающей вокабулы именника с чувашским языком, сторонники булгаро-чувашской концепции не раз предпринимали попытки к ее «совершенствованию», внося различные поправки и дополнения. Сам Ашмарин, ранее опиравшийся на числовую версию Куника — Радлова, в 1917—1923 годах полностью отрекся от нее и предпринял попытку «очувашить» новую версию Микколы. Например, вокабулу *сомор*, возведенную Микколой к монгольскому *morin* 'лошадь', он предлагал возводить к чувашскому *ätärt* 'орел', *верени* возводил к чув. *păran* 'молодняк овцы', *текою* — к чув. *săxă* 'кураца', *твирем* — к чув. *těpěr* 'другой, иной', *диллом* — к чув. *sělën* 'змея', *алем* — к чув. *ülēm* 'потом, в будущем', *шехтем* — к чув. *sičč* 'семь', а для остальных вокабул (*тох*, *дохс*, *дван*, *четем* и др.) Ашмарин не нашел созвучных слов, но тем не менее утверждал, что такие слова могли существовать в чувашском языке когда-то в прошлом [Ашмарин Н.И., 1923, 227—237].

О.Прицак, находя поправки Ашмарина неудачными, предлагал оставить в силе сопоставления Микколы в отношении вокабул *диллом*, *твирем*, *шегор*, *вечем*, *тох*, *дохс*, а вокабулу *верени* предлагал возводить к тюрк. *bure* 'волк' и истолковать

как «год волка», хотя такого названия месяца нет в восточных календарях. Находя неуместным сопоставление вокабул *сомор* с монгольским 'лошадь', Прицак предлагал для лошади выделить первый слог из слитной вокабулы *имаше горалем*, то есть *има-*, и истолковать его как название лошади в предполагаемом протоболгарском языке [Прицак О., 1955].

После Прицака не раз предпринимались попытки к совершенствованию версии Микколы. Например, В.Ф.Каховский предлагает вокабулу *текоу*, возведенную Ашмариным к чув. *săxă* 'курица', возводить к чув. *taka* 'баран', а вокабулу *сомор* возводить к гипотетическому *samār* 'лошадь', хотя такого слова тоже нет и не было в чувашском языке, как и в других тюркских языках [Каховский В.Ф., 1965, 276—278].

Было высказано множество и других предложений по расшифровке этого именника [Закиев М.З., Кузьмин-ЮманADI Я.Ф., 1993, 44]. Но все они являются лишь субъективными гаданиями или, по выражению самого Ашмарина, «гадательными предположениями». Будет ли «Именник» когда-нибудь расшифрован? В этом многие ученые сомневаются. Но если упомянутые слова «Именника» будут достоверно расшифрованы, все равно они не смогут подтвердить правильность болгаро-чувашской концепции. На это обратил внимание еще в 1900 году болгарский ученый И.Д.Шишманов. Он писал, что в «Именнике» имеются слова с начальными *д*, *г*, *б*, что противоречит чувашской фонетике. Например, *doulo*, *dilom*, *doxs*, *Gostun*, *goralem*, *Bezmer*. Противоречит чувашской фонетике сам этноним *булгар*. Если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они распространили бы этноним не *булгар*, а *палгар/палхар* или *мургар*. Исходя из таких моментов, И.Д.Шишманов делает вывод, что протоболгарский язык не имеет никакого сходства с чувашским языком, он был близок к чагатайскому языку [Шишманов И.Д., 1900, 684].

Наиболее достоверным и доступным источником для выявления особенностей протоболгарского языка служит, бесспорно, сам живой славяно-болгарский язык с его древними протоболгарскими субстратами. Если бы протоболгарский тюрки был чувашского типа р-языком, то и среди субстратных тюркизов сохранились бы элементы чувашского типа р-языка. Но их в болгарском языке как раз нет. По этому поводу К.Г.Менгес справедливо пишет: «когда печатно провозглашают, что в

современном болгарском языке представлено много общих с чувашским слов типа *дост* (болг.) — *тус* (чув.), *душек* (болг.) — *тушек* (чув.), *чавка* (болг.) — *чавка* (чув.) и др., то их авторы делают грубую ошибку, так как здесь речь идет о турецких заимствованиях в болгарском языке, которые по своему фонетическому облику ничем не отличаются от кыпчакских заимствований в чувашском языке» [Закиев М.З., Кузьмин-Юманди Я.Ф., 1993, 48].

Не было тюркизмов чувашского типа и в протоболгарском тюрки — язык этот был таким же зетацирующим, каким был и язык волжских булгар. Во всяком случае, ни в древних письменных памятниках, ни в живом болгарском языке, ни в славяно-болгарском именнике не обнаруживаются признаки чувашского типа р-языка.

§ 101. Неудачные попытки найти чувашизмы в древнебалкарских рунических надписях. Следующим «доказательством» существования у волжских булгар р-языка считаются предполагаемые чувашизмы, «обнаруженные» в наскальных рунических письменах северокавказских балкар. Поскольку балкары считаются историческими родственниками волжских булгар, то наличие чувашизмов в их языке, естественно, должно бы свидетельствовать о р-язычности волжских булгар. Поэтому сторонники болгаро-чувашской концепции не раз обращали свое внимание на характер этого северокавказского языка, но ни в самом балкарском языке, ни в его диалектах не находили никаких признаков ротацизма и ламдаизма, так как все этнические группы балкар говорят на обычном тюркском языке кыпчакской группы. В связи с этим строились предположения о существовании р-языка у древних балкар, полагая, что когда-то этот народ говорил на р-языке, а затем с приходом в Предкавказье кыпчаков они переняли кыпчакский язык. Но подтвердить эту гипотезу не удавалось из-за отсутствия древних письменных памятников балкарского языка.

И вот, наконец, в 1970-х годах такие письменные памятники «были найдены» в горных ущельях Северного Кавказа вместе с древними наскальными погребениями горцев, в связи с чем болгаро-чувашская концепция ашмаринистов получила новое «подтверждение». Но прежде чем перейти к рассмотрению этих письменных памятников, напомним вкратце

об обстоятельствах, при которых появилась эта необычная находка.

Вообще-то о существовании странных надписей и наскальных погребений в горах Северного Кавказа знали давно. Внимание исследователей привлекало то, что в ущельях вокруг Эльбруса часто встречаются наскальные погребения, совершенные в выдолбленных в скалах небольших пещерах с четырехугольным, а иногда и круглым входным отверстием. Внимание исследователей привлекли писаницы вокруг этих погребений.

Писаницы эти представляют собой довольно разнообразные фигурки, похожие на иероглифы, врезанные в камень или же нарисованные коричнево-красной охрой. Расположены они группами иногда над входом в пещеру, в других случаях рядом с ней, а иногда и в глубине пещерки, где-нибудь на гладкой поверхности. Количество знаков около каждой пещерки варьирует от единицы до нескольких десятков. Если внимательно присмотреться к ним, то можно подразделить их на четыре вида: 1) на обычные пиктограммы, 2) на личные тамги, 3) на рунические знаки и 4) буквы уйгурского письма. Расположены они вместе, вперемежку, без всяких разграничений.

В отношении этнической принадлежности этих наскальных памятников существуют различные точки зрения. Одни исследователи приписывают их древним кавказским горцам, другие — средневековым тюркоязычным, даже «ираноязычным» аланам, третьи, как, например, Г.Ф.Турчанинов, — северокавказским косогам, четвертые — хазарам и т.д. [Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф., 1993, 52]. Но большинство исследователей все же склонно приписывать их горным аланам. Так, например, Т.М.Минаева, посвятившая этим памятникам специальные исследования, считает их творением аланов, пришедших в Приэльбрусье в VI веке н.э. под натиском кочевых тюрков и вынужденных здесь за неимением свободной земли хоронить своих умерших в скалах [Минаева Т.М., 1971, 227]. А.П.Рунич приписывает памятники также аланам, полагая, что, оказавшись прижатыми в горах, аланы трансформировали свои традиционные погребальные катакомбы в наскальные пещеры. С этим мнением согласны также исследователи Г.Ф.Турчанинов, М.А.Хабичев, В.А.Кузнецов и многие другие. Но необходимо иметь в виду, что под аланами одни

авторы понимают предков ираноязычных осетин, другие — предков тюркоязычных балкар и карачаевцев.

Другой карачаевский ученый С.Я.Байчоров в 1970-х годах выдвинул совсем иную точку зрения. По его мнению, памятники эти принадлежали не аланам (под аланами он понимает только ираноязычных осетин), а северокавказским протоболгарам, то есть предкам нынешних балкар и карачаевцев, которые раньше якобы говорили на языке чувашского типа. «Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал, — пишет он, — что по своим графо-фонетическим особенностям он — протоболгарский, имеющий *дь* — и *дж*-диалекты, которым характерен ротацизм» [Байчоров С.Я., 1977, 19—23].

Эти выводы Байчорова явились такой же неожиданной сенсацией, какой были в прошлом столетии публикации Н.И.Ильминского по части волжскобулгарского языка и А.А.Куника в отношении хагано-болгарского языка дунайских протоболгар. И в том, и в другом случае отстаивалась одна и та же идея, что древний протоболгарский язык, — будь он на Дунае, в Поволжье или же на Северном Кавказе, — везде характеризовался одними и теми же особенностями чувашского типа *p*-языка.

Поскольку идея эта выглядит вполне логичной и на первый взгляд кажется достаточно обоснованной, работы Байчорова также, как и работы Куника и Ильминского в прошлом веке, нашли себе немало горячих сторонников. Например, положительно отзывались о них археологи В.Б.Ковалевская, Х.Х.Биджиев и М.П.Абрамова [1978], и особенно восторженно восприняли их ашмаринисты, обрадованные тем, что найдено новое подтверждение отстаиваемой ими болгаро-чувашской концепции. Например, заслуженный деятель науки Чувашской АССР В.Д.Димитриев не без восторга писал: «Байчоровым выявлены и исследованы памятники северокавказской болгарской рунической письменности с характерным для их языка ротацизмом» [Димитриев В.Д., 1984, 29]. В унисон с ним восторгались и некоторые казанские ученые. В частности, Д.Г.Мухаметшин и Ф.С.Хакимзянов писали: «Стало быть протоболгары (Приэльбрусья), исходя из природных условий, в честь погребенных сооружали поминальные дома и составляли надписи» на древнеболгарском языке, имея при этом в виду то, что, по их мнению, древнеболгарский язык характе-

ризвался чувашскими особенностями [Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1987, 15].

Но тексты, вычитанные Байчоровым в рунических письменах, весьма сомнительны и существуют скорее всего в воображении их чтеца, нежели в реальности. Заранее поставив перед собой задачу обнаружить в писаницах чувашеподобные тюркизмы, он на разных этапах работы с текстом постепенно трансформирует его в нужном направлении и в конечном итоге получает то, что ему требовалось. Уже на стадии копирования и снятия эстампажей с наскальных писаниц постепенно «корректирует» их под видом восстановления стертых мест и дорисовки недописанных штрихов.

Затем во втором этапе работы, выделяя из общей кучи писаниц рунические знаки, к последним причисляет не только действительные руны, но и надуманные им самим псевдоруны, которые, по его мнению, могли существовать в протоболгарской письменности. Например, часто встречающееся в наскальных писаницах изображение лестницы он читает как букву «д» или «дь», хотя в тюркском руническом алфавите такой руны не существует. Затем на стадии чтения рун также допускает произвольные действия, читая их то справа налево, то слева направо, то сверху вниз, то снизу вверх, то находя одну руну внутри другой и т.д. — лишь бы это привело к образованию нужного тюркизма.

Вот так, с начала и до конца, на всех этапах расшифровки писаниц Байчоров неизменно трансформирует их по своему усмотрению и в конечном итоге выдает «протоболгарские тексты». При таком методе расшифровки те же самые рунические знаки можно прочесть не только на протоболгарском, но и на любом другом языке мира.

Косвенным доказательством ротацизма приэльбрусского языка Байчоров считает слово *белег*, *белюх* (знак, памятник), вычитанное им в наскальных писаницах и отождествляемое с волжскобулгарским *bälük* 'знак, памятник'. Он полагает, что это слово было присуще только р-языкам и поэтому свидетельствует о ротацизме и приэльбрусского языка. Но такое мнение является ошибочным, ибо *белюк/белюг* — это общетюркское слово, образованное от древнетюркской глагольной основы *bel* «знать», и присуще всем тюркским языкам без исключения. В Волжской Булгарии оно одинаково часто упо-

треблялось в эпитафиях как 1-го, так и 2-го стиля. Поэтому наличие его в приэльбрусском языке также не может свидетельствовать о его ротацизме.

И, наконец, прямым и непосредственным доказательством ротацизма приэльбрусского языка считают обнаруженное в нем слово *чур* (сто), якобы употребляющееся вместо общетюркской зетацирующей формы *йөз* (сто). В приведенных выше материалах Байчорова это слово встречается лишь один раз и притом в том же самом бессвязном предложении «*Джгутур учемэ менчур элинче ур бити эшген*». Слово *чур* здесь образовано искусственно от непонятной лексемы *менчур* путем ее расщепления на два слога (*мен+чур*) и последующей произвольной семантизации. Поэтому аргументировать этим надуманным словом наличие ротацизма в протоболгарском языке было бы несерьезно, тем более что других подобных примеров в лексическом материале Байчорова не обнаружено.

Таким образом, если даже предположить, что язык рунических памятников Приэльбрусья и в самом деле был протоболгарским, то все равно в лексических материалах Байчорова не имеется ничего такого, что достоверно свидетельствовало бы о ротацирующем характере этого языка. Нужно полагать, что подлинно протоболгарский язык Северного Кавказа был таким же зетацирующим, как и его нынешние преемники — балкарский и карачаевский языки, а также язык болгаротатар, являющийся преемником волжскобулгарского, ибо все они относятся к одной общей группе тюркских 3-языков.

§ 102. Неудачные попытки найти чувашизмы в венгерском языке. Сторонники болгаро-чувашской концепции, для доказательства чувашеязычности волжских болгар, придумали еще один аргумент. Они предположили, что, поскольку венгры якобы более 100 лет жили на Средней Волге — в «Великой Венгрии» рядом с булгарами, то в венгерском языке должны быть заимствования чувашеподобных слов, т.е. так называемых чувашизмов, доказывающих чувашеязычность болгар.

Поверив этому предположению, в 1894 году венгерский ученый Б.Мункачи начал искать чувашизмы среди тюркских заимствований в венгерском языке. Другой венгерский ученый Золтан Гомбоц в 1912 году выпустил специальную книгу, где из 800 тюркских заимствований в венгерском языке выде-

лил 227 слов, имеющих чувашские особенности [Гомбоц З., 1912, 203—206].

После выхода этой работы З.Гомбоца для венгерских ученых, а также для некоторых зарубежных и русских тюркологов мысль о тождестве болгарского и чувашского языков, т.е. болгаро-чувашская теория, стала положением, не требующим доказательств. Поэтому материалы эти никем не проверялись. Между тем первое же знакомство с книгой дает возможность установить следующую объективную картину.

1. Из 227 заимствований 87 слов настолько приспособлены к венгерским произносительным нормам, что их без тщательного фонетического анализа трудно приблизить как к чувашскому, так и татарскому языку, например, *artany* 'очищать', *baj* 'колдовство', *beko* 'подкова', *bika* 'упрямый', *boglya* 'копна', *bü* 'колдовать', *gyur* 'давить, связать', *koporso* 'гроб, ящик', *tömeny* 'бесчисленный', *zerge* 'козел' и т.д. Сюда мы включили и такие заимствования, которые фонетически стали далеки от чувашских и татарских слов, но больше напоминают татарские варианты. Например, в венгерском *boglya*, в татарском *богол* 'копна, стог'; в венгерском *artany*, в татарском *арыну* 'очищаться, освобождаться'; в венгерском *tömeny*, в старотатарском *тәмән* 'бесчисленный, десять тысяч' и т.д.

2. 44 слова совпадают как с татарскими, так и с чувашскими эквивалентами почти в одинаковой степени. Например, *sörke* 'гнида' — т. *серке*, ч. *шарка*; *szakal* 'борода' — т. *сакал*, ч. *сухал* и т.д.

Таким образом, из двух предыдущих пунктов 131 слово, т.е. 58%, не могут быть основанием для доказательства того, к какому языку близки эти заимствования: к чувашско-тюркскому или кыпчакско-тюркскому.

3. 43 заимствования находят эквиваленты в татарском языке. Например, *balta* 'топор' — *балта*; *beka* 'лягушка' — *бака*; *beke* 'закрытый' — *бөке*; *sziczkanu* 'мышь' — *сычкан*; *gözü* 'крыса' — *күсе*; *gyalom* 'багор, невод' — *жылым*; *guart* 'сделать, изготавливать' — *ярату*; *gyöplö* 'связка' — *жәпләү*; *ildomos* 'мудрый' — *жылдам*; *kesik* 'поздно' — *кичегү*; *kobak* 'тыква' — *кабак*; *kedek* 'пупок' — *кендек*; *söprö* 'дрожжи' — *чүпрә*; *szan* 'считаться' — *санау*; *szirt* 'хребет' — *сырт*; *szongor* 'орел' — *шонкар*; *teker* 'крутить' — *тәжәрмәч*; *tür* 'сложить' — *төр*; *tyuk* 'курица' — *таук* и т.д.

4. 38 заимствований встречаются как в татарском языке, так и в чувашском, но с особенностями татарского языка, например, *al* 'обманывать' — тат. *алдау*, чув. *ултала*; *alma* 'яблоко' или 'картофель' — тат. *алма*, чув. *улма*; *агра* 'ячмень' — тат. *арпа*, чув. *урпа*; *bator* 'храбрый' — тат. *батыр*, чув. *паттар*; *bors* 'перец' — тат. *борыч*, чув. *парас*; *kender* 'конопля' — тат. *киндер*, чув. *кантар*; *когот* 'сажа' — тат. *корым*, чув. *харам* и др.

Следовательно, из двух предыдущих пунктов 81 слово, т.е. 35,5% заимствованы венгерским языком из кыпчак-тюркского.

5. Лишь 15 заимствований, т.е. 6,5% можно обнаружить в чувашском языке и с так называемыми чувашскими особенностями: *borji* 'теленки', *borso* 'горох', *gyom* 'трава', *gyürü* 'кольцо', *iker* 'близнецы', *ir* 'писать', *köris* 'ясень', *ör* 'молот, дробить', *ökör* 'бык', *sar* 'грязь, болото', *sarlo* 'серб', *gyürü* 'кольцо', *szücs* 'скорняк', *tükör* 'зеркало', *ünö* 'корова'.

Таким образом, если в область объектов сравнения З.Гомбоца включить и татарский язык, то лишь 6,5% собранного им материала могут подтвердить теорию близости болгарского и чувашского языков, все остальное, т.е. подавляющее большинство, доказывает несостоятельность этой теории.

Возникает закономерный вопрос: как же объяснить наличие среди этих заимствований нескольких слов с чувашскими особенностями? Объяснить это тем, что болгары являются предками чувашей, мы не можем, ибо ни лингвистические, ни этнографические, ни антропологические данные такое положение не подтверждают. Очевидно, дело здесь — в закономерностях процесса заимствования: как при формировании чувашского языка, так и при заимствовании венграми тюркские слова усваивались финно-угорами. Следовательно, в обоих случаях условия были одинаковыми: тюркские слова воспринимались слухом, привыкшим к финно-угорской речи, воспроизводились устами, привыкшими к финно-угорской артикуляции. Поэтому как в чувашском, так и в венгерском языках можно обнаружить некоторые общие, в одинаковой степени фонетически измененные обычные тюркские слова. Но они и в том, и в другом языке появились не путем взаимовлияния, а совершенно самостоятельно. Это подтверждается и тем, что в материалах Золтана Гомбоца имеется несколько слов с ротацизмом, отсутствующих в чувашском языке или

имеющихся в нем без ротацизма. Например, *görenü* 'хорек' — тат. *козэн* (*сасы козэн*), чув. *пасара*; *karo* 'кол' — тат. *казык*, чув. *шалса*; *tar* 'плешь' — тат. *таз*, чув. *кукша* или *таса* в смысле 'чистый'; *tenger* 'море' — тат. *диңгез*, чув. *тинес*; *tör* 'петля' — тат. *тозак*, чув. *йала* (*сёрёнё*); *tür* 'страдать, терпеть' — тат. *түз*, чув. *тус*.

Золтан Гомбоц позднее сам, видимо, почувствовал необъективность своего сравнительно-исторического исследования и нашел в себе силы отказаться от своих убеждений о проникновении болгарских слов в венгерский язык. Иначе венгерский ученый Ю.Немет не писал бы с сожалением: «От своей старой теории о соприкосновении волжских болгар с венграми Гомбоц не должен был отказываться» [Немет Ю., 1971, 261]. Таким образом венгры непосредственно не соприкасались с волжскими булгарами и с чувашами. Поэтому придуманные «чувашизмы» в венгерском языке не могли служить доказательством «правильности» болгаро-чувашской концепции.

Не было на Средней Волге и Великой Венгрии. Если бы венгры когда-то жили здесь, то не только в венгерском языке должны были быть болгарские и чувашские заимствования, но и в болгарском, и чувашском должна была быть масса венгерских слов. Их нет. Констатируя это явление, В.Д.Аракин писал, что вопреки всякому ожиданию в чувашском языке совсем нет мадьяризмов, что в нем есть только финнизмы, которые ошибочно можно принять за мадьяризмы, но они все заимствованы от поволжских финнов, не от венгров [Аракин В.Д., 1953, 49].

Следовательно, для доказательства адекватности болгаро-чувашской концепции факт чувашских заимствований в венгерском языке придуман неудачно.

§ 103. Неудачные попытки отнести чувашизмы в финно-угорских языках к болгарскому языку. Венгерские ученые, поверив тому, что когда-то венгры и болгары жили рядом между Волгой и Уралом, старались найти болгаризмы (по их мнению, обязательно с чувашскими особенностями) не только в венгерском языке, но и в финно-угорских языках Урало-Поволжья: в удмуртском, марийском, мордовском и коми-пермяцком. В конце XIX в. венгерский ученый Б.Мункачи наметил изучение трех, ставших впоследствии традиционными, удмуртско-иноязычных контактов: удмуртско-болгарского (фактически чувашского. — М.З.), удмуртско-татарского и уд-

муртско-русского. По мнению Б.Мункачи, чувашеподобные болгаризмы начали входить в удмуртский язык с первой половины VIII в., когда появились болгары в Среднем Поволжье [Кельмаков В.К., 1982, 48—49].

В самом начале XX в. финский ученый Ю.Вихманн в своем труде «Чувашские заимствования в пермских языках» (Хельсинки, 1903) оперирует более чем 150 чувашскими заимствованиями, называя их болгарскими [там же]. В дальнейшем к этой проблеме обращали внимание венгерские ученые К.Редэи и А.Рона-Таш [там же]. В советское время чувашскими (по мнению авторов, болгарскими) заимствованиями в удмуртском языке занимались удмуртовед И.В.Тараканов, чувашевед М.Р.Федотов. Первый насчитал в удмуртском 190 болгарских (чувашских), а второй — 438 заимствований [там же, 49].

С точки зрения влияния болгарского языка (читайте: чувашского языка) изучались и другие финно-угорские языки Поволжья: особенно марийский. «Существование в марийском языке непродуктивных и продуктивных чувашских морфем, — пишет М.Р.Федотов, — говорит о глубокой древности тюркских заимствований, имеющих тысячелетнюю давность, о той силе тюркского влияния, которое пронизало всю морфологию марийского языка» [Федотов М.Р., 1980, ч. III, 1986, 3]. Как известно, М.Р.Федотов под чувашским подразумевает болгарский язык.

Действительно, в языках марийцев, мордвы, удмуртов и коми зафиксировано большое количество тюркизмов, среди которых имеются и р-язычные и другие лексические заимствования, характеризующиеся чувашскими особенностями. В их числе есть хозяйственные термины, термины родственных отношений, домашнего быта, но особенно много терминов, связанных с земледелием и домашним скотоводством. Например: чув. *šäkkär* 'хлеб', морд. *šukro* 'хлеб', марийск. *sykyr* 'хлеб', *sukyr* 'хлебный каравай'; чув. *šaräk* 'репа', удмурт. *šarči* 'репа', коми *serkni* 'репа' и т.д. Кроме того, в некоторых финно-угорских языках существуют одинаковые с чувашскими грамматические формы, например, чувашская форма причастия на -sa (ср. чув. *tarsa* 'стоя', удмурт. *puktysa* 'стоя', коми *suvtsa* 'стоя'); или чувашская форма реликтового глагола на -ni (чув.

sutni 'светить, свечение', удмурт. *sötyny* 'светить' (в выражении *jugyt sötyny* 'святить', ср. венгр. *sütni* 'светить' и т.д.).

Общеизвестно, что в Поволжье и Приуралье еще с древнейших времен складывался тюрко-угро-финский языковой союз. В результате взаимовлияния этих народов отмечаются тюркизмы в финно-угорских и финноугризм в тюркских языках. Некоторые тюркские заимствования в финно-угорских языках действительно характеризуются чувашскими особенностями, и они являются чувашскими заимствованиями. Начиная с конца XIX в., особенно после выхода в свет статьи Н.И.Ильминского «О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками» (1865), многие ученые, поверив в правильности рассуждения Н.И.Ильминского о чувашеподобности болгарского языка, все чувашские заимствования в финно-угорских языках автоматически начали считать болгарскими. Как мы до сих пор доказывали и будем еще доказывать, болгарский язык в узком смысле этого слова характеризовался особенностями западного — мишарского диалекта татарского языка, в широком смысле слова ему были свойственны особенности языка тюркоязычного населения Волжской Булгарии, который был близок к современному татарскому языку. Поэтому попытки отнести чувашизмы в финно-угорских языках к болгарскому языку также оказались неудачными.

§ 104. Неудачные попытки определить болгаро-чувашские заимствования в русском языке. Булгаро-чувашская концепция дошла и до русистов. Поверив в ее правильность, некоторые русисты начали искать чувашизмы среди болгарских заимствований в русском языке. Так, в 1918 году А.А.Шахматов и тюрколог А.Н.Самойлович в одном и том же сборнике выпустили свои статьи, посвященные доказательству правильности булгаро-чувашской концепции. Они оба обращают внимание на слово *турун* 'праправнук', 'распорядитель', которое встречается в русских летописях и которое, по их мнению, преобразовано от слова *тудун* 'распорядитель', где [д] чередуется звуком [р], следовательно, говорят они, здесь налицо явление ротацизма, т.е. особенность чувашского типа.

Древнетюркское слово *тудун* хотя и применяется как 'распорядитель', но основное его исходное значение было 'родственник'. Надо полагать, что распорядителями были родственники беков, ханов и т.д. То, что *турун* не является про-

стым чувашезированным вариантом слова *тудун*, доказывает-ся наличием таких диалектных слов, как *тудыка* — двоюродные братья или сестры, *тумачи* — троюродные, *торачи* — четвертая степень родства. *Торачи* и *турун* восходят к слову *түрәү* 'родить', которое отмечено в темниковском говоре западного диалекта и на территории Пензенской области [Махмутова Л.Т., 1972, 229]. Таким образом, слова *тудун* и *турун* уже на уровне корня-глагола совпадают (*туу*, *түрәү* 'родить'), поэтому считать, что *турун* происходит от слова *тудун* путем ротацизма, нет оснований.

Домонгольские болгарские заимствования в русском языке подробно изучены И.И.Назаровым. Среди этих заимствований нет ни одного слова с чувашскими особенностями, т.е. с признаками ротацизма. Проанализировав домонгольские тюркские заимствования в русском языке, И.И.Назаров приходит к выводу о близости болгарского, хазарского и кыпчакского языков. Одновременно он заключает, что болгары и казанцы говорили на одном и том же языке [Назаров И.И., 1958, 239]. В доказательство этого положения автор приводит следующие примеры.

1. Названия лиц по их месту в обществе: *аталык*, *алпаут*, *амин*, *баскак*, *бураложник* (от слова *боер* 'прикажи'), *баш*, *имильдеши* (родственники, вскормленные одной материнской грудью), *куштан*, *калга*, *киличей* (посол), *карачи* (высшая знать), *сунч*, *сеунчуй*, *сенунщик* (посол, гонец), *тафейник* (изготовитель тафии — головного убора), *улан*, *улубей* (великий), *ясаул*, *чеуш* (ординарец), *чага* (дитя) [Назаров И.И., 1958, 250—256].

2. Термины торговли: *алтын*, *асмачей*, *башмак*, *батман*, *деньги*, *куман*, *капторга* (застежка), *тесьма*, *таган*, *шалаш* [там же, 256—260].

3. Термины военного дела: *батырлык*, *ертаул* (отряд в разведке), *сайдак*, *сагадак*, *тюфяк* [там же, 261—262].

4. Термины строительства: *сал*, *кош*, *шатры*, *чечень* (плетень), *чулан* [там же, 263—264].

5. Названия, связанные с лошастью: *аргамак*, *игренка*, *игрен*, *чик*, *буланий*, *карий*, *чалый*, *тебенек* [там же, 265—267].

6. Названия, относящиеся к животным и растениям: *корсак*, *барс*, *зилан*, *изюм*, *кичири* (морковь), *сарана* [там же, 267—269].

7. Виды одежды: *кафтан*, *колпак*, *кушак*, *чичак* (головной убор девушки), *японча* (от слова *япма* 'покрывало') [там же, 269—270].

8. Слова, связанные с религией: *амир*, *басма*, *кафиры*, *байрам*, *баграм*, *дени* (вера), *курбан*, *курань* (коран), *мечеть*, *намаз*, *мусульманский*, *бесерменский* [Назаров И.И., 1958, 270—273].

Как видно, болгарский язык, оказавший влияние на русский, был языком общотюркским.

В 1976 году Е.Н.Шипова выпустила «Словарь тюркизмов в русском языке», в котором собрано около двух тысяч тюркских заимствований, принятых из аварского, хозарского, болгарского и др. языков. Из них она выделяет 15—20 слов, заимствованных из чувашского языка: *кереметь* 'дух зла', 'божница', *кашпа* 'головной убор у чув. женщины', *нашмак* 'головной убор', *серьга* 'кольцо', *хирка* 'девочка', *чуклеть* 'приносить жертву', *шаркома* 'женское украшение', *шарпан* 'узкий чув. холст', *ширтан* 'чув. еда', *шура* 'вязкая чистая глина', *яшка* 'чув. похлебка'. Здесь обращаем внимание на то, что среди приведенных примеров нет явления ротацизма.

«Словарь» Е.Н.Шиповой еще раз доказывает, что вокруг русских жили тюркские племена, говорившие на общотюркском языке. Если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то и в русском обязательно было бы много чувашеподобных заимствований.

§ 105. Начало системного изучения болгарской эпиграфики. Разоблачение ошибок Ашмарина и его последователей стало возможным лишь позже, благодаря исследованиям эпиграфистов Н.Ф.Калинина, Г.В.Юсупова и др. В частности, проф. Калинину принадлежит заслуга в сборе и систематизации большого количества болгаро-татарских надгробных памятников, которые он четко подразделил на две группы: тюркоязычные эпитафии назвал «памятниками 1-го стиля», а чувашеязычные — «памятниками 2-го стиля». Н.Ф.Калинину же принадлежит заслуга в составлении первого в истории каталога (альбома) болгаро-татарских эпитафий [Калинин Н.Ф., 1960]. Г.В.Юсупову принадлежит заслуга в составлении и публикации первой в истории капитальной монографии по болгаро-татарской эпиграфике [Юсупов Г.В., 1960].

В дело изучения языка надгробных памятников волжских болгар большой вклад внесли еще и Н.И.Воробьев, С.Е.Малов, А.Б.Булатов, А.Рона-Таш, С.Фодор, О.Прицак, Ф.С.Хакимзянов (1987), Д.Г.Мухаметшин (1987), Т.Текин, М.З.Закиев (1977) и др. В работах этих авторов мы находим различные толкования лексических единиц памятников как 1-го, так и 2-го стиля и различные отношения к болгаро-татарской и болгаро-чувашской теориям.

В 60-х годах XX в. окончательно прояснилось, что единой болгарской эпиграфики действительно не существует, что есть два типа разноязычных мусульманских эпитафий, из которых одни написаны на обычном тюркском языке, а другие — на чувашеподобном языке.

Надгробные памятники 1-го стиля наиболее хорошо изучены и представляют собой типичные мусульманские надгробные стелы с богатой орнаментовкой и изящно оформленной арабской надписью. Верхние кромки этих стел, как правило, закруглены или же килевидно заострены, как это делалось и в других мусульманских странах. Орнаменты и надписи на них вырезаны рельефно, в виде выступов, и тщательно заглавированы. Буквы выведены затейливым почерком сульс и насх. Всего таких памятников обнаружено около 150 экземпляров. Распространены они в основном на территории Татарской Республики, но отдельные экземпляры найдены также в Башкортостане, в Ульяновской, Самарской и Оренбургской областях, т.е. на огромной территории бывшей Волжской Булгарии. Судя по их датировке, памятники такие существовали очень долго. Один из ранних памятников данного стиля, обнаруженный на пороге церкви села Ямбухтино Татарстана и описанный Ахмеровым, датирован 1244 годом [Ахмеров Г., 1909, 125]. Еще более ранний памятник из Билярска, описанный Н.П.Рычковым, но не сохранившийся до наших дней, датирован 1173 годом и также относился, по-видимому, к 1-му стилю, так как датировки надгробий 2-го стиля, написанные на языке, до Фейзханова (1863 г.) обычно не расшифровывались.

В эпоху Золотой Орды памятники эти существовали параллельно с вновь появившимися памятниками 2-го стиля, а затем продолжали бытовать и в эпоху Казанского ханства и позже.

Надписи на этих памятниках сделаны на обычнотюркском. В них сначала приводится молитвенная формула на арабском языке, затем следует имя погребенного с указанием его родословной, званий и земных заслуг, а в конце приводится дата смерти. Эти сведения написаны на обычном тюркском языке. Например: *...Fatima-elci binte Ajüb ibn Mäçkä ibn Junus äI-Bolğari jegermi iki jaşında vafat boldy... hiçrätdän jete jüz unberdä...* «Фатималчи дочь Аюпа сына Мэчкэ сына Юсуфа Булгарского скончалась в 22 года... по хиджри в 711 году...» (т.е. в 1311 году). Вот еще пример: *...ğalimlearni tärbia qylğan häm alarny sügän mäscitläär ğyjmarät qyjlgan...tamğacy Ibrahim as-Suari vafat bulğan, bu — tarih jeti jüz un türtençedä, cumadi... ajynyñ un altynçy köni irdi...* «...содержатель и любящий ученых, строитель мечетей, сборщик пошлин Ибрагим ас-Суари скончался, это было в 714 году истории в месяц джумади четвертого числа...» (в 1314 году).

В этих эпитафиях мы встречаем собственно булгарские тахаллусы (*ал-Болғари и ас-Суари*), а имена погребенных, включая имена их отцов и дедов, почти все являются мусульманскими. Язык памятников обычнотюркский, на основе которого сформировался затем булгаро-татарский национальный язык.

Памятники 2-го стиля представляют собой небольшие надгробные плиты, размером примерно 120x60 см, имеющие обычно грубую внешнюю отделку и короткие надписи. Они сделаны не рельефными, а врезанными в камень буквами. Кроме того, в отличие от памятников 1-го стиля, памятники эти имеют форму прямоугольника (без заостренного верха), чем напоминают древние чувашские языческие надгробия. Однако, если чувашские каменные надгробия имели на лицевой стороне лишь традиционные выемки и тамгу погребенного, то для памятников 2-го стиля характерны арабская надпись и несложный орнамент. Чтобы придать такой прямоугольной плите вид мусульманского надгробия с острым верхом, у ее верхней кромки с лицевой стороны рисовали так называемую «арку с плечиками», т.е. снимали фаску по углам плиты выше дугообразно проведенной линии, и тем самым передняя плоскость плиты обретала как бы заостренный верх и вид михраба древних мечетей, хотя задняя сторона ее оставалась прямоугольной. Ниже такой арки вырезали несложный орнамент в виде восьмилепесткового цветка ромашки, а текст

эпитафии писались под орнаментом. Надписи делали всегда угловатым почерком куфи или полукуфи.

Как по своей внешней форме, так и по тексту эпитафий, памятники не имеют аналогов в остальном мусульманском мире, кроме как в Дагестане. Существовали они весьма недолго: в эпоху болгарского ханства их еще не было, и появились они уже после нашествия монголов: самый ранний памятник датирован 1281 годом и самый поздний 1361 годом, после чего они внезапно исчезли и больше не появлялись.

Несмотря на такое кратковременное существование, было изготовлено их очень много (описано более 200 экземпляров), что намного превышает количество одновременно изготовленных памятников 1-го стиля. Наибольшее количество их было изготовлено в 1313—1342 годах, т.е. в дни царствования золотоордынского хана Узбека.

Распространены они на небольшой территории, в радиусе около 150—200 км вокруг низовьев Камы, а на дальних окраинах Булгарии и в других улусах Золотой Орды они не обнаружены. Находятся они, как правило, на татарских кладбищах или вблизи татарских селений, а в чувашских селениях и на территории Чувашии не обнаружены, за исключением трех пограничных с Татарстаном селений (Байглычево, Байтеряково, Полевые Бикшики).

Характерно, что территориально они не изолированы от памятников 1-го стиля: в одних и тех же селениях, на одних и тех же кладбищах обнаружены памятники как 1-го, так и 2-го стиля: были даже случаи, когда на могиле отца находился памятник 1-го стиля, а на могиле его сына — памятник 2-го стиля.

Особо следует сказать о языке этих эпитафий. Все они написаны на смешанном арабо-болгаро-чувашеподобном языке: сперва приводится какой-нибудь аят из Корана на арабском языке, затем следует имя и отчество погребенного (притом имена погребенных как правило, мусульманские, а отчества зачастую тюркские, т. е. языческие); болгарских тахаллусов «ал-Булгари», «ас-Сувари» не имеется; в конце эпитафий на тюрко-чувашском языке приводится дата смерти. Например: *Al-xökmü li-l-lahi-l-gäljij-l-käbiri. İljas auli İsmägil auli Möxämmäd bälükü. Raxmätü-l-lähi galaihi raxmätän vasigätän. Tarix ceti cur altysy cal zu-l-qa-gidä ajxy işna äci. Ćarimsän syvna barsa v(i)lti.* «Суд бога всевышнего,

великого. Памятник Мухаммеда, сына Исмагила, сына Ильяса. Милостью бога всевышнего, безграничного, по летосчислению в семьсот шестом году, в месяце зульткагида свершилось. Умер, отправившись на реку Черемшан». Притом последняя фраза «Умер, отправившись на реку Черемшан» написана почти на чувашском языке и соответствует нынешнему выражению: «Черемшан шывне пырса вилче».

Поскольку такие чувашеязычные части эпитафий крайне лаконичны, лексический состав их весьма не богат. Среди типичных чувашизмов часто повторяются слова: *cal* 'год', *ajx* 'месяц', *ärnä* 'неделя', *ärnäköñ* 'пятница', *kici-ärnäköñ* 'четверг', *xankön* 'среда' *xys-kön* 'воскресенье'(?), *ärnäbaš-kön* 'понедельник' (?), *baluk* 'памятник', *šyv* 'вода', *jal* 'селение', *išnä* 'внутри', *mün* 'большой', *böçök* 'маленький', *ašli* 'старший', *ačkä* 'отец', *küköca* 'дед по матери', *oyl* или *yul* 'сын', *xir* или *hir* 'дочь', *hirxum* 'невольница', *vec* 'три', *tuat* 'четыре', *bial* или *bel* 'пять', *ceti* 'семь', *säkär* 'восемь', *toxr* или *toxyr* 'девять', *von* 'десять', *ciarm* 'двадцать', *otyr* 'тридцать', *xuryx* 'сорок', *säkärvon* 'восемьдесят', *toxyrvon* 'девяносто', *çur* 'сто', *cet-cur* 'семьсот', *tuatm* 'четвертый', *bialm* 'пятый', *çiarmins* 'двадцатый' и т.д. Из примеров уже видно, что язык этих эпитафий, как и чувашский язык, отличался, во-первых, ротацизмом, то есть закономерным замещением з — р в ауслауте и инлауте (вместо *adna* употреблялось *arna* 'неделя', вместо *sakiz* — *sakar* 'восемь', вместо *toguz* — *toxyr* 'девять', вместо *çuz* — *çor* 'сто' и т.д.); и, во-вторых, отличался ламбдаизмом, то есть замещением ш — л: вместо *biš* употреблялось *bel* 'пять', вместо *ešik* употреблялось *elik* 'дверь' и т.д. Иными словами, если язык эпитафий 1-го стиля, как и все прочие тюркские языки был з-ш-языком (сокращенно з-языком), то язык эпитафий 2-го стиля, как и чувашский, был р-л-языком (сокращенно — р-языком). Кроме того, языку эпитафий 2-го стиля, как и чувашскому, были присущи и другие особенности монгольских языков. В частности, в нем, как и в монгольском, отсутствовали анлаутные k, q; поэтому вместо *quyuq* употреблялось *xuryx* 'сорок', вместо *kuz* употреблялось *xir* 'дочь' и т.д.

§ 106. Сравнительное изучение лексического состава болгарской эпиграфики 2-го стиля с чувашским и болгаро-татарским языками. Как мы уже поняли, тюркский язык эпитафии 1-го стиля болгаро-чувашисты и татаро-татаристы отно-

сят к татарскому языку, привнесенному, по их мнению, извне монголо-татарскими завоевателями, а болгаро-татаристы — к болгарскому языку, переросшему затем в современный татарский язык. Тюркский язык эпитафии 2-го стиля болгаро-чувашисты и татаро-татаристы считают чувашеподобным болгарским языком, а болгаро-татаристы — смешанным болгаро-чувашским языком, которым пользовались чуваша, находящиеся из-за принятия ислама на стадии освоения болгарского языка вместо своего прежнего чувашского.

Сторонники болгаро-чувашской концепции для того, чтобы доказать чувашеязычность эпиграфики 2-го стиля все имеющиеся там тюркские слова сравнивают только с чувашским языком, «забывая» включить в орбиту сравнения и болгаро-татарский язык. Поэтому результаты анализа, проведенные ими, например, венгерскими лингвистами А.Рона-Ташем и С.Фодором [Рона-Таш А., 1973], а также турецким ученым Т.Текином [Текин Т., 1988], страдают односторонностью. Они приходят к заранее запрограммированному выводу о чувашеязычности болгарской эпиграфики 2-го стиля.

Наш нижеприведенный анализ лексического состава эпиграфики 2-го стиля основан на тюркских словах, приведенных в трудах А.Рона-Таша и С.Фодора, а также Талата Текина. Для сравнения с чувашским и татарским языками в их

п/п	Написано в эпитафии	Возможное прочтение	Татарский разговорный вариант	Чувашский вариант	Значение
1	2	3	4	5	6
1	احيرت	ахирәт	ахирәт	—	загробный мир, подруга
2	الطى	алты	алты	ултӑ	шесть
3	الطشى	алтышы (алтысы)	алтышы (алтысы)	улттӑ улттамӑш	шестой
4	ايح	айхы	ай (айгы)	уйӑх	в месяце
5	اول	ыулы (äwli) ¹	ыулы	ывӑле	его сын

¹ В скобках латинскими буквами дается транскрипция А.Рона-Таша и С.Фодора, в основном заимствованная ими у Г.В.Юсупова.

1	2	3	4	5	6
6	باطوی	былтыйы (<i>baltuwi</i>)	былд ^т ыйы	пулнă (<i>пулде</i>)	был
7	باقی	бакый	бакый	—	вечный
8	باطوی	баттыйы (<i>batuwi</i>)	баттыйы	путнă (<i>путрĕ</i>)	утонул
9	بلج	блеже	бишенче	пиллĕкмĕш	пятый
10	باوی ک	белүе ки	белүе ки	палăк	знак это
11	برو	берү (<i>берәү</i>)	бере(нче)	пĕр (<i>пĕрре</i>)	первый
12	برج	береже	беренче	пĕрремĕш	первый
13	بیالم	биалем	бишенче	пиллĕкмĕш	пятый
14	دنیدان	дөнъядан (<i>dunyağan</i>)	дөнъядан	(<i>тĕнче</i>) ран	из мира
15	اک	ике	ике	иккĕ	два
16	اکشی	икеше	икенче	иккĕмĕш	второй
17	الو (ال)	(илле) элү	илле	аллă	пятьдесят
18	اج - ات	иже-ите	ийе-иде	-чĕ	(показ. прош. вр.)
19	فانی	фани	фани	—	тленный, бранный
20	ھیجرت	хижрăт	хижрăт	—	мусульман. летосчис- лен.
21	ھیر (حیر)	хир	кыз (<i>хур</i>)	хĕр	дочь, гурия (святая)
22	حرح	хырх	кырык	хĕрĕх	сорок
23	ھیر حوم	хирхум	кыркын	хăрхăм	невольница
24	ایرنی	эрне	атна (<i>эднă</i>)	эрне	неделя
25	جال	жыл (<i>жал</i>)	жыл	çул	год
26	حیرم	жиерем	жегерем	çирĕм	двадцать
27	حیرمشی	жиермеше	жиерменче	çирĕммĕш	двадцатый

1	2	3	4	5	6
28	حيات	жиете	жид ^{те}	çичё	семь
29	حياتشى	жетеше	жид ^{тенче}	çиччёмёш	седьмой
30	حور	жүр (жөд)	жөз (жөд)	çёр	сто
31	كوجدوى	күчдөйе (kücrüwi)	күчте ийе	куснё	переселился было
32	كوان	куэн (көн)	көн	кун	день
33	محرم	мөхәррәм	мөхәррәм	—	назв. 1-го лун. мес.
34	رجب	рәжәп	рәжәп	—	назв. 7-го месяца
35	رمضان	рамазан	рамазан	—	назв. 9-го месяца
36	سفر	сәфәр	сәфәр	—	назв. 2-го месяца
37	سكر	сәкр, сәкд	сигед	саккәр	восемь
38	تاريخ	тарих	тарих	—	время, история
39	تندوى	тындыйы (tinruwi)	тындыйы	тәннё (тәнрё)	успокоился, скончался было
40	طوحر	тухр	тугыд	тәхәр	девять
41	تواتم	туатм	дүртенче	тәваттә- мёш	четвертый
42	وفات	вафат	вафат	—	смерть
43	وان	вын	вын	вун	десять
44	وانم	выным	вынынчы	вуннәмёш	десятый
45	وجم	шәм	өченче	виççёмёш	третий
46	وטר	утр (утыд)	утыз (утыд)	вәтәр	тридцать
47	زيرت	зиарат	зиярат	—	кладбище, могила
48	الاه رحمت	алла рәхмәте	алла рәхмәте	—	милость божья
49	انشا الاه	инша алла	инша алла	—	бог даст
50	بسم الاه	бисмилла	бисмилла	—	с именем аллаха

трудах можно выделить 50 тюркских слов и арабских заимствований, в той или иной степени сохранившихся в чувашском и татарском языках.

Сравнение тюркского лексического состава с татарским и чувашским языками представлено в нижеследующей таблице.

Для того чтобы доказать близость языка эпитафии к чувашскому языку, обычно берутся только те эпитафии, которые могут иметь какое-то отношение к соответствующим чувашским лексемам. Кроме того, из сферы сравнения обычно исключают татарский (особенно разговорный) язык, который сформировался на территории Булгарского государства и имеет непосредственное отношение к языку болгарской эпитафии. В лучшем случае включают или древнетюркский язык, или тюркский литературный язык, привнесенный в Поволжье из Караханидского государства, которые вряд ли могли иметь непосредственное отношение к языку эпитафии. Такой методики исследования, введенной в свое время Н.И.Ашмариним, придерживаются все сторонники болгаро-чувашской теории. С учетом этого в таблицу для сравнения включены слова татарского разговорного языка. Кроме того, мы дали новые варианты чтения некоторых слов, совпадающих с татарскими диалектными словами. Однако в первый вариант сравнительного анализа мы включили общепринятое до сегодняшнего дня прочтение слов, исправляя лишь явно ошибочные. Первый вариант лексического анализа выглядит так:

1. 15 заимствованных из арабского языка слов эпитафии вошли в словарный фонд татарского языка, активно применялись в старотатарском и применяются в современном татарском языке, проникли даже в разговорный язык. Если бы чувашский язык представлял собой продолжение болгарского, то в нем сохранилось бы хоть одно из этих заимствований.

2. Все другие слова тюркского корня в той или иной форме можно найти как в татарском, так и в чувашском языках, кроме, пожалуй, двух: *блеже* (пятый), *туатм* (четвертый). Этих корней в таком значении в татарском языке нет. Корень слова *блеже* сохранился в слове *белэк* (рука). Корень второго слова *туатм* восходит, вероятно, к слову *дурт*, получившему значительное изменение в бесписменной диалектной речи. Как бы то ни было, эти два слова сохранились более отчетливо в чувашском языке.

3. 22 слова, сохранившиеся как в татарском, так и в чувашском языках, по фонетическому облику значительно ближе к их татарским разговорным соответствиям: *алты, алтышы, улы, былтыйы (булды ийе), баттыйы, белүе ки, берү, береже, ике, икеше, ите (иже/ийе), жал (жыл), жиерме, жиермеше, жите, житеше, күчдейе, көн, тындыйы, уын, уыным, үжем (өчөм).*

4. 11 слов, сохранившихся как в чувашском, так и в татарском языках, по фонетическому облику значительно ближе к их чувашским эквивалентам: *айхы, бизлем, эллү, хырых, һирхум, сэкр, тухр, жур, утыр, ирне, һир.*

Таким образом, первый вариант лексического анализа приведенных слов дает следующую картину. Сохранились только в татарском языке — 30 процентов, только в чувашском — 4 процента слов. Остальные 66 процентов слов наблюдаются в обоих языках, однако 2/3 из них значительно ближе к татарскому языку. В итоге, из 50 слов эпитафии тяготеют к татарскому языку — 74 процента, т.е. три четверти, к чувашскому — 26 процентов, т.е. всего четвертая часть. Это и естественно: анализ любого древнего тюркского текста может дать аналогичную картину, ибо татарский и чувашский языки являются тюркскими. Поэтому из анализа должен быть сделан вывод о близости языка эпитафии этой группы (2-го стиля) и татарскому общенародному (обычно-тюркскому) языку, и чувашскому. Мы можем говорить лишь о влиянии языка чувашского типа на язык эпитафии (2-го стиля). Такое влияние стало возможным, по-видимому, только из-за того, что мастерами-изготовителями надгробных камней служили чувашаи (суасламары), которые, будучи мусульманами, затем ассимилировались среди обычно-тюркоязычных булгар.

Окончательная ассимиляция чувашей-мусульман произошла где-то в 60-х годах XIV столетия, так как самый последний памятник, написанный на чувашеподобном языке, датировался 1361 годом. Притом исчез этот тип памятников весьма внезапно, что трудно объяснить лишь ассимиляционными процессами, поскольку лингвистические процессы в обществе не совершаются мгновенно. В 1361 году Булгарский улус был полностью разгромлен войсками золотоордынского князя Булат-Тимура, что и послужило, по-видимому, непосредственной причиной исчезновения традиций ортодоксов. Именно тогда

прекратилось производство каменных надгробий как первого, так и второго стиля. После этого лишь спустя двадцать лет, то есть в 1380-х годах, снова стали появляться каменные стелы, но уже смешанного типа и без чувашизмов. Очевидно, к тому времени новое поколение мастеров полностью утратило свой чувашский язык. Хотя отдельные представители чувашского народа переходили в ислам и после этого, но делали это уже не целыми общинами, а лишь поодиночке и притом заранее владея болгаро-татарским языком. Поэтому более поздние эпитафии писались исключительно только на болгаро-татарском или на арабском языках.

Таким образом, анализ языка болгарских эпитафий доказывает, что эта эпиграфика не может доказать адекватность болгаро-чувашской концепции.

§ 107. Неудачные попытки одобрения болгаро-чувашских штудий А.Рона-Таша некоторыми татарскими историками. Еще раз повторяю, венгерский ученый болгарскими считает только эпитафии 2-го стиля и язык их относит к чувашскому языку. Исходя из этого, он признает чувашей непосредственными потомками болгар, а татар — непосредственными потомками монголо-татарских завоевателей. В 1999 году А.Рона-Таш выпустил большую монографию на английском языке «Hungarians and Europa in the Early Middle Ages: An Introduction to Hungarian History» (Венгры и Европа в начале средних веков: Введение в историю Венгрии.—Будапешт, 1999.—566 с.). Этот труд заслуживает объективной оценки.

В книге М.Усманова «Гасырдан-гасырга» (Из века в век.—Казань, 2004.—488 с.) я обнаружил рецензию на этот труд А.Рона-Таша, написанную М.Усмановым и А.Арслановой: «Бер гыйбрэтле тарихи хезмэт хакында» [Усманов М., 2004, 45—69], где авторы пытаются дать оценку точке зрения А.Рона-Таша относительно чувашеязычности болгарской эпиграфики и об идентификации болгар с чувашами. Поскольку рецензенты никогда не занимались данными проблемами, постольку точка зрения А.Рона-Таша и его оппонента (в данном случае М.Закиева) описывается весьма запутанно и тенденциозно. Приведем целый абзац из рецензии М.Усманова и А.Арслановой.

Сүз уңаенда тагын бер мәсьәләгә тукталып узыйк. А.Рона-Ташның болгар теле үзенчәлекләренә карата элек тә

айткән элге фикерләре кайбер тел белгечләренең (мәсәлән М.З.Зәкиевнең) кискен рәвештә каршы чыгуына очраган иде. Фикер белән килешергә теләмәү бер нәрсә, ләкин болгар эпитафияләренең бер өлешендәге чуашчага якынрак элементларың реальгә бөтенләй икенче нәрсә. Мондый сыйфатларны беринди «югарыдан төшкән» күрсәтмәләр яисә төрлечә тартып-сузулар белән дә үзгәртеп булмады хәзергә һәм булма та кебек. Заманында татар кешесе Хөсәен Фәйзханов тарафыннан ачылган, соңрак күпчелек компетентлы лингвистлар тарафыннан кабул ителгән караш киләчәктә дә аерым шәхесләренең ихтыярларына (теләү-теләмәүләренә) буйсынмас шикелле. Болгарчыларың бер бәласе, фикеребезчә, Болгар дәүләтендәге халыкларың һәммәсе дә бер генә диалектта сөйләшкән кавемнән булган дип, тар карашлы позициядә торулары белән аңлатылса кирәк. А.Рона-Таш исә, күргәнебезчә, реаль чынбарлыкка төртеп күрсәтә торган конкрет фактлар нигезендә мәсьәләгә киңрәк карап фикер йөртә — бер дәүләт эчендә төрле диалектларда сөйләшкән кардәш кавемнәр булу идеясен алга сөрә... Ниһаять, шуны да өстәргә кирәк: язма чыганаclar да, археологик истәлекләр дә, антропологик материаллар да ачык күрсәткәнчә, Идел-Кама Болгар дәүләте күп этнослы, ягъни, хәзергечә әйтсәк, күпмилләтле дәүләт булган. Шуңа күрә «болгар мирасы» өчен талашып, ызгышып ятуның мәгънәсе бик чамалы. Чын гыйльми бәхәс исә реальгә расланган фактлар нигезендә булырга тиеш... [Усманов М., 2004, 53].

Необходимо прямо сказать, что здесь чувствуется стиль М.Усманова, который ближе к художественному, чем к научному. И в других статьях он сначала придумывает себе оппонентов, к сожалению, не называя их и не указывая на источники их мнений. В очень редких случаях он называет фамилию своего оппонента, не указывая источник, искажает его мысли, затем с серьезным видом начинает излагать свои якобы обоснованные мысли против вымышленных мнений оппонентов. Хотя такой стиль для живости изложения в художественных произведениях иногда и допускается, но совершенно противопоказан научному изложению. В вышеприведенном отрывке рецензии М.Усманова и А.Арслановой мы наблюдаем это весьма отчетливо.

Здесь сначала речь идет о том, что М.Закиев еще раньше подвергал резкой критике мнение А.Рона-Таша об особенностях болгарского языка. В языке некоторой части болгарской эпиграфики А.Рона-Таш обнаружил чувашские элементы, а М.Закиев якобы отрицал наличие их в этих памятниках. В каком своем труде М.Закиев говорил об этом, в рецензии источник не указан. В действительности же М.Закиев в своих трудах даже перечислял чувашские слова, выводил их проценты из общей массы лексических единиц болгарской эпиграфики. Наличие или отсутствие чувашских слов в болгарской эпиграфике никогда не было предметом спора между А.Рона-Ташем и М.Закиевым. Это — выдумка рецензентов.

Следующая выдумка М.Усманова и А.Арслановой заключается в том, что А.Рона-Таш, находя чувашские элементы в болгарской эпиграфике, хотел доказать якобы многодиалектность народа Болгарского государства, т.е. якобы наряду с обычным болгаро-тюркским признавал наличие чувашеязычного диалекта. Рецензенты просто не поняли А.Рона-Таша. Ведь он во всех своих трудах полагал, что у болгар не было обычного тюркского языка, что болгары говорили только на чувашеподобном языке. Кроме того, рецензентам надо было понять то, что чувашский язык не может выступать диалектом общотюркского языка! Это — разные языки, а не диалекты. Рецензенты утверждают, что болгаристы вроде М.Закиева из-за узости своих взглядов представляют народ Болгарского государства «однодиалектным», т.е. они отрицают многонациональность болгар, а вот А.Рона Таш, по их мнению, в этом вопросе поступил якобы правильно.

Как уже было сказано, А.Рона-Таш никогда не ставил своей целью показать многодиалектность болгар, у него одна цель — доказать, что к болгарам относятся лишь памятники 2-го стиля, что они написаны якобы только на чисто чувашском языке, что болгары были однодиалектными, т.е. только чувашеязычными, что потомками болгар являются чувашаи. Свою ошибочную установку доказать чувашеязычность болгар А.Рона-Таш излагает не только в своих вышеупомянутых двух монографиях (изданных в 1973 и 1999 годах), но и в других работах. Так, в статье «Периодизация и источники истории чувашского языка» (стр. 113—169 в сборнике науч-

ных трудов «Chuvash studies» / Ed. by Rona Tas A.—Budapest: Akad. Kiado, 1982.— 306 p.) А.Рона-Таш выделяет четыре периода в истории чувашского (?) языка: древнебулгарский, старобулгарский, среднебулгарский и новобулгарский. По его мнению, среднебулгарский период начинается со времени краха Волжской Булгарии и характеризуется интенсивными этническими процессами: часть болгар подверглась татаризации, другая часть вступила в тесные контакты с финно-уграми. Новобулгарский период это, по другому названию автора, — чувашский период. Данное мнение наверняка повторяется и в его монографии, оно по душе М.Усманову и А.Арслановой. Далее, в своих нескольких статьях, опубликованных в другом сборнике научных трудов «Studies in Chuvash etymology» (Ed. by Rona-Tas. A.—Szeged, 1982.—240 p.), А.Рона-Таш пытается находить в татарском языке слова волжско-булгарского происхождения и объясняет их при помощи чувашского языка. В его статьях красной нитью проходит идея отождествления болгар с чувашами, а татар — с завоевателями края — монголо-татарами. Эту мысль он излагает и в своих монографиях, в том числе и в книге, рецензируемой М.Усмановым и А.Арслановой. Мы уже знаем, что рецензенты полностью согласны с таким мнением А.Рона-Таша, не только согласны, но и старательно защищают его от тех, кто не согласен с А.Рона-Ташем.

Необходимо напомнить о том, что не болгаристы, а именно ордынцы до сих пор стараются показать болгар незначительной народностью, недостойной быть предшественницей «великих» татар. По их мнению, именно потому, что болгары были мелкой односоставной народностью, Сталин и компартия навязали их татарам.

М.Закиев, выступая против современных татарских ордынцев вроде М.Усманова, многочисленными данными доказал, что болгары в болгарском государстве были титульной народностью, и все те племена, которые вошли в состав этого государства, за три столетия постепенно обугарились. К таким он относит племена со следующими этнонимами: *ас/яс, суас, буртас, остяк/иштяк, сөн, кусөн/касан, савир/сабир, авар, угор, утригур, бигер/бияр, кунгур, мишар, курук, паскарт* и др. [Закиев М.З., 1998, 235—307]. Обугарилась и часть чувашей,

финно-угров, которые остались непосредственно в составе болгар и приняли ислам.

Рецензенты труда А.Рона-Таша здесь преднамеренно искажают мнения и А.Рона-Таша и М.Закиева. Такое преднамеренное искажение мнений своих оппонентов и стремление таким образом показать свою правоту называют обычно профанацией науки.

Всем тюркологам, более или менее знакомым с проблемами болгарской эпиграфики, известны и не вызывают никаких споров вопросы о наличии чувашских элементов в языке болгарской эпиграфики, а также о многоэтничности болгарского народа. Вряд ли А.Рона-Таш в своей новой книге уделил внимание этим вопросам. Поэтому рецензенты, якобы защищая позиции А.Рона-Таша по этим вопросам, оказали ему лишь медвежью услугу.

На самом деле суть разногласий между А.Рона-Ташем и М.Закиевым в оценке болгарской эпиграфики заключается в том, что А.Рона-Таш на основе изучения языка лишь второго стиля болгарской эпиграфики считает, что болгары говорили на чувашеподобном языке, потомками болгар являются чувашши; а М.Закиев на основе изучения обоих стилей болгарской эпиграфики приходит к выводу, что язык первого стиля является болгарским, а второго стиля — это язык самих чувашей-мусульман, находящихся на стадии принятия болгарского языка вместо своего прежнего чувашского языка. Это мнение принадлежит не только М.Закиеву, так думали В.В.Радлов, Г.Ахмеров, Н.Ф.Катанов, Г.Газиз, Г.Рахим, К.Мусаев, Г.Саттаров, А.Мухаммадиев и др.

Если бы М.Усманов когда-то хоть поверхностно занимался данными проблемами, он и А.Арсланова поняли бы суть проблемы. Тогда они могли бы исходить из общепринятого принципа «Платон мне друг, но истина дороже». На самом деле получилось так, что «Рона-Таш мне друг, поэтому на истину наплевать».

Рецензенты здесь критикуют М.Закиева за то, что он якобы против многодиалектности болгар, тогда как сам М.Закиев в своих трудах лучше и доходчивее рецензентов доказывает многодиалектность болгар. Так рецензенты, находясь на позициях М.Закиева ведут ожесточенную борьбу против его же несуществующих взглядов. Если бы они поняли суть воп-

роса, поднятого А.Рона-Ташем и М.Закиевым, то им не пришлось бы «сражаться с ветряными мельницами, принимая их за великанов».

Удивляет нас нелогичный вывод авторов рецензии. По их мнению, поскольку болгарский народ был многоэтничным, постольку нет смысла спорить о том, кому принадлежит «болгарское наследие». Следовательно, нашим рецензентам безразлично, принадлежит ли «болгарское наследие» татарам, чувашам, башкирам, удмуртам или марийцам и т.д. Их вполне устраивает учение А.Рона-Таша, на основе которого многие чувашские ученые «болгарское наследие» полностью приписывают себе, а татар считают остатками монголо-татарских завоевателей. Если эту теорию считать обоснованной, как это признают М.Усманов и А.Арсланова, то остается только одно: полностью встать на позиции А.Рона-Таша и болгар вообще убрать из татарской истории, передать все болгарское чувашскому этносу.

К сведению М.Усманова и А.Арслановой, а также самого А.Рона-Таша, повторяясь, скажу: если бы надгробные памятники второго стиля написали сами якобы чувашезычные болгары, если поэтому чувашаи были непосредственными потомками болгар, то все этнические особенности болгар сохранились бы у чувашей, как всем ясно, у последних их нет, а сохранились они у татар. Это не учитывается ни А.Рона-Ташем, ни его рецензентами. А вот сами чувашские ученые на это обратили внимание и отказались от признания своими предками болгар-мусульман. В Чувашской энциклопедии пришли к заключению, что «чувашский этнос сформировался на базе не принявшего ислам земледельческого болгарского населения, расселившегося на Правобережье Волги..., частично ассимилировавшего финно-угров на севере Чувашии» [Краткая чувашская энциклопедия, 2001, 465]. В то же время в другой статье отмечается, что «Чувашский язык... относится к болгарской группе тюркской языковой семьи и представляет собой единственный живой язык этой группы [Краткая чувашская энциклопедия, 2001, 486]. Таким образом, чего добивался А.Рона-Таш в своих исследованиях, полностью принято чувашскими учеными и рецензентами книги А.Рона-Таша.

Не надо забывать, что чувашаи представляли собой финно-угров, называемых *веда*. И миссионерский съезд 1910 года пришел к выводу о первоначальном родстве чувашей-язычников и финно-угорских племен [Шарафутдинов Д.Р., 2005, 67]. Финно-угрозязычные веда тесно общались с тюркоязычными суасами, приняли от них тюркский язык и этноним *суас/чувашаи*. При исследовании чувашской проблемы, не учитывать этого также нельзя.

Таким образом, старания М.Усманова и А.Арслановой во что бы то ни стало защитить болгаро-чувашскую концепцию ученого А.Рона-Таша от принципиальной критики какого-то Закиева оказались лишь неудачными попытками понять суть проблемы этнической взаимосвязи болгар, татар и чувашей.

§ 108. Обычнотюркоязычность болгар доказывается еще тем, что арабы называли болгар тюркским этнонимом *сакалиба*. В 921 году царь сакалиба из племени болгар Алмас (Алмуш — неправильная транслитерация) сын Шилки просил Багдадского халифа направить в страну сакалиба посольство для официального принятия ислама с тем, чтобы освободиться от подчинения хазарам, принявшим иудейскую религию. В 922 году в страну сакалиба — Булгар — прибыло арабское посольство под руководством Сусан ар-Раси. Секретарем посольства был Ахмед Ибн-Фадлан, который вел подробные путевые записи и описание страны и народа сакалиба — болгар. В этих записях, которые изданы сейчас под названием «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана», страна и народ называются в основном термином *сакалиба*, а царь Алмас сын Шилки также представляется как царь сакалиба. Лишь по прибытии, после личного знакомства с Алмасом Шилки и после того, как он узнал о том, что еще до его прибытия Алмасу на минбаре произнесли хутбу: «О, Аллах! Сохрани царя Йылтуара (по А.Хайри: Белекир) — *царя болгар!*», и после того, как Алмас Шилки принял арабское имя Джагъфар, дал своему отцу имя Абдулла, Ибн-Фадлан, наконец, сам произнес хутбу: «О, Алла! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джагфара Ибн-Абдаллах, *повелителя [эмира] болгар, клиента повелителя правоверных*» [Ковалевский А.П., 1956, 132—133], лишь после всех этих церемоний Ибн-Фадлан объявляет Алмаса Шилки царем болгар. И далее при описании страны Ибн-Фадлан снова применяет выражение «царь сакалиба».

Этноним *сакалиба* представляет собой общее название так называемых «дотюркских» тюрков (т.е. тюрков, проживавших еще задолго до появления и распространения этнонима *тюрк*). Он образован по тюркской модели вторичных и третичных этнонимов из частей *сака+лы+ба*, где *сака/сак* — древнее общее название тюрков, *-лы* — этнониμοобразующий аффикс, *ба* — сокращенный вариант первичного тюркского этнонима *бай/ни/би/бек*.

Для ясности здесь повторим некоторые данные о тюркских первичных и вторичных этнонимах [см. §§ 37—42].

Саки в Евразии зафиксированы в связи с описанием Геродотом событий VII—V вв. до н.э. Саков он относит к скифам [VII, 64].

Тюркский ли этот этноним *сака/сак*? Да, в традиционной тюркологии и индоиранистике саки отнесены к ираноязычным племенам, и этноним *сака* считается иранским в смысле 'рога'. Но он сохранился среди тюркоязычных народов: *саха* — якуты, *казах* <*косак* <*кусак* 'белые саки', *хакас* <*һака+ас* <*сака+ас*, *кышсак* >*кыфсак* >*кыпсак* >*кыпчак* 'белые саки', поэтому тюркологи считают его первичным тюркским этнонимом.

Сакалы/сакали — вторичный тюркский этноним, образован при помощи этнониμοобразующего аффикса *-лы*. *Сакалы* — 'племя с саками'. *Сакалы* зафиксировано и в записях Геродота как общее название многих скифов в форме *сколот* [IV, 6], где последний звук [т] к карачай-балкарскому окончанию множественного числа *-та(р)/-ла(р)*, оставшаяся часть *сколо* восходит, по-видимому, к *сакалы*. Кроме того, Ибн-Фадлан отмечает, что среди болгар живет племя *зсклз*, по-видимому, это *сакалы*, но при редуцировании первого [а] перед [ск] неизбежно появляется редуцированный звук [а—ъ]: ср.: *скафандр* — тат. произн. *зскафандр*.

Этнониμοобразующий тюркский аффикс *-лы* имеет фонетический вариант *-ды*, при помощи которого на основе первичного этнонима *сака* образован вторичный этноним *сакады/сзкзды*, другое название *саков*. *Сзкзды* в результате перехода интердентального [д—th] в [ф], в старорусском языке начали произносить как *скиф*. Таким образом, *сакалы/сакали* — фактически скифы.

Но *сакалиба* — не просто скифы, а ‘богатые скифы’. Здесь *ба* представляет собой усеченный вариант первичного тюркского этнонима *бай/би/ни*.

Не случайно, Геродот упоминает саков рядом с каспиями и хорасмиями [III, 93]. Ведь этноним *каспи* — это тюркский этноним, обозначает *пиев/баев* среди скал (кас), хорасмии — также тюрки *хуар+ас+ым/суар+ас+ым* ‘мои асы суарские’. Кстати, этноним *бай* в усеченном виде представлен и в этнонимах *туба* ‘горные бай’, *бараба* ‘бай бары, т.е. бай, имеющие богатство’,

Таким образом, *сакалиба* — это тюркское название тюркоязычных царских скифов, т.е. ‘сакалы баев’. Арабы еще задолго до н.э. приняли этот этноним как общее название тюркоязычных народов, в том числе и обычнотюркоязычных болгар. Естественно, в различных регионах и ситуациях этноним *сакалиба* применялся в разных значениях.

§ 109. *Сакалиба* — белокурые люди, болгары — также. Если обратить внимание на сами арабские источники, то слово *саклаб* (в ед. числе) или *сакалиба* (во мн. ч.) обозначает белокурых или рыжеволосых людей, в них неизменно подчеркивается рыжий (или рыжеватый) цвет волос или красная (красноватая) окраска кожи лица у сакалиба [Бартольд В.В., 1963, 870]. В словаре Ашраф ибн Шараф ал-Музакир Алфаруги, составленном в 1404—1405 годах в Индии под названием «Даниш-наме-йи Кадар-хан» («Книга знаний Кадар-хана»), отмечается, что Саклаб (سقلاب) — это область в Туркестане, люди там белые [Баевский С.И., 1980, 87].

Для того, чтобы адекватно раскрыть значение этнонима *сакалиба*, применявшегося арабами в общем смысле «тюрк», означающего белолицых рыжеволосых людей, необходимо установить народ, людей, которые в то время называли себя и представлялись другим белолицыми или рыжеволосыми и в то же время жили вместе с известными тюркоязычными народами в таком тесном контакте, что приезжающие арабы и персы считали сакалиба и тюрков одним народом или одних рассматривали в составе других. Таким народом тогда, естественно, были *кыпчаки/кышсаки* ‘белые саки’. Вторичные этнонимы *кышсак* и *сакалиба* образованы на основе первичного этнонима *сак/сака*.

Слово *кыпчак* этимологически восходит к тюркскому *кзу-чак*, которое состоит из двух корней: *кзу* (*кзу/кзуб/кзуба*) 'рыжий', 'бледный', 'бело-рыжий', 'светлый', и *чак*, означающий *сак/чак* древнее название тюрков. Слово *кзу* применяется и в значении 'лебедь', по-другому *ак кош* 'белая птица'. *Куу* 'белый', 'белая птица' составляет другой этноним со словом *кижи/кеше* 'человек', *куукижи* 'белые люди', 'лебедицы'. Слово *кзу/куу* применяется первичным этнонимом *ман* в виде *куман/куманды*. Сравните еще: *ман* в слове *тюркман*. В Западной Европе вместо этнонима *кыпчак* применяется слово *куман*.

То, что *кзу* в этнониме *кзучак/кыпчак* (*кзуман*) имеет значение 'белый, рыжий, светловолосый', подтверждается еще и тем, что среди многих тюркских народов мы наблюдаем белых (желтых) и небелых (нежелтых). Так, в V—VI вв. на территории Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана *белые гунны*, которые иначе назывались *кусанами/ку-сюнами* или *эфталитами*, образовали государство. В истории известны *белые татары* и *черные татары*, *белые хазары* и *черные хазары*, *белые киргизы* и *другие киргизы*, *сары уйгуры* и др.

Итак, в составе тюрков были племена, которые называли себя светловолосыми, белыми. Далее мы увидим, что это были кыпчаки. На то, что этноним *кыпчак* обозначает белых, светлых (по-тюркски: *сары чэчле* 'желтоволосые'), ученые-тюркологи давно обратили внимание. Так венгерский ученый Ю.Немет еще в конце 30-х годов пришел к этому выводу. Он писал, что *бледно-желтые* наименования половцев являются калькой с их тюркских названий *куман* и *кун*, которые восходят к тюркскому прилагательному *кзу* (из более старого *кзуба*) 'бледный', 'желтый' [Добродомов И.Г., 1978, 116; Немет Ю., 1941, 99].

В тюркских языках белокуроый человек часто называется еще и *сары чэчле* 'желтоволосый'. Поэтому и неудивительно то, что кыпчаки имели и другой этноним от слова *сары* 'желтый'. «Западные половцы в древних русских источниках именовались *сорочинцами*, в чем отразилось название народа *сары*, который шел впереди народа *кзун*. (Впоследствии это название сблизилось и слилось с европейским названием мусульман *сарацины*)» [Добродомов И.Г., 1978, 123].

Следовательно, очень большая группа тюрков Восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана, Малой, Средней и Центральной Азии, Афганистана, Восточного Туркестана, Северо-Восточной Индии, имея свои местные собственные этнонимы, называли себя более общим этнонимом со значением «белолицые», «светло-желтые». Такими этнонимами выступали, прежде всего, слова *кзужикижи*, *кзуман*, *кзуманды*, *кзучак/кыфчак/кыпчак*. В этом смысле арабы применяли этноним *сакалиба*.

Самое главное, на что надо обратить внимание, это то, что эти племена сами прекрасно знали значение своего общего этнонима и другим народам представляли себя белолицыми, рыжеволосыми. В свою очередь, представители других народов тут же скалькировали этноним белолицых. По этому поводу И.Г.Добродомов пишет следующее: «Уже давно обращалось внимание на то, что половцы во многих языках обозначаются словами, производимыми от корней со значением желтый, бледный: рус. *половцы* (ср.: *половый*, устар.: *половой*); польск. (из чешск.) *plawci* (*Plawcy*, *Plawci*, *Plawci*); отсюда также венг. *Palycz(ok)*, взятое у восточных славян: нем. *Val(e)we(n)* (ср. совр. нем. *fahl* и *fabl* ‘блеклый’, ‘белесоватый’, ‘буланый’), латинизированные славянские формы *Falones*, *Phalagi*. Такое же значение имеет упоминаемое под 1050/51 г. в 75 главе „Истории” армянского автора Матвея Эдесского название народа *хартеш* (досл. ‘светлый’, ‘белесоватый’, ‘белокуроый’) [Добродомов И.Г., 1978, 108].

Из этой цитаты становится ясным то, что кыпчаки представляли себя русским, полякам, немцам, венграм, итальянцам и армянам белокурами людьми, и поэтому эти народы называли кыпчаков на своих языках «белокурами». Также они представляли себя «белокурами» китайцам и персам [Бартольд В.В., 1968, 408].

Для нашей темы очень важно, что кыпчаки представлялись «белокурами» еще и арабам, поэтому арабы, называя их тюркским этнонимом *сакалиба*, вкладывали в него значение ‘белолицые, светловолосые’ и отмечали их принадлежность к тюркам. Так, Абу Хамид ал-Гарнати сообщает, что в стране *сакалиба* он посетил город Гур Куман, где народ похож на тюрков, говорит по-тюркски, даже стрелу пускает по-тюркски [Добродомов И.Г., 1978, 128]. Тюркоязычность *сакалиба* под-

тверждается еще данными Заки Валиди Тоган [Валиди А.-З., 1981, XXXIV].

Таким образом, в арабских и персидских источниках тюркский этноним *сакалиба* применялся как синоним этнонима *кзуман* или *кыпчак* (*кзучак*). *Кыпчаками* 'белыми саками' называли всех северных тюрков, в том числе и болгар.

§ 110. Можно ли сакалиба считать безусловно славянами? Ведущие русские ученые-арабисты — В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский, Б.Н.Заходер и др. — отмечают, что арабские географы часто ошибались, смешивая сакалиба (по мнению арабистов, славян) с тюрками, киргизами, булгарами, хазарами. Если под арабским *сакалиба* понимать не славян, а саков-кыпчаков, то становится понятно, что ошибались не арабские и персидские географы-очевидцы, а русские исследователи арабских и персидских источников, переводя арабское слово *сакалиба* как 'славяне'.

По предположению В.В.Бартольда, этноним *сакалиба* (в ед. числе *саклаб*) заимствован арабами, вероятно, из греческого *склабои* или *склабенои*, которое означает славян [Бартольд В.В., 1963, 870], он же приводит вероятность другой этимологии: это из персидского *сек* 'собака' + *леб* 'губа' (Гардизи), эта этимология основана еще и на том, что сын Яфета Саклаб был вскормлен собачьим молоком [там же, 871]. Тут же В.В.Бартольд отмечает, что киргизы за их «рыжие волосы и белую кожу» названы отпрысками сакалиба... по видимому, славяне (т.е. сакалиба) были подданными болгар [там же]. Трудно представить то, что Ибн-Фадлан называет царя болгар Алмаса Шилки еще и царем подданных болгар, т.е. славян. Поэтому весьма сомнительно, что сакалиба — это славяне.

В 2002 году в Москве опубликована солидная книга Д.Е.Мишина «Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье», в которой автор на основе огромного количества источников приходит к выводу о том, что: 1) в мировой исламской литературе *сакалиба* применяется в основном к славянам; 2) в Машрике (Востоке) *сакалиба* появляется уже к середине VII в., что связано с переселениями балканских славян в византийскую Малую Азию; 3) первоначально под *сакалиба* понимали слуг, принадлежавших к народу *сакалиба*, по всей вероятности, к славянам; 4) невольники-*сакалиба* ввози-

лись в исламский мир из районов славяно-германского пограничья, из Руси через Волжскую Булгарию и Хорезм; 5) в первой трети XI в. слово *сакалиба* получило новое значение «евнух»; 6) в Машрике позже появились самые разные слуги-*сакалиба* — и евнухи, и неоскопленные слуги, и женщины; 7) в исламском мире слуги-*сакалиба* находились как при дворе, так и во владении частных лиц, иногда они выполняли различные естественные поручения и занимали важные государственные должности; 8) *сакалиба* испытывали на себе большое внимание исламской культуры, быстро выучивались арабскому языку, принимали ислам [Мишин Д.Е., 2002, 308—310].

Как видно из заключения, Д.Е.Мишин изучил *сакалиба* очень подробно, использовал почти все мировые источники, но не обращал должного внимания на доказательство *сакалиба* славянами, он больше доверял прежним исследованиям, в которых *сакалиба* «доказаны» безусловно славянами. К таким исследованиям относятся прежде всего собранные Б.Н.Заходером во втором томе его книги «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» сведения о *сакалиба*.

В целях выяснения вопроса, кем были *сакалиба*: славянами или тюрками (кыпчаками/кып+саками), проведем анализ свода Б.Н.Заходера, собранного им о *сакалиба*, по его выражению, о славянах. Слово *славяне* здесь заменено нами исходным словом *сакалиба*.

1) «От печенегов до *сакалиба* десять дней пути по лесам и трудным дорогам. *Сакалиба* народ многочисленный, живут в лесах по равнине. У *сакалиба* город В.б.нит» [Заходер Б.Н., 1967, 109]. Эту особенность расселения *сакалиба* можно приписать как кыпчакам, так и славянам. Название города передается по-разному: *Ва.и* — *واى*, *Вабнит* — *وابنيت*, *Вантит* — *وانتيت*, и становится ясно, что название города с точки зрения славянского языка не расшифровано. В будущем необходимо сделать попытку прочесть его как тюркское слово. Название второго города *Хурдаб* или *Худуд* также не расшифровано. Что касается выражения, что некоторые *сакалиба* походят на русов, то здесь можно сказать следующее: кыпчаки по внешности действительно нередко походили на русов, а других славян здесь уже не было.

2) «У *сакалиба* мед употреблялся вместо винограда, у них развито пчеловодство» [там же, 110]. Этот признак характерен

как для славян, так и для кыпчаков. Но конкретное содержание сообщений восточных географов позволяет идентифицировать сакалиба с кыпчаками. Так, сакалиба делают напиток из меда, «который они называют суджув» [Ковалевский А.П., 1956, 132].

Еще Д.А.Хвольсон, анализируя это слово, начертанное как *السحج*, пытался объяснить его, используя хорватское *ulisce* 'улья', А.П.Ковалевский и Б.Н.Заходер идентифицируют его со словом *соты* [Заходер Б.Н., 1967, 110—111]. На самом деле это тюркское слово *суджы* (*сэже/тэче*), которое применялось в старотюркских текстах в значении 'вино' или 'сладкий напиток' и употребляется до сих пор в татарском и башкирском языках в значении 'сладкий', 'приторный'.

3) «У сакалиба свиньи так же многочисленны, как у мусульман овцы» [Заходер Б.Н., 1967, 112]. Здесь Б.Н.Заходер сознательно исправил текст, добавив слово «мусульман». На самом деле говорилось, что сакалиба имеют стада свиней и стада овец или стада свиней, подобные овечьей отаре. Известно, что кыпчаки первоначально разводили и свиней, и овец. Кыпчаки-христиане продолжили эту традицию, а кыпчаки-мусульмане, естественно, отказались от свиноводства.

4) «Когда умирает сакалиба, его труп сжигают, вместе с покойным бросают в огонь его жену, при этом совершают тризну и веселятся» [там же, 112]. Как известно, своих покойников сжигали гузы и часть буртасов, в тюркоязычности которых никто не сомневается.

5) «Сакалиба поклоняются огню (или быку)» [там же, 114]. Здесь Б.Н.Заходер почему-то пропустил то, что сакалиба еще и идолопоклонники. Все это сближает сакалиба с кыпчаками больше, чем со славянами.

6) «Сакалиба сеют просо; при наступлении времени жатвы они кладут зерно в сито и, обращаясь к небу, произносят молитву» [там же, 115]. Так могли поступать и славяне, и кыпчаки. Но обращение лица к небу (Тэцре) сближает сакалиба с кыпчаками, т.е. тюрками.

7) «У сакалиба имеются разные музыкальные инструменты: лютни, тамбуры, свирели» [там же, 116]. По этому признаку сакалиба можно сблизить и с кыпчаками, и со славянами.

8) «У сакалиба мало вьючного скота, лошадей; они носят рубахи и надевают на ноги сафьяновые сапоги; их вооруже-

ние: копьё, щит, пики, меч, кольчуга; ...глава сакалиба питается молоком вьючного скота (кумысом) ...» [там же, 119]. Кыпчаки, как и все тюрки, лошадей использовали для верховой езды, поэтому вьючных лошадей у них было мало. Сафьяновые сапоги были известны у тюрков-булгар, по более общему названию — у кыпчаков, кумыс являлся национальным тюркским напитком. Глава сакалиба назывался *субаныч* (سوبانچ) и *суиж* (سوئج), по-тюркски *сучи*, где *су* войско, *-чы* аффикс профессии. Возможно, слово *субаши* 'глава войска' арабскими буквами написано с искажением.

Некоторые арабисты-русисты начертание *سويج ملك* хотели бы прочесть как *سوئيبلک* (Святополк), и этим доказать, что глава сакалиба — это и есть глава славян Святополк. Но, как отмечает сам Б.Н.Заходер, *ملك* — это *малик* 'царь', в целом — это *сучы малик* 'царь, глава войска'. Другие слова, приведенные здесь как топонимика сакалиба, требуют дополнительных исследований с точки зрения кыпчакского языка.

9) «Сакалиба строят подземные сооружения, в которых спасаются зимой от сильного холода (или от нападения мадьяр)» [Заходер Б.Н., 1967, 121]. Это нейтральное выражение, приведенное Б.Н.Заходером, не позволяет определить этническую принадлежность сакалиба. Но далее в тексте речь идет о древней бане, которая была присуща кыпчакам и современным западным тюркам.

10) «Царь сакалиба берет дань платьем» [там же, 124]. По данному признаку мы не можем определить этническую принадлежность сакалиба.

11) «Сакалиба подвергают суровому наказанию виновных в воровстве и прелюбодеянии» [там же, 124]. Этот обычай, по описанию Ибн-Фадлана, характерен для булгар-сакалиба, т.е. в целом — для кыпчаков, в частности — для булгар.

Надо отметить, что Б.Н.Заходер, по-видимому, целенаправленно перечислил здесь высказывания восточных географов. Он пропустил данные, которые дают повод считать сакалиба тюрками. Он, естественно, не мог не отметить, что, по Ибн-Фадлану, булгары относятся к народу сакалиба. Но он отметил этот факт по-своему: якобы Ибн-Фадлан постоянно путает булгар с сакалиба, т.е. со «славянами» [там же, 125].

Как мы уже отмечали, Ибн-Фадлан называет Алмаса Шилки-хана царем сакалиба, он был, по-видимому, из племени

булгар, поэтому и называется царем булгар. Понятно, что в Среднем Поволжье страна сакалиба позже называлась государством булгар. Необходимо отметить, что мнение о том, что *сакалиба* обозначает светлокожих тюрков, было высказано историком Ахмедом Заки Валиди Тоганом еще в 1939 г. [Валиди А.-З., 1981, XXXIV]. Но оно получило резкую критику А.П.Ковалевского [Ковалевский А.П., 1956, 80].

В.В.Бартольд отмечает, что у сакалиба неизменно отмечается рыжий цвет волос, но «несмотря на отличительный физический признак, сакалиба как потомки Яфета (арабск. Яфас) объединяются с тюрками» [Бартольд В.В., 1963, 870]. Абу Хамид ал-Гарнати в 1150 г., рассказывая о своем путешествии из Булгара в Венгрию, писал, что прибыл он в город страны сакалиба, который называют *Гур Куман*, где люди, по виду как тюрки, говорят на тюркском языке и стрелы мечут, как тюрки [Добродомов И.Г., 1978, 128]. Здесь излишне объяснять, кем были сакалиба.

Итак, сакалиба — это тюрки, слово *сакалиба* (*саклаб* в ед. числе) применялось в смысле *кыпчак* 'белолицые'.

Некоторые могут возразить этому, утверждая, что в официальной тюркологии «приход» кыпчаков из Азии в Восточную Европу якобы относится к XI в., а арабские и персидские географы знали о сакалиба еще в VIII в. Действительно, многие тюркологи, по недоразумению, считают, что первые тюрки пришли в Восточную Европу в IV в. под названием гуннов, они «исчезли» примерно через 100 лет, их место заняли пришедшие из Азии авары; авары «исчезли», их место заняли пришедшие из Азии тюрки, затем в VII в. их заменили хазары, в VIII в. появились печенеги и т.д. В XI в. в Восточную Европу пришли якобы кыпчаки (половцы). Это «сказка для детей», а не для серьезных ученых. Тюркоязычные племена жили в Восточной Европе еще во времена киммерийцев, скифов и сарматов, продолжают жить и сейчас. Здесь не было смены народов, менялся лишь этноним, ибо в разные периоды истории господствующими племенами среди множества тюркских племен выступало то одно, то другое племя. Отсюда и смена общего для тюрков этнонима.

Следы кыпчаков зафиксированы еще в глубокой древности. Так, этноним *команче* мы встречаем среди американских индейцев [Майн Рид, 1955, 32; Языки..., 1982, 162]. Если

учесть, что предки американских индейцев перешли на Американский материк из Азии 30—20 тыс. лет тому назад, то есть основание утверждать, что этот этноним пришел в Америку из Азии еще в то время. Следовательно, этноним *коман/команче* существовал в Азии еще 30—20 тыс. лет тому назад.

В III в. до н.э. китайские источники содержат сведения о *кюеше*, которые говорили на тюркском языке. М.И. Артамонов считает, что это первое сведение о кыпчаках [Артамонов М.И., 1962, 420]. По нашему мнению, *кюеше* — это типичное китайское сокращение этнонима *кзукижи* 'белолицые'.

По китайским сведениям, еще до н.э. южнее Алтайских гор жили хунны, на севере — народ *со*. Они затем распались на 4 племени: *кюман* или *кюубан*, *кыргыз*, *чу-кши* и *тюрк* [Аристов Н.А., 1896, 279—280; Закиев М.З., 1977, 155—162].

По мнению некоторых ученых, этноним *кыпчак* (*кыбчак/кыфчак*) появляется во второй половине VIII в. для обозначения народа, называвшегося до этого этнонимом *сир*, который представляет, по-видимому, также китайское сокращение слова *сарир* (*сары ир* 'желтые люди'). В памятнике Тоньюкука (726 г.) господствующие племена называются тюрками и сирами, а в памятнике Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу (760 г.) господствующие племена обозначены этнонимами *тюрк* и *кыбчак* [Кляшторный С.Г., 1986, 160]. Важно отметить, что в первом арабском списке тюркских племен, составленном в VIII в., фиксируется этноним *хыфчак/кыбчак* [там же, 160]. Но в дальнейшем в сочинениях арабских и персидских географов вместо этнонима *кыбчак/(кзучак)* начинает применяться его синоним *саклаб*, лишь с XI в. в них опять появляется этноним *кыпчак* и вместо названия «степь гузов», употреблявшегося географами X в., появляется термин «степь кыпчаков» (*Дешт-и кыпчак*) [Бартольд В.В., 1968, 395].

Необходимо сказать и о том, что в официальной исторической науке, следовательно, и в русской, и в западноевропейской тюркологии, вопрос о появлении и происхождении половцев (по самоназваниям: *кзукижи*, *куман*, *кзучак*) рассматривается в связи с представлением о передвижении тюрков якобы из области Дальнего Востока в Западную Азию и Восточную Европу [там же, 393]. Такая точка зрения глубоко ошибочна, не было такого передвижения. Тюрки еще в доис-

торические времена наряду с предками других народов жили и в Западной, и в Восточной Европе, в Малой, Средней и Центральной Азии, в Западной Азии и на Дальнем Востоке, т.е. в тех регионах, где они были известны в исторически известные времена и где, в основном, они живут сейчас. То, что куманы (кумы, куны) жили в Западной Европе еще до н.э., доказывается наличием до н.э. города Кум у этрусков (позже — города Куман в Венгрии) и города Куманово в Македонии.

Таким образом, кыпчаки (кзукижи, куман, сарир, сир) с древнейших времен представляли себе, что их этноним обозначает белокурых, светло-желтоволосых людей, поэтому и эти соседи на своих языках называли их белокурами: славяне — *половцами*, армяне — *хартеш*, арабы и персы называли их тюркским словом *сакалиба* и т.д.

Слово *кыпчак* (*куман*, *кзукижи*) было более общим этнонимом. В составе кыпчаков выделялись более мелкие народности или племена — по сообщению восточных географов, киргизы, гунны, болгары, хазары и т.д. По сведениям Ибн-Фадлана, в Среднем Поволжье в составе сакалиба (кыпчаков) выделяются болгары, баранджары, суары, суасы, скилы (*скиды/скифы*), хазары.

Итак, болгары — это одно из кыпчакских (кыч-сакских) племен, поэтому арабы их называли тюркским этнонимом *сакалиба*. Об этом красноречиво свидетельствует объективный анализ «Книги Ахмеда Ибн-Фадлана».

§ 111. И по первоисточникам болгарский язык был общетюркским, а не чувашским. В предыдущих параграфах мы рассмотрели все доводы сторонников болгаро-чувашской теории и не нашли ни одного достоверного факта, который бы прямо или косвенно свидетельствовал о существовании у болгар чувашского типа языка. По существу все выдвинутые ими доводы базировались исключительно на недоразумениях и ошибочно интерпретированных фактах. Следовательно, несостоятельность болгаро-чувашской концепции теперь очевидна. Принадлежность чувашеподобного языка мусульманским чувашам, переживавшим процесс принятия общнетюркского болгарского языка, не вызывает сомнений.

Теперь перейдем к рассмотрению волжско-болгарского языка по первоисточникам (см. § 105 на стр. 359).

Волжско-булгарский язык зафиксирован в надгробных памятниках 1-го стиля. Начнем с языка эпитафии 1244 года, когда в Булгарии монголо-татары еще не освоились. ... *aldynda, 84 jaşynde ğaddäde: tarix alty jüz qyrq ekidä. 642...* «...в возрасте 84-х лет, по летосчислению в шестьсот сорок втором. 642-м...», т.е. по христианскому летосчислению в 1244 году... [Юсупов Г.В., 1960, 46].

Как видим, эпитафия эта написана на 3-языке, т.к. числительные названы *jüz* (а не *сүр*), *qyrq* (а не *xerx*), *ekida* (а не *ikemeş*). Принадлежность данной эпитафии булгарам не вызывает сомнений уже по той причине, что датирована она 1244 годом, когда булгарский народ продолжал вести повстанческую борьбу с завоевателями. И в правильности датировки также не может быть сомнений, ибо она приведена здесь дважды: один раз словами «*alty jüz qyrq ekidä*» и второй раз цифрами «642».

Или вот еще другая, более пространная эпитафия из Булгарского городища, датированная 1317 годом (полностью приводятся лишь тюркоязычные части эпитафий):

*...Huvä-l-häjji-l-läzi lä jamutu!
Jegetlär kürke, küñellär üsäge,
galimlärne aġyrlaġan, jatm, tul,
üksüzlarne asragan Musa ugly
altuncy Şahidulla ziyaräte torur.
...(r)ähmät qylsun! Amin!
Rabigü-ävvälneñ urtasy. Tarixqa 717.*

«...Он живой, который не умирает! Краса молодцов, сердцевина сердец, почитавший ученых, одиноких, вдов, сирот оберегавший, сын Мусы, золотых дел мастер, Шагидулла (его) могила (здесь) находится. (Пусть аллах?) окажет милость! Амин! В середине раби-первого (месяца) по летосчислению в 717-м» [Юсупов Г.В., 1960, 15-я таблица].

Текст эпитафии из села Тат.-Калмаюр Ульяновской области, датированной 1357 годом:

*...Huvä-l-häjji-l-läzi lä jamutu, vä
küllü häjjin säjamutu! Qutluġ...(ga)
ugly Tujza ziyarate torur. Rähmätu-l-
lahi galajhi rähymätan vasigätän.
Tarix jeti jüz elig tugyzda şavvali
ajynuñ axrinda erdi.*

«...Он живой, который не умирает, а все живое умрет! Кутлуг...(а) сына, Туйджи (Туйчи?) могила (здесь) находится. Да будет милость Аллаха над ним милостью обширною! По летосчислению в семьсот пятьдесят девятом, в конце шаввала месяца было».

Как видим, язык болгарской эпитафики ничем, в сущности, не отличался от языка литературных произведений того же времени, кроме как своей особой стилистикой. Более того, на этом же языке были написаны и легенды тогдашних болгарских монет, хотя последние тоже имели свою стилистику.

Можно привести множество и других эпитафий того же стиля (всего обнаружено и описано около 150-и разновременных памятников), и все они написаны на том же 3-языке, не имеющем признаков ротацизма и ламбдаизма.

Исходя из 3-язычности поздних болгар, ашмаринисты выдвинули новую версию о предполагаемой «смене болгарского языка». Согласно этой версии, болгары якобы когда-то все же говорили на старочувашском языке, но затем еще до монголов бросили этот свой старый язык и заговорили на обычном тюркском 3-языке. Причиной такой смены языка выставляют то предполагаемый приход в Булгарию 3-язычных кыпчаков, то приход среднеазиатских священнослужителей, то влияние на болгар общетюркского книжного языка [Хакимзянов Ф.С., 1987, 9—12], или даже полную смену населения: якобы после мора болгар эту территорию заняли кыпчаки [Шамил Юлай, 1994].

Разумеется, превращение чувашского р-языка в общетюркский 3-язык мало вероятно, потому что эти языки уже более тысячи лет сосуществуют параллельно и превратиться один в другой в недавнем прошлом никак не могли.

Более конкретные сведения о болгарском языке сохранились в сочинении Махмуда Кашгарлы, относящемся к XI веку. В своем «Дивану лугат-ат-тюрк» он приводит данные не только о болгарском, но и о других языках средневековых тюрков. Булгарам он приписывает слова *qanaq* 'сливки', *azaq* 'нога', *avus* 'воск', *lav* 'воск для печати', *tügel* 'не, нет', *kükleš* 'породниться', а суварам — *bal* 'мед', *tāvā* 'верблюды', *azaq* 'нога', *bün* 'бульон'. М.Кашгарлы пишет: «Язык же болгар, сувар и печенегов, находящихся вблизи Рума, (является)

тюркским с одинаковыми опускающимися окончаниями» [Кашгарлы М., 1992, т. I, 30], чем подтверждает сходство болгарского языка с печенежским.

К сожалению, все эти ценные сведения Кашгарлы о болгаро-суварском языке до сих пор незаслуженно игнорировались многими лингвистами на том основании, что они противоречат представлениям ашмаринистов. Например, Омельян Прицак, посвятивший сведениям Кашгарлы специальную научную публикацию, утверждает, что Кашгарлы сам никогда в Бургарии не бывал, болгарского языка не знал и писал о нем лишь понаслышке, со слов приезжих купцов, которые-де могли быть вовсе не булгарами и болгарского языка могли не знать. Подтверждением такого своего суждения Прицак считает то, что приведенные в «Диване» болгарские слова не встречаются в текстах болгарских эпитафий 2-го стиля. Поэтому он предлагает вообще игнорировать сообщения Кашгарлы о болгарском и суварском языках [Прицак О., 1959, 106—116].

На самом деле, сведения Кашгарлы удивительно точно характеризуют особенности домонгольского болгарского языка, выявляемого по письменным памятникам той эпохи. Среди этих произведений особое место занимает, например, поэма Кул Гали «Кысса-и Юсуф» («Повеествование о Юсуфе»), написанная незадолго перед нашествием монголов и отражающая язык той эпохи. Хотя ашмаринисты и пытаются это произведение отстранить от болгар и приписать его другим народам из-за того, что написано оно на 3-языке, более квалифицированными исследованиями лингвистов достоверно установлено, что оно является именно болгарским сочинением и принадлежит перу выходца из Бургарии поэта Кул Гали.

*...Gaziz Jusef tāmam unber jāšār idi,
Jakub sāuči ojlykynda ojyr idi,
Ojurkän ber gaçäb döš Jusef kürdi,
Täzvileni atasından sorar imdi:*

*«Dogar kön, tulun aj, onber joldyz,
Döšem icra säcdä qyjldyj bāḡa döpdöz,
Ošbu döši bila kürdem hic gömansyz,
Ja äbäta, bāḡa täzvil äjgyl imdi».*

*Anda Jakub Jusefnyn döšen jurdyj,
Täzvileni möbäräk äjtü üirdi,*

*Ömitder kem, mäüladan mädäd irdi,
Säça gyjzzät vä räfägat kürner imdi.*

Приведенные данные неопровержимо доказывают, что болгарский язык, т.е. тюркский язык населения Булгарского государства, не имел никаких чувашских особенностей, он характеризовался теми же отличительными чертами, которые характерны современному татарскому языку, проявляющемуся в трех его диалектах.

§ 112. Общие данные, отвергающие болгаро-чувашскую, подтверждающие болгаро-татарскую концепции. Для того чтобы легче было разобраться в различных искажениях действительности по лингвоэтническим особенностям болгар в широком смысле этого слова, необходимо вкратце перечислить всеми признанные исторические данные, отвергающие адекватность болгаро-чувашской концепции, подтверждающие правильность болгаро-татарской теории.

При изложении исторических данных, связанных с вышеизложенными концепциями, мы исходим из следующих теоретических предпосылок. История языка и происхождение его носителя — явления далеко не идентичные, поэтому отождествлять их нельзя. Однако не следует забывать, что не менее опасна для науки другая крайность: отрыв истории языка от истории его носителя. Между ними существует ярко выраженная взаимосвязь: хотя история языка и история его носителя не одно и то же, но без истории народа в целом нет истории его языка, и, наоборот, без истории языка невозможно более или менее полно представить историю его носителя. Именно поэтому любая этногенетическая теория должна иметь не только чисто лингвистическое, но и антропологическое, этнографическое, археологическое, т.е. в целом этноисторическое подтверждение. Это означает, что при решении этногенетических проблем необходимо исходить не из отдельных, разрозненных данных, а из их совокупности. Лишь при таком комплексном подходе можно объективно изобразить историческую действительность. Иначе история будет сфальсифицирована.

С этой точки зрения попытаемся дать краткий ответ на вопрос: подтверждается ли болгаро-чувашская теория со всех сторон, т.е. совокупностью данных, или она чревата противоречиями?

1. Если бы чувашаи формировались в основном из поволжских болгар, если бы болгарский язык исторически перешел в чувашский язык, то такая преемственность безусловно была бы видна, прежде всего, в антропологическом типе болгар и чувашей. Между тем, конкретные краниологические исследования дают совершенно противоположные результаты. «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, — пишет В.П.Алексеев, — что краниологически чувашаи похожи на своих финноязычных соседей и что, следовательно, их антропологический тип сформировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской» [Алексеев В.П., 1971, 248]. Второй ясно выраженный компонент в антропологическом типе чувашей — это кыпчакский тип. Чувашаи, по словам В.П.Алексеева, физически восходят к кыпчакам в большей мере, чем татары. Что же касается характерного для болгар комплекса признаков, то он в составе чувашей не улавливается [там же, 249], этот болгарский комплекс признаков составил основу формирования антропологического типа поволжских татар. На него наслоились низколицый монголоидный компонент, представляющий один из вариантов субуральского типа, и высоколицый монголоидный тип, связанный, видимо, с кыпчаками [там же, 241—246]. Следовательно, по данным краниологии, историческая преемственность между болгарами и татарами более очевидна, чем между болгарами и чувашами.

2. Не подтверждается болгаро-чувашская теория и в этнологическом отношении. Известные этнографы Н.И.Воробьев и К.И.Козлова отмечают, что этнологические особенности болгар в своей основе сохранились прежде всего среди татар [Воробьев Н.И., 1948, 80; Козлова К.И., 1964, 20—21]. Так, например, болгарам были свойственны развитое кожевенное производство и торговля, что затем передалось татарам, а у чувашей развитие этих ремесел и занятий не отмечается.

3. Культура письма от болгар передавалась татарам, у чувашей такой культуры до XIX в. не было. То же самое можно сказать о мусульманской религии. Следы болгар не сохранились ни в мифологии, ни в фольклоре чувашей, а для мифологии и фольклора татар болгарская тематика является обычной [Борынгы, 1963, 17—51].

4. Чуваши никогда не называли себя булгарами, а татары считали, что их деревни заложены выходцами из Булгара, что их деды, прадеды являются булгарами и нередко вплоть до XX в. себя называли булгарами в противовес названию *татар*, которое насаждалось с трех сторон: со стороны влившихся в состав населения Казанского ханства мишарей-татар, со стороны русских, которые называли почти всех восточных соседей татарами, и со стороны тех, кто именем *татар* стремился показать свое величие. В том, что татары почти до XX в. себя упорно называли булгарами, нет никакой политики. Этому народ никто не учил, ведь не было ни учебников по истории, ни руководств, в медресе тогда не изучался ни родной язык, ни история народа, там ограничивались обучением арабскому, персидскому или турецкому языкам и общему мусульманской истории. Официальная пропаганда была глубоко заинтересована в насаждении этнонима *татар*. Следовательно, сведения о том, что татары являются в основном прежними булгарами, сохранились в памяти народа. К сожалению, этот факт и другие данные о том, что в основе этнического состава и языка татар лежат болгарский компонент и болгарский язык, сторонниками болгаро-чувашской теории раньше вообще не учитывались, сейчас их также обходят молчанием.

5. Не подтверждается болгаро-чувашская теория и территориально. Археологические раскопки показывают, что на территории расселения чувашей болгарские археологические памятники как домонгольского, так и золотоордынского времен отсутствуют, если не учитывать восточной и юго-восточной части Чувашии, связанной с бассейном Свияги [Фахрутдинов Р.Г., 1975, 86]. Можно было бы предположить, что предки чувашей сначала жили на территории Булгарского государства, затем их оттуда кто-то вытеснил в чувашский регион, например, монголо-татары, как иногда думают. Однако история такими данными не располагает.

6. Можно взять еще один факт. Если бы предки современных чувашей имели близкое отношение к булгарам, то они обязательно унаследовали бы у них государственность. Нет никаких оснований думать, что предки современного чувашского народа в общественном развитии когда-то находились на уровне создания государства, а затем отказались от такой формы политической организации. В истории, кажется, не

было случая, чтобы этнический коллектив, имея свое государство, формировался как народность, а с течением времени все это потерял. Следовательно, ясно, что у предков чувашей не было государственности, и они к булгарам не имели близкого отношения. Булгарское государство переросло в Казанское, и татары свою государственность унаследовали от булгар.

7. Как известно, болгаро-чувашская концепция возникла и развивалась как чисто лингвистическая. Однако и в этом плане она весьма противоречива. Так, Махмуд Кашгарлы в XI в. отметил близость болгарского, суварского и печенежского языков [Кашгарлы М., 1992, т. I, 30]. Как известно, печенежский язык не характеризовался чувашскими признаками, а был языком огузокыпчакского типа. М.Кашгарлы, отмечая близость болгарского, суварского и кыпчакского языков, пишет, что «звук [д], имеющийся в языке чигилов и других тюркских племен, в языке кыпчаков, ямаков, суваров, болгаров и других племен, распространенных до римлян и русских, заменяется звуком [з]» [Кашгарлы М., 1992, т. I, 32]. Кроме того, что здесь языки кыпчаков, ямаков, сувар и болгар перечисляются как однотипные по данному признаку, заслуживает внимания еще одна сторона этого сообщения: здесь так называемый ротацизм, характерный для чувашского языка, не отмечается. Речь идет только о взаимозаменяемости д—з, которая наблюдается до настоящего времени в тюркских языках обычного огузокыпчакского типа. Следовательно, надо полагать, что болгарский язык не характеризовался ротацизмом. Если он встречается в языке болгарской эпитафии II стиля, то это можно объяснить влиянием языка предков чувашей на язык болгарской эпитафии, т.е. тем, что в составлении II стиля болгарской эпиграфики принимали участие чуваша-мусульмане, находившиеся на стадии обугларизирования.

8. Приведем еще одно свидетельство современника булгар. В 1183 г. владимирский князь Всеволод перед походом на Булгары сообщил киевскому князю Святославу: «Половец же призывать не хочу, ибо они с болгары язык и род един» [Татищев В.Н., 1964, т. III, 128]. Таким образом, в истории имеются два достоверных сведения (Кашгарлы и Всеволода) о близости болгарского языка печенежскому и кыпчакскому

языкам. К тому же надо учесть, что эти два сообщения, не связанные друг с другом территориально, совпадают.

9. Нельзя не обратить внимания и на следующее. Чем объяснить то, что современные татары и башкиры, с одной стороны, и балкары — с другой, имеют почти один и тот же язык, во всяком случае, хорошо понимают друг друга. Ведь после VII в., т.е. разделения общих предков на три группы, балкары и булгаро-татары не имели ни территориальных, ни экономических связей. С точки зрения булгаро-чувашской концепции это можно было бы объяснить таким образом: их общие предки протоболгары были «чуваше»язычными, а языки татар и балкарцев стали похожими друг на друга под влиянием кыпчаков. Однако, как указывалось выше, в составе татар кыпчаков было незначительное количество, а балкары после притеснения хазар ушли в горы и ущелья, вряд ли они там могли настолько тесно общаться с кыпчаками, чтобы ассимилироваться в языковом отношении. То, что языки татар и балкарцев так близки друг другу, объясняется, очевидно, общностью исторических корней, восходящих к языку протоболгар.

10. Далее, если бы болгарский и хазарский языки были чувашетюркскими, то заметные следы их остались бы на всей огромной территории, занятой когда-то гуннами, булгарами и хазарами. Более того, если даже предположить, что в самой глубокой древности они говорили на чувашетюркском языке, то все равно во время столетнего господства над ними тюрков Тюркского каганата (VI—VII вв.) их язык подвергся бы влиянию языка огузокыпчакского типа.

11. Наконец, если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они имели бы самоназвание *палхар*, которое закрепилось бы и в исторических источниках. Но такого явления в истории нет. Распространился этноним *булгар* (*болгаръ*), который характерен для языка обычнотюркского типа.

Булгаро-чувашская лингвистическая теория, которая безосновательно распространяется на этническую историю и татар, и чувашей, зиждется на наличии чувашских слов (наряду с татарскими) в некоторых болгарских надгробных памятниках, установленных самими чувашами, находившимися на стадии ассимиляции среди булгар, т.е. на стадии принятия ими болгарского языка вместо своего, но уже прежнего для них чувашского языка.

Таким образом, болгаро-чувашская теория уже при беглом рассмотрении не выдерживает никакой критики и оказывается несостоятельной. Следовательно, болгары, т.е. местные тюркские племена, получившие общий этноним *булгар*, были предками современных татар.

§ 113. При классификации тюркских языков болгарский должен быть отнесен к кыпчакской группе, а не к чувашской. Из сказанного в предыдущих главах вытекает, очевидно, также необходимость в пересмотре существующей системы классификации тюркских языков. Как известно, во всех ныне существующих системах классификации болгарский язык непременно рассматривается как ротацирующий и в этом смысле противопоставляется остальным тюркским 3-языкам. Например, А.Н.Самойлович и Н.Н.Поппе в свое время подразделяли все тюркские языки на две группы: 1) на *p*-языки, включающие в себя древний болгарский и современный чувашский языки и 2) на 3-языки, включающие в себя все остальные тюркские языки мира. Ныне, по классификации современных тюркологов (Баскакова, Менгеса, Бенцинга, Текина и др.), те же языки принято подразделять на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но болгарский язык все равно относится к числу ротацирующих. В частности, по классификации Менгеса, древний болгарский и современный чувашский языки причисляются к 6-й или так называемой «F» группе языков, характеризующейся ротацизмом и ламбдаизмом. По классификации Н.А.Баскакова, считающейся ныне общепризнанной системой, языки эти тоже подразделяются на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но кроме того выделяется еще и четвертая (по нумерации Баскакова — первая), так называемая «болгарская группа» *p*-языков, куда причисляются древний болгарский, древний хазарский и современный чувашский языки [Баскаков Н.А., 1960, 231]. Однако в связи с тем, что болгарский язык, как уже сказано, не был ротацирующим, а представлял собой обычный тюркский 3-язык, то при новой классификации он, естественно, выпадает из четвертой группы и переходит в группы огузских и кыпчакских 3-языков.

Что же касается четвертой группы или группы *p*-языков, то в ней после исключения болгарского и хазарского остается только один язык — чувашский. Другого ротацирующего

языка в семье тюркских языков не было и нет. Правда, существует мнение о наличии чувашеязычных хазар, которые образовались путем смешения монголоязычных и тюркоязычных племен, среди обычнотюркоязычных хазар. Если в некоторых языках, как, например, в караимском, азербайджанском или казанско-татарском, встречаются иногда эпизодические случаи проявления ротацизма, то их следует рассматривать как результат влияния финно-угров на тюркский язык или результат влияния на них того же чувашского *p*-языка или же как результат контактов с монгольскими языками, которым также свойственны ротацизм и ламбдаизм, но сами тюркские языки все без исключения изначально были зетацирующими, таковыми остаются и поныне.

Таким образом, по своим лингвистическим и этнологическим особенностям волжские булгары были обычнотюркоязычными, а не чувашеязычными. Это нисколько не умаляет значения чувашей в этнической истории тюркоязычных племен Урало-Поволжья. Волжские булгары, в состав которых вошли и другие тюркоязычные и тюркизированные племена Волжской Булгарии, легли в основу современных болгаро-татар.

Чуваши — прежние веда, говорившие сначала на финно-угорском (древнемарийском языке), тесно общались с обычнотюркоязычными суасами (одними из предков казанских татар), наполовину ассимилировались среди суасов, получили от них этноним *суас*, который видоизменился в *чуваш*. Поэтому древние соседи и чувашей, и болгаро-татар, т.е. марийцы, называют болгаро-татар *суасами*, а чувашей — *суасламари*.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

§ 114. Общие сведения. Для того чтобы различные племена консолидировались в одну народность необходимо их тесное общение в составе одного государства. Специалист по истории государства и права Садри Максуди Арсал заметил, что в истории цивилизации ни один этнос не создал столько государств, сколько турки [Арсал, 1943, 1071]. Предки носителей среднего диалекта татарского языка консолидировались в одну народность *биар* 'богатые люди' (или *барды* 'богатые') в Биармии со столицей *Билляр*. Предки носителей мишарского диалекта начали консолидироваться в одну болгарскую народность в Великой Болгарии Кубрат хана, а предки носителей восточного диалекта — в Кимакском государстве.

В государстве Волжской Булгарии консолидируются в одну народность представители среднего и мишарского диалектов Урало-Поволжья. Поскольку гегемония Булгарского государства распространилась и в Западную Сибирь, постольку предки сибирских татар (носителей восточного диалекта) примыкали к населению Булгарского государства. Консолидация их в одну народность с булгарами началась после того, как после взятия Казани русскими казанцы-булгары были вынуждены большими группами переселяться в Западную Сибирь. Во II половине XVI в. во время правления Кучум хана сибирские турки начали консолидироваться в особую народность, но этот процесс остался не завершенным. Лишь в составе Русского государства они в этническом отношении приблизились к булгаро-татарам Урало-Поволжья. В советское время язык западно-сибирских татар начал относиться к татарскому литературному языку в качестве его самостоятельного диалекта.

В составе единого Золотоордынского государства совместно проживали предки булгаро-татар, башкир, казахов, узбеков, части туркмен, каракалпаков, крымских и добруджинских та-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 149. Основные выводы. В этой книге на основе синтеза результатов анализов археологических, фольклорных, антропологических, искусствоведческих, мифологических, особенно новых лингвистических данных, имея при этом в виду общие результаты смежных дисциплин, как то палеогеологии, палеогеографии, палеоклиматологии, палеозоологии, делается попытка решения сложных, до сих пор малоизученных проблем выявления этнических корней, способов, времени и места формирования и перспектив развития тюрков и татарского народа.

Этнические корни татар исторически восходят к этническим корням тюрков в целом. Поэтому в книге истории изучения этнических корней булгаро-татар предшествует **история изучения этнических корней тюрков.** Подвергаются критике утверждения исследователей-традиционалистов, согласно которым тюрки якобы были неисторическими, молодыми народами, не имели опыта создания настоящих государств.

Нельзя согласиться с утвердившейся точкой зрения, согласно которой тюрки были якобы только кочевниками. По всем источникам можно понять, что кочевничество и оседлость — это не этнический признак, а географическая особенность народа. Среди тюрков были и оседлые земледельцы, и скотоводы-кочевники, и кузнецы-металлурги, и писатели-поэты, и настоящие мастера ювелирного искусства. Задолго до н.э. тюрки создали свою оригинальную цивилизацию.

Не соответствует действительности и такое традиционное утверждение, согласно которому тюрки были якобы только монголоидами, и переселяясь в разные регионы, раздавали тюркский язык немонголоидам; якобы так позже появлялись немонголоидные тюрки.

В традиционной тюркологии установление этнических корней тюрков идентифицируется с определением прародины тюрков. Об этнических корнях современного татарского наро-

да существуют две точки зрения. Первая из них принадлежит дилетантам, далеким от исторической науки. Поскольку современные татары и монголо-татарские завоеватели носят один и тот же этноним *татар*, то по их мнению, прародиной татарского народа является Монголия, следовательно, и этническими корнями татар считаются монголо-татары. Эта точка зрения никогда не поднималась до научного уровня. Лишь в 90-х годах XX века некоторые татарские «историки» пытались придать этому мнению «научный» характер.

В действительности в этнических корнях современного татарского народа трудно найти даже следы монголо-татар. Монголия никогда не была прародиной татарского народа.

По второй точке зрения, этническими корнями татар считаются тюрки в целом. Но этнические корни (т.е. прародина) самих тюрков еще не установлена. Различные ведущие тюркологи прародиной тюрков считают различные регионы Евразии, например, 1) Алтайские горы, 2) Тянь-Шанские горы, 3) восточное Прибайкалье, 4) южные регионы Монголии и Маньчжурии, 5) Западная Азия, 6) Передняя Азия, 7) Междуречье Урала и Иртыша, 8) Лесостепные регионы Западной Сибири, 9) Урало-Поволжье, 10) Восточная Европа [Эрджиласун А.Б., 2007, 55–58; Валиди А.-З., 1981, 10–17; Лайпанов К.Т., Мизиев И.М., 1993, 22–27].

Временем существования последних девяти прародин считаются IV—III тысячелетия до н.э., лишь Алтайская прародина отнесена к VI—VIII вв. н.э. [Кляшторный С.Г., 1977, 416] Любому думающему историку ясно, что ни одна прародина ни одного народа не может быть отнесена к нашей эре. Поэтому самым неудачным и ошибочным является мнение об алтайской прародине тюрков, оно появилось в результате незнания всеобщей науки семиотики, т.е. неумения отличать слова от его содержания, смещения знака и его семантики.

Название *тюрк* распространилось действительно только в VI—VIII вв. во время правления двух Тюркских каганатов, а тюркоязычные племена, носившие различные этнонимы, оставили свой след еще в IV тыс. до н.э.

Кроме того, сколько бы ученые ни старались, ни одному народу бесспорно определить прародину еще не удалось, и по их переселению из прародины в другие регионы у них также нет единого мнения. Поэтому разумнее было бы предполо-

жить, что различные тюркоязычные племена еще до появления производительного труда в период отсутствия государств и их границ распространились по всей Евразии и жили попеременно с другими племенами. При этом процесс смешения способствовал их биологическому выживанию.

Где-то нетюркоязычные племена ассимилировали тюрков, в результате там образовались нетюркские регионы, где-то тюрки ассимилировали нетюркоязычные народы, и там образовались тюркские регионы.

В результате ассимиляции тюрками других нетюркоязычных племен еще в IV тыс. до н.э. преимущественно тюркскими стали следующие регионы: Северо-Восточная Сибирь, Юго-Восточная Сибирь, Юго-Западная Сибирь, Западная Сибирь, Уйгурская часть Центральной Азии, Средняя, Передняя, Малая Азия, Балканский полуостров, Восточная Европа. Но в результате чингизхановских агрессий тюрки были разобщены, усилились нетюркоязычные племена, и это привело к тому, что некоторые тюркские регионы постепенно становятся нетюркскими.

Наши лингвоисторические исследования показали, что в этих тюркских регионах жили древние тюркские племена, носящие следующие первичные тюркские этнонимы: 1) *ар/ир* 'мужчины, люди', 2) *ас* (варианты: *яс, аз, уз, иш* и др.) 'молодые', 3) *сак/сака* (варианты: *чак, хак, зак, дак, сой*) 'род, племя', 4) *сюн* (варианты: *хун, сан, зан, шан* и др.) 'человек', 5) *ок* (варианты: *ак, ык, ик, эк*) 'племя', 6) *би* (варианты: *ни, бек, биг бай*, для Средней Азии *парды/варлы*) 'богатые', 7) *мен/мин/бен* 'наши люди', 8) *киши* 'человек, чужой', 9) *канг/каң* 'прародители'.

По мере развития первичных племен появились новые племена, которые назывались вторичными этнонимами, образованными на основе первичных путем уточнения этих этнонимов различными определениями и аффиксом обладания *-лы/-ды* (варианты: *-лык/-дык/-тык/-ты/-т*) образовалось очень много вторичных, третичных этнонимов. Например, *суб-ар* > *сумар* > *сумер* > *шумер* > *сабир* > *сибир*; *суар/шуар/шор* 'речные люди', *даг+ар/тохар* 'горные люди', *су+ас* 'речные асы', *ко+сак/казах* 'белые саки', *сака+ды/скыды* (рус. скиф), *ку-сюн/косан* 'белые сюны/хуны', *ту+эр+ок+туэрок/тюрк* 'племена горных людей', *кас+ни* 'богатые скалистых

гор', *бар+ды*, *пар+ды/парды* 'богатые' (рус. *парфян*), *тюркмен* 'тюркские мены', *кукиши* 'белые люди', *канг+ар* 'древние люди' и т.д. (см. таблицу на 132 стр.).

Все эти тюркские племена еще с древнейших времен в тюркских регионах жили вперемежку, их состав оставался неизменным, но менялись их общие наименования, ибо в разные времена господствующими становились то одни, то другие. В книге мы старались показать, какие племена примерно когда оказались господствующими. Эти данные здесь можно собрать в сводную таблицу.

Этнические корни тюрков и татар

№	Примерное время	Этнонимы племен или народов
1	IV-III тыс. до н.э.	<i>ар/ир, субар/сумер/шумер/сабир/сибир, тавр, тохар, суар/хуар+ас-м (хорезм)</i>
2	XIII-V вв. до н.э.	<i>сак/сака, скьдь (рус. скиф), сакалиба, кусак/косак (народ: скиф)</i>
3	V—III вв. до н.э.	<i>ас, суас, буртас, суарас>хуарас>(хорезм), алан (народ: сармат)</i>
4	III в. до н.э.- II в.н.э.	<i>парды (рус. парфян), биар/бияр/бигер (народ: барды, бигер или биар)</i>
5	II-VI вв. н.э.	<i>сюн>хун>хунны, кусюн/косан/кушан, ас/сюн>усунь (народ: кусан)</i>
6	VI-VIII вв. н.э.	<i>биар (Биарм)/бигер, барды/парды (рус. парфян) (народ: бигер)</i>
7	VIII-XIV вв. н.э.	<i>булгар, мишар, косан (с XIII в. в составе Золотой Орды) (народ: булгар)</i>
8	XIV-XVI вв. н.э.	<i>косан/Казанское ханство (сначала в составе Золотой Орды) (народ: казан)</i>
9	С XVI в. до наших дней	Русское государство, в его составе с 1920 года Татарстан (народ: татары)

В традиционной исторической науке считают, что из вышеперечисленных племен-народов в тюркоязычных регионах сначала проживало какое-то одно племя, когда оно ушло или исчезло, пришло другое. Чаще это представляется по-друго-

му: сначала проживало одно племя, затем пришло другое и в беспощадных (обычно придуманных учеными) сражениях уничтожило предыдущее племя и заняло его территорию. Еще позже пришли якобы другие племена и таким же образом заняли территорию предыдущих.

В действительности все вышеперечисленные тюркские племена жили одновременно вперемежку, возможно, среди них были даже нетюркоязычные. Господствующими становились то одни, то другие, в результате чего менялись их общие наименования.

До сих пор в татарской исторической науке самым древним государством считалось *Булгарское государство*, историки даже представления не имели о том, что наши предки до создания Булгарского государства имели самую богатую страну в мире — *Биармию (Биармланд)* со столицей — Биляр, до этого наши предки создали также очень сильное государство *Косан (белых хунов)*, еще раньше они жили в составе государства *Парды (рус. Парфян)*, еще раньше — в государстве асов-аланов, которое называлось *Сарматией*, еще раньше — в государстве *Сак/Сака/Скиде (рус. Скиф)*, до этого — в государстве *аров/ субаров/ сумеров/ шумеров*.

Некоторые из племен, носивших чисто тюркские этнонимы (см. их систему на стр. 132), а именно те, которые носят этнонимы *ар/ир (арий)*, *сак/сака, ськьдъ/скьдъ (рус. скиф)*, *согды, бактр, барды/парды (рус. парфян)*, *кусан/кушан, косан, тохар/дагар, усунь/ас+сюн, суарас/хорасм (хорезм)* в традиционной исторической науке признаны ираноязычными. Как одно из веских доказательств правильности этого мнения, индоиранисты приводят язык Авесты, т.е. авестийский язык, родственный якобы иранскому.

По их мнению, эти якобы ираноязычные племена в V—IV вв. до н.э. на иранском языке создали религиозное учение **Зороастризм**. Сохранившиеся в памяти народа отрывки этого учения в IV в. н.э. собраны в один сборник **Авеста**. Все тексты этого сборника признаны ираноязычными, ибо их создали вышеназванные якобы ираноязычные племена [Бойс Мэри, 1987, 8—9].

Наши лингвоархеологические исследования показали, что вышеперечисленные племена были не ираноязычными, а тюркоязычными (см. § 51, стр. 176—178).

Особый интерес представляют исследования проблем лингвоэтнических особенностей волжских булгар в широком смысле этого слова — главного этнического корня татар.

Булгарский народ формировался не путем размножения одного булгарского племени, а в процессе консолидации различных местных и в какой-то степени пришлых тюркских и тюркизированных племен в составе Волжско-Булгарского государства в IX—X вв. н.э., т.е. в процессе консолидации их предков, в том числе самых ранних собственно булгарских племен.

В состав булгарского народа в качестве его предков вошли части известных в истории тюркских племен субаров, куманов, хуарасов (*суар+ас*, позже: хорезмийцев), хуннов (сюнов), берсулы, скл (сѣкъль > сѣкъдь > скифов), пардов (парфян), кусанов (кашанов/касанов/казанов), усуней, авар (ауар), аланасов, буртасов, остяк (иштяк), суасов, вед, биляров (биаров/байларов), башкир, мишарей (маджгар), кушанов-сарыманов, бесермян др.

В книге подвергаются анализу все неудачные попытки найти в волжских булгарах чувашские элементы. Ученые таким искусственным путем создали булгаро-чувашскую концепцию, которая не соответствует действительности.

Чуваши — потомки прежних финно-угроязычных вед; они формировались в процессе тесного общения и консолидации вед с обычнотюркоязычными суасами, в результате смешения финно-угорского и тюркского языков, перевес оказался на стороне тюркского строя, бывшим ведам закрепился и тюркский этноним *суас* > *чуваш*.

Не вошедшая в состав чувашей часть тюркоязычных суасов принимала участие в образовании булгаро-татар. Поэтому непосредственные соседи чувашей и булгаро-татар — марийцы до сих пор, по древней традиции, булгаро-татар называют *суасами*, а чувашей — словом *суасламари*, т.е. «марийцы по-суасски».

В особую главу вынесены проблемы возникновения и развития государственности и **формирования булгаро-татар**.

В числе древних тюркских государств, имевших контакты с предками булгар и самими древними булгарскими племенами, указываются древнейшие переднеазиатские государства сумеров (шумеров, по самоназванию: кангаров), субаров (субарту), мидийцев, туруков, гутиев, команов (куманов),

а также среднеазиатские государства хорасмиев (суар-ас-м), пардов (парфян), ариев (аров), согдийцев, кангаров, бактрийцев (тохаров), кушанов, эфталитов и кимаков.

Некоторые древние государства включали в свой состав так называемые болгарские регионы. Это — государства скифов, боспорцев, сарматов, алан, западных гуннов и хазар.

Древняя Биармия рассматривается как предбулгарское государство. Оно создано биарами (биярами), поэтому называлось *Биарм* «мой Биар». В IX в. оно перешло в руки болгар, стало называться *Булгаром*. Слово *биарм* легло также в основу топонима *Пермь*.

Здесь даются основные сведения о государствах маджгар, башкир, буртасов, которые имели очень тесные контакты с Булгаром.

С точки зрения определения этнического развития болгаро-татар описывается процесс появления и распада **татарских государств**, причины потери болгаро-татарами своей государственности.

Книга завершается изложением проблем **возрождения и развития татарского народа**. После потери своего большого болгарского государства и более мелких своих татарских государств (Казанского ханства, Астраханского государства, Сибирского ханства) болгаро-татары проявляли стремление к созданию своего государства. Здесь дано краткое описание борьбы болгаро-татар за выживание в условиях царской России, процесса приобретения татарами в 1920 г. государственности в результате революции 1917 года, а также борьбы за государственный суверенитет Татарстана, за возрождение, сохранение и развитие болгаро-татарской нации.

Все изложенное в книге дает основание заключить, что болгаро-татары формировались на основе консолидации местных тюркских и тюркоязычных племен, очень быстро ассимилируя незначительные пришлые из других регионов элементы. Поэтому мы можем уверенно сказать, что болгаро-татары как этнос аборигенны, а их современный этноним *татары* является пришлым, для народа поздним заимствованием.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Общие сведения	4
§ 2. Кого называли и называют татарами?	5
§ 3. Об этнониме <i>булгар</i> и его значениях	12
§ 4. Названия <i>татар</i> и <i>булгар</i> как внутренние и внешние этнонимы	13
§ 5. Об этнониме <i>булгаро-татары</i> и его семантике	17
§ 6. Состав булгаро-татар и их численность	19
§ 7. Фонетические варианты и семантика этнонима <i>тюрк</i>	24
§ 8. Регионы обитания, разновидности и численность современных тюрков	29
§ 9. О месте тюрков среди других народов мира и их дотюркских этнических корнях	34

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА ТЮРКОВ И ТАТАР

История изучения этногенеза тюрков — предков татар	38
§ 10. Зарождение традиционной европоцентристской исторической науки и влияние ее на тюркологические исследования	38
§ 11. Европоцентризм и колониальная политика	41
§ 12. Были ли тюрки «неисторическими»?	43
§ 13. Традиционная европоцентристская историческая наука об этнических корнях тюрков	44
§ 14. Стоит ли заниматься проблемами древней этнической истории тюрков?	46
§ 15. Были ли тюрки только кочевниками?	48
§ 16. Были ли тюрки склонны к постоянным переселениям?	50
§ 17. Были ли тюрки только монголоидами и раздатчиками тюркского языка немонголоидам?	53
§ 18. О «населенниках» Восточной Европы, Малой и Средней Азии до «прихода» тюрков	55
§ 19. Где была прародина тюрков и когда? Была ли?	58
История изучения этногенеза татар	61
§ 20. Первые попытки изучения этногенеза татар в целом и булгаро-татар в частности	61

§ 21. История изучения этногенеза татар монгольских государств чингизидов	63
§ 22. История изучения этногенеза татар и болгар русскими учеными	66
Основные концепции в изучении этногенеза татар	69
§ 23. Основные концепции и первая из них — мадьяро-мишаро-татарская	69
§ 24. Зарождение и развитие болгаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар	73
§ 25. Возобновление болгаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар	78
§ 26. Появление необходимости определения сущности болгаро-татарской концепции	81
§ 27. Дальнейшее всестороннее подтверждение адекватности болгаро-татарской концепции	84
§ 28. Зарождение татаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар	89
§ 29. Зарождение и развитие болгаро-чувашиской концепции в изучении этногенеза татар и чувашей	92
§ 30. Движение за восстановление этнонима <i>булгар</i> и отказ от названия <i>татар</i>	95
§ 31. Стремление некоторых татарских ученых назад к татаро-татарской концепции	98
§ 32. Ненаучные приемы защиты татаро-татарской концепции	101
§ 33. Нова ли так называемая новая концепция в изучении истории татар?	104
§ 34. Историческая наука как и любая другая должна быть объективной	106
§ 35. К чему может привести необъективное этногенетическое построение татаро-татаристов?	109

ВТОРАЯ ГЛАВА.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ТЮРКОВ

Источники обнаружения этнических корней тюрков — глубоких этнических корней татар	115
§ 36. Общие сведения о тюрках. Источники изучения этнических корней тюрков	115
§ 37. Лингвоархеология. Этнонимы — главные первоисточники этногенеза	119
§ 38. Этнонимы и этнический состав населения	123
§ 39. Первичные тюркские этнонимы и их особенности	125
§ 40. Вторичные и третичные тюркские этнонимы и семантика их определяющих частей	127
§ 41. Вторичные этнонимы, образованные при помощи аффиксов	131
§ 42. Взаимоотношение истории этнонима и истории этноса	135

О древних тюркоязычных ареалах	137
§ 43. Общие сведения	137
§ 44. Роль тюркского языка в обнаружении древних тюркских ареалов	139
§ 45. Древнейшие следы тюрков в языках американских индейцев и возможные древнейшие тюркоязычные ареалы	141
§ 46. Древний тюркоязычный ареал в Передней Азии	145
§ 47. Древний тюркоязычный ареал в Средней Азии	149
§ 48. Древние тюркоязычные ареалы на Кавказе, в Причерноморье, Урало-Поволжье и Западной Сибири	157
§ 49. Периферийные тюркские ареалы по наскальным и пещерным рисункам и о судьбах таких ареалов	163
§ 50. Следы тюрков в этрусской культуре или еще один исчезнувший тюркский ареал	166
Арийские и хуннские этнические корни тюрков	173
§ 51. Общие сведения	173
§ 52. <i>Субар/сумер/суарские</i> этнические корни тюрков	178
§ 53. <i>Тавр/тохарские</i> этнические корни тюрков	182
§ 54. Этноним <i>тюрк</i> относится также к арской (арийской) группе	185
§ 55. Татарские этнические корни тюрков	188
§ 56. Хуннские этнические корни тюрков	190
§ 57. Этнические корни тюрков в хуннских племенах <i>сянби, усунь,</i> <i>табгач, жужан и эфталит</i>	197
Скифо-сарматские этнические корни тюрков	200
§ 58. Общие сведения	200
§ 59. Геродот о скифах	205
§ 60. Кратко об изучении скифов во всеобщей истории	208
§ 61. Краткая история изучения скифов в тюркологии	211
§ 62. Общие изъяны скифо-иранской теории	214
§ 63. Об этническом составе скифов по этимологии скифских этно- нимов <i>скиф, ишгуза, сколот, сармат, агадир, гелон, сака</i>	220
§ 64. Об этническом составе скифов по этимологии этнонимов <i>каспи, траспи, аргиппей, иирк, меланхлен, катиар, паралат,</i> <i>массагет, ангареон,</i> имеющих отношение к скифам	223
§ 65. Об этническом составе скифов по скифским словам, этимоло- гии которых даны в древних источниках	227
§ 66. Об этническом составе скифов и сарматов по археологиче- ским, этнологическим, религиозно-мифологическим и искусство- ведческим данным	230
§ 67. Подтверждают ли древние источники ираноязычность скифов?	233
§ 68. Подтверждают ли древние источники тюркоязычность скифов?	235
Алано-асские этнические корни тюрков	237
§ 69. Общие сведения	237
§ 70. Подтверждается ли осетиноязычность алан текстом Зеленчук- ской эпитафии и фразой «Иоанна Цеца»?	239

§ 71. Были ли осетиноязычными ясы — венгерские аланы, как это утверждает Ю.Немет?	241
§ 72. За кого принимали алан их современники?	243
§ 73. О тюркоязычности алан по особенностям применения некоторых этнонимов	245
§ 74. Этноязыковая сущность алан по данным этнонима <i>алан</i>	248
§ 75. Этноязыковая сущность алан по данным этнонима <i>ас/яс</i>	249
§ 76. Этнический состав алан/асов по их тесным взаимоотношениям с гуннами, хазарами и кыпчаками	252

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОРНИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

§ 77. Общие сведения	257
Этнические корни татар по диалектам	262
§ 78. Общие сведения	262
Этнические корни татар — носителей среднего диалекта	263
§ 79. Особенности среднего диалекта, территории расселения и ранние этнические корни его носителей	263
§ 80. Ассские этнические корни татар — носителей среднего диалекта	268
§ 81. Бардымские/биарские этнические корни татар — носителей среднего диалекта	273
§ 82. Кусан/касанские этнические корни татар — носителей среднего диалекта	276
Установление и подтверждение 1000-летия Казани	278
§ 83. Об этимологии слова <i>Казань</i>	278
§ 84. Установление 1000-летия Казани	283
§ 85. Подтверждение идеи о 1000-летию Казани и празднование этой даты	288
§ 86. Попытки искажения процесса установления и подтверждения 1000-летия Казани	292
Этнические корни татар — носителей западного диалекта	295
§ 87. Особенности западного диалекта, территории расселения и ранние этнические корни его носителей	295
§ 88. Хазарские и болгарские этнические корни носителей западного диалекта	299
§ 89. Недавно обнаруженные летописи о хазарах и булгарах	303
§ 90. Акациро-мишарские этнические корни носителей западного диалекта	307
Этнические корни татар — носителей восточного диалекта	311
§ 91. Особенности восточного диалекта, территории расселения и ранние этнические корни его носителей	311
§ 92. Кимакские этнические корни носителей восточного диалекта	314
§ 93. Другие этнические корни носителей восточного диалекта	317

§ 94. К каким археологическим культурам относятся этнические корни носителей трех диалектов татарского языка?	319
---	-----

Лингвостнические особенности волжских булгар — главного этнического корня татар	324
--	------------

§ 95. Общие сведения	324
§ 96. Из истории изучения волжских булгар	327
§ 97. Неудачные попытки очувашивания языка булгарской эпиграфии	331
§ 98. Неудачные попытки А.П.Ковалевского найти чувашизмы в сочинении Ибн-Фадлана	334
§ 99. Неудачные попытки очувашивания булгарских слов из записей Ибн-Фадлана	336
§ 100. Неудачные попытки найти чувашские слова в славяно-болгарском «Именнике»	340
§ 101. Неудачные попытки найти чувашизмы в древнебалкарских рунических надписях	346
§ 102. Неудачные попытки найти чувашизмы в венгерском языке	350
§ 103. Неудачные попытки отнести чувашизмы в финно-угорских языках к булгарскому языку	353
§ 104. Неудачные попытки определить булгаро-чувашские заимствования в русском языке	355
§ 105. Начало системного изучения булгарской эпиграфики	357
§ 106. Сравнительное изучение лексического состава булгарской эпиграфики 2-го стиля с чувашским и булгаро-татарским языками	361
§ 107. Неудачные попытки одобрения булгаро-чувашских штудий А.Рона-Таша некоторыми татарскими историками	367
§ 108. Обычнотюркоязычность булгар доказывается еще тем, что арабы называли булгар тюркским этнонимом <i>сакалиба</i>	373
§ 109. <i>Сакалиба</i> — белокурые люди, булгары — также	375
§ 110. Можно ли <i>сакалиба</i> считать безусловно славянами?	377
§ 111. И по первоисточникам булгарский язык был общетюркским, а не чувашским	384
§ 112. Общие данные, опровергающие булгаро-чувашскую, подтверждающие булгаро-татарскую концепции	388
§ 113. При классификации тюркских языков булгарский должен быть отнесен к кыпчакской группе, а не к чувашской	392

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОГО НАРОДА

§ 114. Общие сведения	395
---------------------------------	-----

Древние тюркские государства, имевшие контакты с предками булгар	398
---	------------

§ 115. Государства в Передней Азии и следы их связи с предками булгар	398
§ 116. Древний Хорезм и следы его связи с предками булгар	402

§ 117. Парфянское, Арийское, Согдийское, Кангарасское, Греко-бактрийское, Кушанское, Эфталитское и Кимакское государства и следы их связи с предками болгар	405
Добулгарские государства, включавшие в свой состав и будущие болгарские регионы	410
§ 118. Скифское, Боспорское государства и контакты их с предками болгар	410
§ 119. Сарматское, Аланское, Западно-гуннское, Аварское и Хазарское государства и контакты их с предками болгар	413
О предбулгарском государстве Биармии	416
§ 120. Общие сведения	416
§ 121. Проблемы локализации Биармии	420
§ 122. О концепции Биарм-Пермь	421
§ 123. О соответствии некоторых фактов в истории Биармии и Булгара	425
§ 124. Идентификация Биармии с Волжской Булгарией по данным материальной культуры	427
§ 125. Идентификация Биармии с Волжской Булгарией по данным духовной культуры	428
§ 126. Имеются ли следы связей Биармии со Скандинавией в истории Булгарии?	429
§ 127. Имеет ли отношение Пермь к Биарм?	431
§ 128. Была ли самостоятельная Биармия или Булгарию называли Биармландом?	432
О государствах Маджгар, Башкурт и Буртас, непосредственно связанных с Волжской Булгарией	433
§ 129. Относится ли Маджгарское государство к государственности болгаро-татар?	433
§ 130. Башкуртское государство и отношение его к болгаро-татарской государственности	436
§ 131. Было ли государство буртасов и какое отношение оно имело к болгарскому государству?	440
Волжско-Булгарское государство и формирование болгарской народности	442
§ 132. О первых государствах болгар/болгар	442
§ 133. Дунайская Болгария и ее связи с Волжской Булгарией	446
§ 134. Возникновение Волжской Булгарии	448
§ 135. О территории Волжской Булгарии	450
§ 136. Результаты суверенного развития Волжской Булгарии	453
Золотая Орда, распад Булгарского и татарских государств	457
§ 137. Проблемы изучения и оценки Джучиева улуса — Золотой Орды	457
§ 138. Этнические процессы в Золотой Орде	461

§ 139. Некоторые политические процессы в Золотой Орде	464
§ 140. Государства, образованные в результате распада Золотой Орды. Булгарское и Казанское ханства	467
§ 141. Превращение Булгарского ханства в Казанское и его падение	469

ПЯТАЯ ГЛАВА.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА

§ 142. Борьба булгаро-татар за выживание в условиях Царской России	473
§ 143. Октябрьский переворот и приобретение татарами государственности	476
§ 144. О национальном движении национальных меньшинств	478
§ 145. Движение за государственный суверенитет Татарстана	482
§ 146. Проблемы возрождения и развития татарского языка	485
§ 147. Проблемы возрождения и развития татарской нации	488
§ 148. О единстве татарской нации	496

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 149. Основные выводы	501
----------------------------------	-----

Список использованной литературы	508
--	-----

Указатель этнонимов	537
-------------------------------	-----

Именной указатель	543
-----------------------------	-----

Об авторе	558
---------------------	-----

Закиев Мирфатых Закиевич

родился 14 августа 1928 г., филолог, историк, общественный деятель. Доктор филологических наук (1963), профессор (1964), действительный член (организатор) АН РТ (1991), действительный член и член президиума Российской академии лингвистических наук (2004), почетный действительный член Турецкого научного лингвистического общества им. Ататюрка (1995), почетный профессор Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (2005), почетный президент Татарстанского научного общества востоковедов (2007), член президиума Всемирной ассоциации тюркологов (2004).

В 1951 г. с отличием окончил Казанский университет, в 1954 г. там же аспирантуру при кафедре татарского языка и литературы. В том же году защитил кандидатскую, а в 1963 г. — докторскую диссертацию. Работал ст. преподавателем, доцентом. В 1960 году из общей кафедры татарского языка и литературы отделились лингвисты и организовали самостоятельную кафедру татарского языка, заведующим ее был избран Закиев.

В 1965 году он был выдвинут проректором по научной работе Казанского педагогического института (КГПИ) в 1967—1986 годах работал ректором этого же вуза. При нем Институт в два раза увеличил прием на первый курс, укрепил учебно-материальную базу, в 1976 году Институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1978 году вуз среди 250 педвузов СССР занял первое место и его опыт подготовки учителей был рекомендован для распространения в педвузах Европейских стран.

В период движения за суверенитет Татарстана появилась необходимость иметь в Республике несколько гуманитарных научно-исследовательских институтов. Новые НИИ было решено создавать путем расширения Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) и выделения из него самостоятельных НИИ. Для выполнения этой сложной задачи в июне 1986 г. назначили директором ИЯЛИ проф. М.Закиева, освободив его от обязанностей ректора КГПИ. При помощи АН СССР Закиеву удалось увеличить количество сотрудников ИЯЛИ более чем на 50 единиц, вместо семи — организовать 14 отделов. В результате в 1992 году отдел татарской энциклопедии, а в 1997 году исторические отделы были отделены от ИЯЛИ и на их базе созданы самостоятельные институты Татарской энциклопедии и Истории. Путем расширения отдела экономики ИЯЛИ был создан самостоятельный НИИ социально-экономических и правовых наук. Базовый Институт стал называться Институтом языка, литературы и искусства (также ИЯЛИ), где М.Закиев работал директором до 2000 года.

Будучи проректором, ректором и директором, он в КГПИ и ИЯЛИ создал самостоятельные кафедры и отделы по татарскому языку и испол-

нял обязанности их заведующих. После ухода на пенсию он продолжает заведовать отделом татарской лингвистики ИЯЛИ.

Будучи директором ИЯЛИ, проф. М.З.Закиев вместе с Первым заместителем Премьер-министра республики М.Х.Хасановым проводил очень большую работу по созданию Академии наук Татарстана, и стал первым академиком-секретарем этого Отделения на базе которого впоследствии было создано два отделения — гуманитарных наук и социально-экономических наук. М.Закиев вел эту работу до 2002 года.

М.Закиевым опубликовано более 700 научных работ, среди них около 60 монографий, учебников и учебных пособий. Его монография «Происхождение тюрков и татар» (Москва, 2003. — 496 с.) переведена на английский язык и введена на сайт Американских татар, на турецком языке она опубликована в 2006 г. (Стамбул. — 512 с.) под названием: «Türklerin ve Tatarların kökeni».

Открытие М.Закиева о том, что Казань построена *кусанами/косанами* 'белыми хуннами', легло в основу установления 1000-летия г. Казани, которое произошло в октябре 1995 года, 16 января 1997 г. Мирфатых Закиевич передал в мэрию города специальное письмо «О времени основания г. Казани», где впервые были сообщены достоверные сведения о 1000-летию Казани, в частности было сказано, что можно «научно достоверно отнести время возникновения города Казани к концу X в., на стыке XX—XXI столетий праздновать его 1000-летие». В 1999 году Институт истории подтвердил эту дату неопровержимыми доводами.

М.З.Закиев подготовил свыше 50 кандидатов наук, 17 из них уже стали докторами и профессорами. За большие заслуги в области филологических и исторических наук Мирфатыху Закиевичу было присуждено почетное звание заслуженного деятеля науки Татарстана (1970) и Российской Федерации (1976). В 1971 году он награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1976 г. — орденом Дружбы народов, в 1946 году удостоен медали «За доблестный труд в ВОВ 1941—1945 гг.». Кроме того, он награжден семью медалями. В 1994 г. Закиев стал лауреатом государственной премии РТ в области науки и техники. Он — отличник высшей школы СССР (1972) и отличник просвещения СССР (1974).

М.З.Закиев является общепризнанным общественным деятелем. В 1969—79 гг. он был депутатом Казанского городского совета, в 1980—1990 гг. он — депутат и Председатель Верховного Совета ТАССР. В 1977—1986 гг. Мирфатых Закиевич — председатель научно-методической комиссии по национальной филологии Минпроса РСФСР. В 1994—1999 гг. он — зам. председателя комиссии при Кабинете Министров РТ по реализации Закона РТ «О языках народов РТ». В 1970—2002 годах член комитета по государственной Тукаевской премии. С 1970 г. — он член бюро Российского комитета тюркологов, член научного Совета «Язык и общество» при РАН, в 1986—1992 гг. был председателем республиканского совета по общественным и гуманитарным наукам, членом редколлегии многих общероссийских, татарстанских и турецких научных журналов.

М.З.Закиев — ученый с мировым именем. Его труды по синтаксису, теоретическим вопросам истории тюркских языков и по этническим корням тюрков и болгар-татар, по проблемам возрождения и развития национальных языков народов РФ получили высокую оценку не только в Татарстане, но и в Российской Федерации, в Ближнем и Дальнем Зарубежье.

Научное издание

Закиев Мирфатых Закиевич

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА
(Этнические корни, формирование и развитие)

Цветные иллюстрации в книге:

Авары и булгары (6-8 вв.), Юго-западные степи (10-13 вв.),
Тюрки (6-8 вв.), Киргизы (8-9 вв.) из книги:
"Attila and Nomad Hordes" (Elite Series #30),
издательство "Osprey Publishing Ltd",
художник Ангус МакБрайд;

Обложка: на лицевой стороне — скифский всадник-воин.
"Хронография Европейской Скифии". Из-во Гос. Эрмитажа. СПб., 2003;
на обороте — изображения монет: Чешский свинцовый динарий
и Саманидский серебряный дирхем (аверс и реверс), найденных при раскопках
Казанского Кремля в 1997 г. (Гос. музей-заповедник "Казанский Кремль")

Редактор *Гибадулина Э.Ш.*

Технический редактор *Лапшина Г.А.*
Компьютерная верстка *Абдуллина Н.Т.*
Оформление обложки *Гибадулин Р.Я.*
Корректор *Лапшина Г.А.*

Сдано в набор 20.03.2008. Подписано к печати 14.11.2008.
Формат 60x90^{1/16}. Печать офсетная. Гарнитура Школьная.
Тираж 3000 экз. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 36,5. Заказ № 6470

По вопросам оптовых поставок книг издательства «Инсан» обращаться:

тел./факс: (495) 129-56-27

E-mail: info@bookseller.ru

Книжный магазин в Интернете

WWW.BOOKSELLER.RU

АНО Информационно-издательский центр «ИНСАН»,
119019, Москва, а/я 214

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская обл., г. Можайск, ул. Мира, 93

www.BookSeller.ru

ISBN 978-5-85840-013-4

9 785858 400134 >